

СТАНИСЛАВ РЕМ

ДВАДЦАТОЕ
ИЮЛЯ

Станислав Рем

Двадцатое июля

«Автор»

2017

Рем С.

Двадцатое июля / С. Рем — «Автор», 2017

ISBN 978-5-9533-6518-5

«Глава VI управления РСХА, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг прочитал донесение дважды. Текст он прекрасно понял с первого прочтения. Вторично прочитать послание Ноймана Шелленберга заставил сам собой родившийся вопрос: почему Гиммлер, из достаточно большого количества подобной информации выделил именно эту? Отто Йон входил в круг знакомых генерала Роммеля, командующего армейской группой «Б», который, в свою очередь являлся доверенным лицом фельдмаршала Рундштедта, бывшего главнокомандующего Западным фронтом. И тот и другой, по сообщениям резидентуры Шелленберга, являлись организаторами заговора, целью которого было прекратить сопротивление на Западном фронте и перекинуть все силы на Восточный фронт. Ничего нового. Собственно, подобную идею вынашивал и сам Шелленберг...»

ISBN 978-5-9533-6518-5

© Рем С., 2017

© Автор, 2017

Станислав Рем

Двадцатое июля

Памяти папы.

«Мой рейсхфюрер!

Считаю необходимым доложить, о том, что 7 июля Мадрид посетил некто Отто Йон (прибыл под именем Клауса Хефтена, опознан сотрудником безопасности нашего посольства Паулем Фричем). В течение двух дней он успел встретиться с американским военным атташе в Мадриде Аланом Каттнером. По непроверенным данным, Йон имел поручение для генерала Эйзенхауэра, связанное с планами капитуляции германских войск на Западном фронте. А. Нойман, Мадрид, 9 июля, 1944 год».

Глава VI управления РСХА, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг прочитал донесение дважды. Текст он прекрасно понял с первого прочтения. Вторично прочитать послание Ноймана Шелленберга заставил сам собой родившийся вопрос: почему Гиммлер, из достаточно большого количества подобной информации выделил именно эту? Отто Йон входил в круг знакомых генерала Роммеля, командующего армейской группой «Б», который, в свою очередь являлся доверенным лицом фельдмаршала Рундштедта, бывшего главнокомандующего Западным фронтом. И тот и другой, по сообщениям резидентуры Шелленберга, являлись организаторами заговора, целью которого было прекратить сопротивление на Западном фронте и перекинуть все силы на Восточный фронт. Ничего нового. Собственно, подобную идею вынашивал и сам Шелленберг.

Ещё в далёком августе 1942 года, при посещении рейхсфюрером СС ставки фюрера в Виннице, Шелленберг ненавязчиво поинтересовался мнением Гиммлера о том, стоит ли провести «зондаж» с западными государствами по вопросу «компромиссного соглашения». Правда, в тот момент глава внешней разведки не сообщил, что его люди, уже, без санкции высшего руководства, самостоятельно начали переговоры от имени рейхсфюрера. Игра стоила свеч. И отказаться от неё бригаденфюрер не мог.

В отличие от Геббельса, рейхсминистра пропаганды, и министра авиации Геринга, Гиммлер только прилюдно отличался рьяным фанатизмом. А уж самоубийцей его и вовсе нельзя было назвать. Обещанная Гитлером, победа забуксовала и даже сдала некоторые позиции. Гиммлер прекрасно понимал, победа третьего реха откладывается на неопределенное время. И потому, когда подчинённый высказал свои мысли, после долгих колебаний, однако, дал Шелленбергу «зелёную улицу». «Комбинация» началась. Правда, активизироваться не успела.

Спустя полтора года, неожиданно проявилась информация: генералитет вермахта тоже начал активную деятельность по установлению контактов с представителями западных спецслужб. Первые донесения пришли к Шелленбергу случайно, через его людей в команде адмирала Канариса. Бригаденфюрер в тот момент, решил: наконец-то появился великолепный шанс разделаться со старым, хитрым Лисом, как называли пятидесятилетнего адмирала, поменявшего море, на разведку. Что и было сделано. В феврале Канариса сняли с занимаемой должности. Абвер перешёл в подчинение Шелленбергу. Однако, со временем, когда информация стала поступать во всё более шокирующем объёме, Шелленберг, просчитав все «за» и «против», пришёл к выводу: ликвидация абвера и слияние разведок не принесла ожидаемого результата. Логическим завершением большого политического процесса, конечным финалом большой игры должна была стать ликвидация фюрера, и приход к власти другой личности. Такой, например, как Гиммлер.

В тот вечер, в мае сорок четвёртого года, Шелленберг набрался смелости и выложил все поступившие материалы о заговоре против Гитлера перед рейхсфюрером. Включая написан-

ные на одной странице собственные выкладки и размышления по данному вопросу. Гиммлер, выкуривая вторую, и последнюю сигарету за день, внимательно просмотрел документы, после чего с недоверием посмотрел на подчинённого. Предложенный Шелленбергом план потрясал своей простотой выполнения и, одновременно, пугал последствиями.

– Вы уверены, – Гиммлер, прежде чем дать ответ, несколько минут дал себе возможность сосредоточиться, – что генералы действительно решили свести счёты с фюрером? А не остановиться на его аресте?

– Да, господин рейхсфюрер. Все материалы, которые я собрал, подтверждают эту мысль. – глаза Шелленберга блестели от восторга, которого шеф совсем не разделял.

Глава РСХА прекрасно понял, к чему его склонял молодой генерал. И, что самое интересное, он и сам, морально, уже давно был готов сыграть в подобную игру. Война проиграна. Теперь стоял только вопрос о цене проигрыша. Однако, в пугающей ситуации захвата власти, Гиммлера устраивал только один вариант: мёртвый Гитлер. И никакого ареста. В противном случае за предложение Шелленберга не стоило браться. В противном случае ждала петля.

– А если заговор провалится?

– В таком случае, всё свалим на тупоголовых генералов. Их задача: ликвидация фюрера. Наша: ликвидация ликвидаторов. Господин рейхсфюрер, перед нами беспроигрышная комбинация.

Шелленберг приводил всё новые и новые аргументы в пользу придуманного плана. Гиммлер внимательно слушал молодого генерала, взвешивая все «за» и «против» предлагаемого плана.

Беседа длилась долго, чуть ли не три часа. В тот вечер, в мае сорок четвёртого, Гиммлер, опять-таки после долгих колебаний, дал согласие на предложение Шелленберга. Теперь, месяц спустя, глядя исподлобья на своего подчинённого, шеф рейхсбезопасности думал об одном: а правильно ли он поступил, что пошёл на поводу у этого молокососа? А, может, ещё есть возможность уйти в сторону? Отказаться от принятого решения?

Шелленберг, чувствуя состояние шефа, прочитал шифровку в третий раз, протянул лист рейхсфюреру:

– На мой взгляд, всё в порядке. Началась активная фаза. Как нами предусматривалось. Единственное, что я могу констатировать.

– Переговоры – не самое главное в данной ситуации. – Гиммлер спрятал донесение в стол. – Начало, как вы выразились, активной фазы, есть не что иное, как приближение противоправных действий против рейха. До сих пор были пустые разговоры. И подготовка шла только в отношении фюрера. Теперь же речь идёт о конкретных действиях против всего рейха!

– Совершенно верно, мой рейхсфюрер. – Шелленберг старался сохранять спокойствие, – Да, мы рассчитывали на то, что смертью фюрера всё закончится. Хотя и предполагали, что заговорщики, после начала активных действий, предпримут попытки связаться с американцами и англичанами. Когда-то этого следовало ожидать. Как нам хорошо известно, переговоры генералы пытались вести и ранее. Однако, результат был плачевный. Они решили несколько опередить события. Но положение вещей от этого не поменялось.

– Как и у нас. – уколол Гиммлер. Шелленберг тактично не обратил внимания.

– Теперь совершенно иная ситуация. Контакт следует завершить переговорами на уровне будущего правительства. О чём, собственно, и просил Йона. Единственное, что он не догадывается, кто будет правопреемником фюрера.

– Наследником фюрера, по завещанию, является Геринг. – тут же заметил рейхсфюрер.

– Наследником фюрера станет тот, кто покарает его убийц. – парировал бригаденфюрер.

– Думайте, что говорите, Шелленберг!

Гиммлер пристально посмотрел на подчинённого. Шелленберг хорошо знал этот взгляд. Пристальность и металл во взоре Гиммлера сквозили не от уверенности и силы. Скорее

наоборот, чтобы скрыть истинные чувства, охватившие его. Рейхсфюрер снова колебался. Как обычно, когда следовало принимать окончательное решение, страх перед будущим не давал этому человеку решимости сделать его. Шелленберг понял: следует взять инициативу беседы в свои руки. Пока не поздно. От того, насколько правильно, с точки зрения Гиммлера, бригаденфюрер выскажет свои мысли, зависело будущее.

– Мой рейхсфюрер, – размеренно начал Шелленберг, – мы прекрасно с вами знаем о физическом состоянии фюрера. Давайте скажем правду. Он не способен более вести нацию за собой, так же как не способен самостоятельно посещать клозет. Фюрер сделал нашу партию и наше государство сильным монолитным организмом. Он был первым, и останется первым для нас в наших сердцах. Но партией и государством, особенно сейчас, должна управлять здоровая, отдающая отчёт за все свои действия личность. К сожалению, должен констатировать, фюрер сегодня не способен не то, что руководить партией и страной, а даже своим собственным телом. Мой рейхсфюрер, как мне не больно говорить, но мы обречены на смену лидера.

Шелленберг ответил на взгляд. Господи, сколько раз он говорил Гиммлеру подобные фразы в различных вариациях. Неужели тому приятно слышать о том, что Гитлер смертельно болен?

Гиммлер молчал.

Бригаденфюрер обвёл взглядом помещение. Вроде, всё оставалось на своих местах. Картины. Мебель. Сейф. Хотя нет. Статуэтка Гитлера на столе переместилась вправо, ближе у краю. Случайность? Шелленберг почувствовал, как холодок пробежал по его спине.

Кабинет Гиммлера постоянно проверялся на прослушивание. Раз в неделю. В последний раз его прверили два дня назад. Как обычно, специалисты ничего не нашли. Однако, ощущение того, что все беседы записываются, и не только рейхсфюрером, не выходило из головы. Если техники плохо осмотрели помещение, и их беседа прослушивается, то в скором времени петля стянет шею разведчика. Шелленберг попытался отвлечься от навязчивой мысли о будущем. Впрочем, неудачно. Они жили в то время, в котором правила требовали идти ва-банк, постоянно балансируя между жизнью и смертью.

Конечно, можно себя успокаивать мыслью, будто, начиная с сорок первого года, его с Гиммлером стало объединять слишком многое. И такое, за что, но в значительно меньшей степени, другие поплатились жизнью. Однако, Шелленберг прекрасно знал, с кем имеет дело. Фюрер неоднократно выражал недовольство деятельностью руководителя СС. Впрочем, Гиммлер всегда находил возможность уйти от наказания, или перекроить гнев фюрера в свою пользу. Причина такой лояльности заключалась в одном. Гитлер и рейсфюрер были вместе в самые тяжёлые моменты для партии, с начала тридцатых годов. И потому, рейхсфюрер, как никто другой, мог рассчитывать на некоторую снисходительность. Гитлер всегда больше доверял старым партийным товарищам, чем той информации, которая к нему поступала от новоиспечённых членов партии. Шелленберг был из «новоиспечённых».

Гиммлер задумчиво принялся мерять шагами кабинет.

Всё ещё сомневается, – понял Шелленберг, – Его следует добавить.

– Мой рейхсфюрер, по показаниям медиков болезнь прогрессирует. Нашему любимому фюреру осталось жить год, от силы два. В скором времени мы будем видеть только оболочку Адольфа Гитлера. Но время может быть упущено. Во власти окажутся враги рейха. И потому я считаю гуманным, заменить его именно сейчас, когда Германия как никогда сильна и рвётся к победе. Тем более, есть чьими руками это сделать. Естественно, забрав у них инициативу..

Шелленберг чуть не обмолвился. На самом деле он хотел сказать: «Пока Германия верит в нас».

Гиммлер усмехнулся, словно прочитал невысказанную мысль собеседника, снял пенсне и помассажировал кончиками пальцев переносицу. Помолчал. Вернулся в своё кресло. Сделал секундную паузу.

Он принял решение, – понял Шелленберг.

– К сожалению, вынужден признать, вы правы. – голос рейсфюрера звучал тихо, устало, – Фюрер действительно серьёзно болен. И мы не можем допустить, чтобы дело партии кануло в лету. К сожалению, наш фюрер, по причине своего заболевания, сейчас не в состоянии адекватно реагировать на то положение, в котором очутилась Германия. И потому, слышите, Вальтер, только по этой причине, я соглашаюсь с вашими словами. – Гиммлер вернул линзы на нос. Проверил, насколько плотно они прижались к переносице, – Что ещё дополнительно вы можете мне сообщить?

Шелленберг достал блокнот, принялся рисовать в нём геометрические фигуры. Гиммлер знал об этой черте своего подчинённого: нервные длинные пальцы всегда что-нибудь крутили, сжимали, рисовали...

– По моим данным в планы заговорщиков входит открыть наш фронт перед неприятелем на Западном направлении. С данной целью во Францию несколько дней назад отправились люди Клюге, чтобы получить согласие командующих участками фронта.

– Каковы результаты?

– Естественно, отрицательные.

– Командующие не хотят изменять фюреру?

– Это не самая веская, как выяснилось, причина. Они не желают отправляться на Восточный фронт.

Гиммлер усмехнулся:

– Совсем немного понадобилось времени, чтобы красные внесли такую смуту в наши ряды. Плохо, Вальтер. Все они, генералы, наши товарищи. Боевые товарищи. Но, – Гиммлер хлопнул рукой по столу, – боевой товарищ – не только твой друг и воспитатель, но и твой судья. И если твой друг ведёт себя недостойно, мы должны сказать ему – уходи. А если он, к тому же, запятнал позором, трусостью форму офицера, наш долг, в лучшем случае дать ему пистолет с одним патроном и время на выстрел. А военные... Они ведь и предназначены для выполнения воинского долга. Всё остальное – предательство. Восточный фронт – не ссылка, а выполнение своих прямых воинских обязанностей. – Гиммлер несколько раз сжал узкую, холёную руку в кулачок, таким образом, снимая нервное напряжение. – Продолжайте.

– По последним донесениям из штаба Роммеля, фельдмаршал разработал план сепаратной капитуляции на своём участке фронта. Есть основания предполагать, он собирается открыть союзникам в ближайшее время линию обороны. До начала...

Шелленберг попытался подобрать нужное слово, но Гиммлер остановил его речь движением руки:

– А вот это плохо. Очень плохо. Роммель – сильная личность. Он умеет вести за собой. Достаточно вспомнить, как он провёл операцию в Африке. А потому, фельдмаршал не имеет права на самостоятельную деятельность. Тем более, его ни в коем случае нельзя пускать в Берлин. В чём конкретно заключён план капитуляции? Когда он собирается капитулировать?

– Пока не знаем. – Шелленберг сделал ударение на слове «пока», – Но я не думаю, что они будут оттягивать. Оптимальный срок – конец лета. И то, я бы на его месте поспешил. Русские наступают слишком стремительно. На Западе данным фактом обеспокоены.

– На Западе много чем недовольны. – Гиммлер нервно взмахнул рукой, – Следовало быть кое-кому посговорчивее год назад, когда мы им протягивали руку. И сейчас некоторые проблемы были бы решены. Благодарю за информацию, Вальтер. По крайней мере, теперь мы знаем, от чего следует отталкиваться. А теперь займёмся конкретикой. Во-первых, меня интересует Роммель.

Шелленберг вопросительно посмотрел на рейхсфюрера.

– Нет, Вальтер. Никаких прямых действий. – Гиммлер сделал ударение на слове «прямых». – Роммель слишком популярен в войсках. Обострение отношений с вермахтом, перед

предстоящими событиями, ни к чему. Несчастный случай. Только несчастный случай! Автокатастрофа, например. Думаю, мне вас учить не надо. Во-вторых, установите контакт со спецслужбами союзников. Естественно, американских. Американцы – деловые люди. Страна без прошлого. Они не держатся за своё эго, в отличие от старухи – Европы. С ними легче разговаривать, договариваться. Проведите глубокий первичный зондаж.

Шелленберг услышал свои собственные слова, произнесённые им в сорок втором году. Гиммлер их запомнил. Слово в слово.

– Но, Вальтер, моё имя в переговорах пока упоминать не следует. Рано. – Трус, – мелькнуло в голове Шелленберга. – В третьих. Следует установить точную дату акции. И исполнителей.

– Мой рейхсфюрер, я этим займусь немедленно.

– И постарайтесь справиться так, чтобы никто не смог сопоставить нас с заговорщиками. Мы должны находиться в стороне. И ещё. Как вы отнесётесь к тому, если мы привлечём к нашему плану Мюллера?

Шелленберг почувствовал, как у него вспотели ладони рук.

– Мой рейхсфюрер, я знаю, что не должен давать вам советы, но, на мой взгляд, нам не следует искать помощи у гестапо. Мы можем самостоятельно провести зондаж в военных кругах и выяснить необходимую информацию.

– А как быть с ликвидацией «недовольных»? – Гиммлер проследил за реакцией Шелленберга. Вон, как глаза загорелись. Ненависть, конечно, отличный инструмент в хороших руках, но не сегодня. Заговорщиков придётся уничтожать, в прямом, физическом смысле. И Шелленберг с такой задачей не справится. Неженка. За всю войну лично убил только двоих. Да и то, в силу обстоятельств. – Нет, Вальтер, гестапо – Мюллера следует вводить в игру в ближайшее время. Он не любит, когда его держат за дурака. А ваши личные отношения, бригаденфюрер, оставьте на будущее. Меня интересует результат, а не склоки между моими подчинёнными. Так что, в случае необходимости, я требую, вы хорошо слышите, требую ваших совместных действий. Вы меня поняли?

– Да, господин рейхсфюрер! Но позвольте с вами не согласиться. – Шелленберг встал, одёрнул китель и вытянулся по стойке «смирно». – Мюллер, конечно, человек ответственный. И с подобной задачей он справится. Но в нашем случае, я бы ему не доверял. Сколько донесений из его ведомства пришло к нам по поводу готовящегося покушения? Лично я не видел ни одного. О чём это говорит? О том, что, либо группенфюрер не считает готовящееся мероприятие серьёзным, и заслуживающим внимания. Во что лично я не могу поверить. Либо, он взял под свой контроль действия заговорщиков, и только ждёт результата их подготовки. То есть, дублирует наши действия. А потому, предлагаю пока его не задействовать в нашей схеме. Пусть действует самостоятельно. А мы за ним проследим.

– Что ж, – Гиммлер тоже поднялся. – Может вы и правы. Согласен. Мы не станем привлекать Мюллера. Пока не станем. Однако, Вальтер, если только возникнет необходимость в его людях, и в нём самом, то привлечём. И безо всяких разговоров.

– Фамилия, имя, отчество?

– Курков Александр Петрович.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот восьмой.

– Место рождения?

– Хутор Михайловский Нежинского района Черниговской области.

– Отец?

– Курков Пётр Славович. Учитель церковно – приходской школы. Скончался в одна тысяча девятьсот семнадцатом году.

- Мать?
- Куркова Ульяна Ивановна, домохозяйка. Умерла через два года после отца.
- Образование?
- Семь классов.
- Семейное положение?
- Холост.

Следователь прихлопнул ладонью муху, и брезгливо стряхнул её на пол:

- Чем занимались до войны?
- Работал по хозяйственной части. На складе.
- Каком складе?
- Склад исподнего белья, прошу прощения за подробности. При Васильковском управлении райторга.

- Значит, воровали?
- Никак нет. Работал честно, за что был награждён почётной грамотой.
- А я говорю воровал... Почему оказался в городе?
- Получил тяжёлое ранение. Лежал в госпитале. Вот документ перед вами. Отпуск.
- К какой партии принадлежите?
- Беспартийный.
- Имя жены?
- Холост.
- Год вступления в партию?
- Беспартийный.
- Военная специальность?
- Пехота. Пулемётный расчёт.
- Любимая еда?
- Борщ.
- Украинский?
- А что, есть казахский борщ?
- Вопросы задаю я. Отец посещал церковь?
- Да.
- В каком госпитале проходили лечение?
- Эшелон А-47.
- В каком полку проходили службу...

Курков устало отвечал на вопросы. Допросы шли, каждый день по пять – шесть часов. Если делал ошибку в ответе, ставились дополнительные два часа. Потом тридцать минут на обед, двадцатиминутный отдых, и к стенду. Стрельба из различных видов оружия. Автомат, пистолет, наган, бердан, самострел.... Потом метание ножей, топоров, вилок. Борьба, бокс....

Утром снова:

- Фамилия, имя, отчество...
- Курков Александр Петрович....
- Курков, о чём задумались? – офицер положил на стол пачку сигарет, зажигалку. Встал, потянулся.
- О превратности жизни.
- В смысле?
- В том смысле, что я еле сбежал из Совдепии, а теперь усиленно готовлюсь туда вернуться.
- Бойтесь?
- Нет. Какая разница, где подыхать.
- С такими настроениями вас могут не пустить на задание.

– Значит, дольше проживу.

Офицер прикурил, глубоко втянул в себя дым и тугой струёй выпустил его через ноздри.

Курков усмехнулся:

– Вы курите прямо как у нас.

– А что я ещё делаю, как у вас?

– Многое. Вот только в вопросах допускаете некоторые ошибки.

– Например.

– Вы спросили, к какой партии я принадлежу. Так там не говорят. У нас бы просто сказали: партийность.

– Учту. Кстати, почему вы решили, что вас отправят назад в совдепию?

– А куда меня ещё могут послать?

– Логично. Хорошо, предположим, вы вернулись в Россию. Что вас там ожидает, в случае ареста?

Русский усмехнулся:

– В лучшем случае – тюрьма. Но этого не будет. Если бы поймали за прошлые дела, то один разговор. А так, я понимаю, меня готовят к диверсионной деятельности, а за это везде «вышка».

– Вы имели в виду расстрел?

– Почему только расстрел. Петля. Удавка в руке сокамерника. Да просто сапогами забьют.

Инструктор затушил окурки:

– В чём-то вы правы. Там, – офицер неопределённо махнул рукой, – всё будет зависеть только от вас. А уж выживать, как я понял, вы умеете. Курков, я с вами работаю три месяца. И сегодня вы впервые, как это у вас говорят, завыли...

– Заскулил.

– Верно. – следователь протянул курево «арестованному». – Неужели есть отличие?

– Воют от отчаяния. Скулят от бессилия.

– Курков, вы и бессилие – понятия несовместимые.

– Сам себе удивляюсь. – подследственный кивнул на стакан и графин с водой, – Позвольте?

Обер – лейтенант жестом дал разрешение.

Курков тяжело поднялся, подошёл к столу, налил в стакан воду, выпил и произнёс:

– Будь вы сейчас настоящим следователем, господин обер – лейтенант, лежать бы вам на полу с проломленным черепом.

– Считайте, что прошли ещё один тест. – обер – лейтенант Грейфе прищёлкнул пальцами правой руки, – А вы понравились нашему шефу.

– Которому из них. За последние месяцы меня столько человек рассматривало, что я сам себе стал напоминать обезьяну в зоопарке.

– Вы бывали в зоопарке? Где?

– В Киеве.

– Сейчас нет Киева. И нет зоопарка. А штурмбанфюрер Скорценни есть. Вот ему то вы и понравились.....

Встреча со Скорценни состоялась в мае. Через два месяца после того, как его начали обучать диверсионной деятельности.

Куркову и раньше доводилось слышать о любимце фюрера. Герой нации действительно оказался таким, каким его описывали на словах и в газетах: мощным, подтянутым, высоким, с открытым большим лбом, со шрамом на левой щеке, цепким, оценивающим взглядом.

Ценит себя мужик, – Куркову Скорценни понравился. Достойный противник. Штурмбаннфюрер СС, инженер по образованию, а ныне командующий 150 – й танковой бригадой

СС, указал ему на стул, напротив себя. Тогда между ними находились большой письменный стол и переводчик.

Скорцени не менее оценивающе окинул взглядом своего собеседника, и, без всякого приветствия начал:

– Я не люблю предателей. И не только Германии. Впрочем, у рейха нет предателей. У него есть только враги. Явные и скрытые. Я не люблю предателей, как явление. Вы меня понимаете? – Курков кивнул в ответ, – Предатель – существо мелкое, обречённое. Мелкое, в своём духовном состоянии, обречённое в физическом. Политов, вы предатель?

Вопрос прозвучал резко и неожиданно.

– Нет, – подследственный не знал, как обращаться к своему собеседнику, и потому решил отвечать коротко и безлико. – Я не предатель.

– Вы постоянно врёте, господин Политов. Сначала утверждали, что являетесь лейтенантом Красной Армии Шевцовым. И перебежали к нам, в страхе перед наказанием НКВД, за невыполненное задание по обеспечению солдат продуктами питания. Так?

Переводчик переводил точно, слово в слово. Курков в ответ промолчал.

– Ещё тогда мы выяснили, что со стороны русских действительно сбежал один человек, а не был заслан к нам людьми НКВД. После, нам понадобилось некоторое время, чтобы выяснить причину вашего побега. Вы ничего не хотите нам сказать? К примеру, за что были осуждены?

Курков сидел, опустив голову.

Скорцени вскинул руку, посмотрел на часы:

– Господин перебежчик, у вас ровно тридцать минут, чтобы поведать нам свою историю. Правдивую историю.

Курков сжал пальцы рук. Ну вот, началось...

– Я – Политов Михаил Самойлович. Командир Красной Армии. Действительно сидел, по политическим соображениям...

Скорцени жестом остановил его речь. Переводчик отреагировал по-своему:

– Штурмбаннфюрер СС, господин Скорцени дал вам тридцать минут, чтобы вы рассказали правдивую историю. Он недоволен тем, что вы нас обманываете.

Курков с недоумением посмотрел на переводчика:

– Почему вы решили, что вас водят за нос?

– Я знаком немного с русским языком, и знаю, что значит «водить за нос». Посмотрите на стол, господин Политов.

Курков снова обернулся к Скорцени и увидел перед ним папку серого цвета с тесёмочками с правого боку. А ведь её не было, – мелькнула мысль.

– Вы удивлены, господин Политов? Это ваше дело. Уголовное дело.

Курков с трудом проглотил ком в горле:

– Откуда это у вас?

– Вы, на втором допросе, сказали, что бывали в Киеве. Это правда, вы там были. Только не уточнили, по какой причине вы там были.

Скорцени развязал тесёмки, и, перед Курковым распахнулась его личная история почти пятилетней давности. Протоколы, фотографии, свидетельские показания...

– Как видите, у нас есть кое-какие материалы, связанные с вашей прошлой жизнью. Теперь, господин Политов, мы готовы вас выслушать.

– Да. – протянул Курков, – Такого я действительно не ожидал. Припёрли, что называется... – играй, Серёга, играй. Пусть думают, что прижали тебя. – Да делать, видно, нечего... Меня зовут Сергеем Ивановичем Шиловым. По национальности украинец. Родился в Полтаве, в тысяча девятьсот десятом. Отца не помню. Погиб в гражданскую. Мать работала в школе. Умерла в двадцать девятом. Воспаление лёгких. Закончил школу. Поступил в институт. Учился два года. Бросил. Понял, не моё. Первая ходка – в тридцать втором.

– Что значит «ходка»? – перебил Скорценни.
– Арест. Дали пять лет. Ещё повезло, судили в июне. А не то загремел бы от «семёрки».
– Говорите точнее, – остановил Куркова переводчик, – господина штурмбаннфюрера интересуют все детали. Почему повезло? Что значит «семёрка»?

– Повезло потому, что посадили на малый срок. Можно я закурю?

Скорценни утвердительно кивнул.

– А «семёркой», – Курков с наслаждением втянул душистый дым, – у нас называли закон от 7 августа тридцать второго, – и процитировал, – «Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». За такую статью можно было и под расстрел пойти.

Переводчик переводил скоро и довольно точно.

– Господин Скорценни спрашивает, за что вас осудили?

– Растрата.

– Большая сумма?

– Тысяча триста рублей.

– Проиграли, потратили на женщин?

– Неправильно вложил, так будет точнее.

– Во что вложили?

– Камешки. Рыжьё. – Курков усмехнулся при виде непонимания на лице обер-лейтенанта. – Простите. Несколько бриллиантов и золото.

– Продолжайте.

– Попался. Посадили. Через год бежал. Подделал документы. Промышлял золотишком.

– Работали на приисках?

– Ещё чего не хватало. Мои прииски находились в ювелирных лавках и в частных коллекциях. За что ещё дважды был судим: в 1934 и 1936. Снова бежал. В тридцать восьмом приехал на Украину. Провернул пару дел. Последнее неудачно. Погорел. Да что я говорю, дело то перед вами лежит. Небось, уже познакомились.

Скорценни утвердительно кивнул головой в конце последней фразы.

– Вот сейчас вы не врётё. – переводчик достал записную книжку, – Это действительно ваше дело. – и он указал на папку, – Подписи, бумага, печати: всё подлинно, и, действительно, заполнено в тридцать восьмом году. Мы проверили. Теперь нас интересуют несколько моментов. Первый: как вы оказались на передовой. На советской передовой.

Курков пожал плечами:

– Пошёл воевать. – что непонятного?

– Против нас?

– А против кого же ещё.

– Но вы вор. Рецидивист.

– Одно другому не помеха. В тылу горячо стало. Нашего брата к стенке ставить начали пачками. А если не к стенке, то в штрафбат. Вот я умишком пораскинул, да и решил, лучше самому правильно определиться, чем тебя власть опередит. Встретил военного из госпиталя, позаимствовал у него документы. Так и стал Михаилом Самойловичем Политовым, младшим политруком.

– А если бы встретили настоящего Политова?

– Исключено. – Курков хотел было сплюнуть, но передумал, – У него сердце слабым оказалось.

Скорценни понимающе усмехнулся:

– Я просмотрел фотографии, на которых запечатлено, как вы убиваете своих соотечественников. Спокойно, уравновешенно. Неужели не испытывали никаких чувств?

Курков вскинулся:

– А что я должен был испытывать? Там, – бывший зек кивнул головой себе за спину, – я убивал ваших солдат. Вы же не спрашиваете меня об этих чувствах. А мясо оно везде мясо.

– Грубо, однако, точно. На первом допросе вы заявили, что... – переводчик прочитал, – «приходитесь сыном царского генерала, и хотите отомстить за своего отца». Зачем обманывали нас?

– Так вы же сами говорили, терпеть не можете предателей. Или уже поменяли к ним отношение?

Скорценни наклонился к переводчику. Курков смог расслышать немного, но и того, что он услышал, было достаточно.

– Пауль, – обратился Скорценни к переводчику, – вы позвонили генералу Власову?

– Так точно, господин штурмбаннфюрер. С ним работал генерал Жиленков. Отзывы положительные. Рекомендация: годен к проекту.

– В отличии, от самого Жиленкова, который кроме бумагомарания ничем больше заниматься не может. – Скорцени указал на Куркова пальцем. – Подключайте сына царского генерала к подготовке, и ежедневный доклад о нём. Полный доклад. Как работает, что ест, что пьёт. Как спит, о чём говорит, о чём думает.

– Пожалуй, последнее невыполнимо, господин штурмбаннфюрер. – улыбнулся обер-лейтенант.

– Должно быть выполнимо. То, для чего мы его готовим, требует этих знаний....

Грейфе затушил сигарету:

– Господин Курков, наш шеф снова желает видеть вас. Мы отправляемся в Берлин.

– Когда? – голос Куркова прозвучал устало и безразлично.

– Через два часа. Возьмите с собой всё, что посчитаете нужным. Сюда вы, судя по всему, не вернётесь.

9 июля рейхсканцлер Адольф Гитлер прибыл со своим штабом в Восточную Пруссию. В последний раз он посещал «Вольфшанце» пять месяцев назад. За пройденное время «Волчье логово» заметно преобразилось. Старые блиндажи перекрыли железобетоном толщиной в семь метров, с расчётом, что ни одна бомба не сможет повредить строению. Рядом с ними возвысились новые укрепления, своим мощным видом никак не гармонизировавшие с лесистой местностью, однако обнадёживающие своей крепостью.

Первым делом фюрер осмотрел личный блиндаж. Внешние работы по его укреплению завершили три дня назад, однако, внутри пахло побелкой и покраской: рабочие из организации «Тодт» продолжали заниматься внутренней отделкой.

– Очень медленно работают. – пожаловался Гитлер, после осмотра помещения, своему лейб – врачу Теодору Морелю. – Сыро. Тяжело дышать.

– Мой фюрер, – вскинулся Гейнц Ланге, личный камердинер Гитлера, – Вам, как вы и указали, приготовлены гостевые апартаменты. Там суше и теплее.

Гостевые апартаменты представляли собой настоящий лабиринт внутри железобетонного саркофага. От входной двери человек сразу попадал в «шлюз», коридор с бронированными дверьми, и круглосуточно дежурившей личной охраной фюрера. Дальше шёл первый поперечный коридор, в котором располагались жилые помещения: спальни секретарш, адъютантов, самого Гитлера, его врача. Следующий «шлюз» вёл к комнатам адъютантов и ординарцев. От них зигзагообразные ходы уходили к столовой, залу совещаний, библиотеке.

Гитлер без всякого оптимизма осмотрел предложенное помещение: потолок, стены, пол: всё руки неизвестных мастеров отделали деревом, на полу расстелили ковры, всюду горело освещение. И всё-таки, что-то внушало неприятные чувства.

– Вентиляция хорошо работает?

– Да, мой фюрер. – Линге показал на трубы под потолком. – Через кислородные шланги к нам сюда постоянно поступает свежий чистый воздух.

– Кислородные шланги? – Гитлер резво повернулся к адъютанту. – А где находятся баллоны? Надеюсь не за этой стенкой?

– Никак нет, мой фюрер. Они спрятаны в отдельном специальном помещении в пятистах метрах от нас.

Гитлер немного успокоился. Ещё не хватало, чтобы они взорвались вместе с кислородными баллонами.

Линге протёр лоб платком. В последнее время общаться с фюрером становилось всё более и более невыносимо. Подозрительность и мнительность вождя нации приняли просто потрясающие размеры. Он везде видел врагов и предателей. Страхи накладывались на заболевания физического плана, что ещё более угнетало фюрера, и, как результат, его окружение.

Гитлера долго просили перенести ставку в Восточную Пруссию. Первым заговорил про отремонтированный укреплённый центр Адольф Хойзингер, генерал – лейтенант, представитель сухопутных войск в генеральном штабе. Но Гитлер противился. Предчувствия не давали ему покоя. Он не мог объяснить, что с ним происходит, но каждой клеткой своего тщедушного тела ощущал: в «Волчье логово» ему ехать не стоит. Он стал придумывать разные предлоги, лишь бы оттянуть поездку на Восточный фронт. Да и Ева Браун, его секретарь и подруга, не хотела отпускать «своего Ади» из «Бергхофена». Как она утверждала, из опасения, будто с фюрером вдруг произойдёт несчастный случай, а она будет находиться вдалеке от него. Однако, фюрера на фронте ждали, а потому, Хойзингеру пришлось подключить к уговорам своего боевого товарища, Рудольфа Шмундта, генерал – лейтенанта, начальника управления сухопутных войск. Наконец, после продолжительных и настойчивых уговоров, Гитлер сдался.

В самолёте Линге опасался, что канцлеру станет плохо. Тот сидел в мягком, кожаном кресле, закутавшись в плед, из которого выглядывала одна голова, и, не отрываясь, смотрел в одну точку в обшивке самолёта. Взгляд обречённого, – отчего то подумал Линге. И вздрогнул. Такие мысли не должны посещать голову члена НСДАП и СС. Фюрер рядом, значит всё в порядке. Самолёт приземлился без проблем. Фюрер, несколько успокоенный спокойным полётом и мягкой посадкой, спустился по трапу, ответил на приветствие встречающих. Только тогда, впервые за день, на лице Гитлера появилось нечто, напоминающее улыбку. Линге потряс вид патрона до глубины души.

Рейхсканцлер прошёл в предоставленную комнату. Камердинер хотел, было, проследовать следом, но Гитлер остановил его:

– Я хочу отдохнуть.

– Но мой фюрер, вас ждут...

– Двадцать минут, Гейнц. Всего, двадцать минут.

Гитлер вошёл внутрь небольшой комнаты, в которой находились постель, с мягким валиком вдоль стены, небольшой походный столик с настольной лампой, два стула, полка для бумаг, кресло. На стенах висели репродукции его любимых картин.

Шаркающей походкой фюрер направился к столику.

На людях Адольф Гитлер изо всех сил старался казаться мужественным арийцем: не волочил ногу, пытался выглядеть волевым, подтянутым. Но, когда он оставался наедине с собой, тело тут же начинало вести себя просто предательски. Левая рука постоянно сотрясалась в нервных конвульсиях. Нога, раненая в первую мировую, отказывалась слушаться. Желудок предательски выдавал себя, выпуская газы. По этой причине Гитлер старался употреблять пищу как можно менее калорийную, и в небольших количествах. И, как можно чаще, пребывать в одиночестве.

На столик заботливая рука адъютанта положила любимую книгу рейхсканцлера. ЕГО книгу. В кожаном чёрном переплёте. С тиснением из чистого золота, с выбитыми по цен-

тру, опять же, из чистого золота, буквами в готическом шрифте: АДОЛЬФ ГИТЛЕР. МОЯ БОРЬБА.

Основатель третьего рейха дрожащей рукой открыл шедевр, перевернул несколько страниц и прочитал:

«Поздним летом 1920 года наш партийный флаг впервые увидел свет. Он превосходно подходил к нашему молодому движению. Он был нов и молод, как само наше национал – социалистическое движение. Новое, невиданное дотоле, знамя оказало могучее агитационное влияние.

Это был действительно символ! Перед нами не только сочетание всех красок, которые мы так горячо любили в своё время. Перед нами также яркое олицетворение идеалов и стремлений нашего нового движения. Красный цвет олицетворяет социальные идеи, заложенные в нашем движении. Белый цвет – идею национализма. Мотыгообразный крест – миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу творческого труда, который испокон веков был антисемитским и антисемитским и останется.

Спустя два года, когда наши дружины разрослись и охватывали уже много тысяч штурмовиков, возникла необходимость выработать для этой молодой организации ещё один символ победы: специальный штандарт. Проект штандарта я выработал сам, а затем передал его одному, золотых дел мастеру – Гару, для исполнения. С тех пор штандарт тоже принадлежит к числу победоносных символов нашего движения.

Наши собрания в 1920 году стали происходить всё чаще и чаще. В конце концов, мы стали устраивать по два собрания в неделю. Перед нашими плакатами всегда толпилось множество людей. Самые большие залы Мюнхена всегда были переполнены. Десятки тысяч обманутых марксистами рабочих перешли на нашу сторону и тем самым были возвращены в лоно борцов за новое будущее свободное немецкое государство. Теперь в Мюнхене нас знала широкая публика. О нас заговорили. Слово «национал – социалист» было у всех на устах, и все понимали, что это слово означает определённую программу. Систематически росло число наших сторонников и увеличивалось число членов организаций. Зимой 1920 / 21 года мы выступали в Мюнхене уже как сильная партия...».

Гитлер прикрыл глаза. Рука дрожала, нервно поглаживая лощёные страницы книги.

Зима двадцать первого. Гитлер вспомнил, как той зимой, в январе, он предстал перед судом, на котором его обвинили в срыве выступления Отто Баллершtedта, лидера движения за отсоединение Баварии и создания самостоятельного государства. В те дни, в газетах Гитлера называли молодым и ловким врагом. Нет, тогда, кажется, сказали не так... Гитлер напряг память и вспомнил: «...молодой, но ловкий враг, несмотря на его раннюю помолвку с дочерью восточного еврея, выходца из Галиции». Подлецы! Как быстро эти крючкотворы тогда раскопали про помолвку. Впрочем, им наверняка помог сам Баллершtedт.

Всё началось в девятнадцатом году. В далёком, но таком восхитительном, девятнадцатом году. Первые выступления в пивных, в составе Немецкой рабочей партии, впрочем, ещё не партии, в полном понимании этого слова, а скорее союза. Выступления против Баллершtedта и его идеи отделения Баварии от империи. Золотые дни. Осенью двадцатого в газете «Мюнхнер нойестен нахрихтен» он оттачивал своё перо в словесной дуэли. Одну из первых своих статей Гитлер помнил почти дословно: «Дунайская конфедерация означает зависимость Баварии от чешского и французского угля. Этого нельзя допустить никогда. Такая конфидерация ни в коем случае не должна состояться! Лучше Великая Германия под большевиками, чем зависящая от французов и чехов Южная Германия!». Затем первое столкновение, драка.

Потом трёхдневные слушания в Мюнхенском суде по поводу жалобы в нарушении достоинства Баллершtedта. На том суде Гитлер выступил с почти трёхчасовой речью, в которой развернул программу национал – социалистической партии. Теперь действительно партии. Его слушали. Им восхищались. О нём писали. Какое прекрасное начало...

Гитлер захлопнул книгу. Слова, слова... Кулак, вот самый верный аргумент. В двадцатом с Баллерштадтом дискутировали, а в тридцать четвёртом расстреляли.

Господи, почему так тяжело на душе? Почему Ева не хотела, чтобы он ехал сюда?

Гитлер присел на кровать. Всё складывается не так, как того хотелось бы. Обречённость. Это слово неотвязно следовало за ним по пятам. Оно преследовало его. Оно не давало ему спать по ночам. Оно сковывало всё его существо. Оно медленно, но верно убивало в нём лидера. Впервые обречённость он почувствовал месяц назад.

6 июня, рано утром Линге разбудил фюрера, сообщив о том, что его срочно просит к телефону Йодль. Сообщение потрясло, несмотря на то, что все последние дни ожидания были связаны с этой новостью. Доклады Риббентропа, Гиммлера и Йодля строились вокруг одной темы. Англо – американцы начали вторжение во Францию. Через полчаса Кейтль и Йодль были в «Бергхоф» для доклада. Гитлер успел взять себя в руки и настроиться на рабочий лад.

– Мой фюрер, – начал йодль, разложив на мраморном столе карту Атлантического побережья с нанесёнными на ней военными и населёнными пунктами. – К югу от Гавра десантные суда высадили войска. – докладчик провёл тоненькой указкой по карте, – Вот здесь. Их атаки во многих местах отбиты. Однако, в тылу наших войск сброшены парашютисты. На данный момент определить, где находится центр тяжести десанта пока трудно. Но, с полной уверенностью, можно сказать, оперативная внезапность противнику не удалась. Десант высажен там, где он нами и ожидался.

Гитлер окинул карту взглядом, выпрямился и взволнованно произнёс:

– Господа. Я рад, что англо – американцы решились, наконец, высадиться во Франции и именно там, где мы их ожидали. Посмотрим, что будет дальше.

В последующие дни Гитлер не придавал особого значения событиям во Франции. И не потому, что всё его внимание сосредоточилось на Восточном фронте, в связи с боями, развернувшимися на участке группы армий «Центр». Он ждал, что, вступив в войну, и, потерпев первые поражения, американцы предпримут попытки для ведения переговоров. Прошёл месяц. Но никто никакой инициативы не предпринимал. А после 25 июня, когда Хойзингер на очередном совещании доложил, что русские прорвали фронт и глубоко продвинулись на северо-запад, к югу от Витебска, и что они начали интенсивные атаки по всему фронту группы армий «Центр», а в некоторых местах опрокинули фронт, Гитлер понял: на переговоры с ним, по крайней мере, в данных условиях, вряд ли кто согласится. С того времени рейхсканцлер впал в полную апатию. Главнокомандующий стал избегать встреч с генералами. Всё больше проводил времени с Евой и Геббельсом. И всё чаще и чаще от него слышалось слово: «Измена!».

В дверь постучали.

Гитлер с трудом поднял голову. На пороге стоял Линге.

– Мой фюрер! Простите за беспокойство. Вас ждут в столовой. Двадцать минут прошло.

– Да, Гейнц. Спасибо. Я иду. Иду.

Старков заглянул в кабинет и, увидев Кима, кивнул ему:

– Через пять минут у меня. Со всеми соображениями.

Ким устало мотнул головой, прогоняя усталость, и принялся убирать документы в сейф. Ровно через пять минут Старков наливал ему чай и одновременно выговаривал:

– Посмотри на себя. Скелет в гимнастёрке. Что сегодня ел?

– Не помню.

– То-то, и оно, что не помнишь. – Старков поставил чашку перед подчинённым, рядом с ней разложил настоящее богатство: хлеб, сало. – Ешь. В ближайшее время ты мне нужен здоровым, и полным энергии.

Кима долго уговаривать не пришлось.

Старков раскинул на столе бумаги, фотографии, сдвинув все другие документы в сторону.

– Итак, товарищ Рыбак, рассказывай, что у нас имеется на данный момент.

– Немного, Глеб Иванович.

– Не торопись, проживи.

– Спасибо. – Ким вытер губы платком. Интеллект, твою мать, – подумал Старков. Ким, тем временем, продолжил, – Последние двое суток пытаюсь проанализировать ситуацию, но что-то концы с концами не сходятся.

– Детально.

– Имеются сообщения их трёх источников о заговоре против Гитлера. И о том, что его хотят ликвидировать.

– О ликвидации говорят все три источника?

– Нет. Только «Вернер».

– «Вернер» стоит десяти источников. – Старков разложил фотографии в удобном для себя порядке. – Нам бы ещё пару таких «Вернеров» на разных уровнях... Так что тебя смущает, товарищ Рыбак? Гитлера хотят убить? Ничего плохого в этом не вижу. Давно пора. Всё прогрессивное человечество мечтает избавиться от неудавшегося художника и тирана.

Ким покачал головой:

– Так-то оно так, но... – Ким провёл рукой по волосам. – Тишина, вот что меня смущает, Глеб Иванович. Полная тишина.

– А, по конкретней?

В последнее время Старков занимался подготовкой группы на Краков, и потому несколько отошёл от дела «Вернера», поручив контроль над ним капитану госбезопасности Рыбаку.

– А вот послушайте. – Ким имел глупую привычку, скрестив руки на груди, раскачиваться во время беседы. Впрочем, на Старкова подобные телодвижения никак не действовали. – Нам известно, что группа представителей вермахта собирается ликвидировать главу государства. Так? Так. Но нам неизвестно, что дальше? Кто будет поставлен на место Гитлера? Все три источника молчат. Самое любопытное. Инициаторы заговора, названные в радиосообщениях, находятся вдали от цели. То есть, на определённом удалении от Берлина. Практически все в прифронтовых зонах. Вопрос, как они могут влиять на события в столице рейха?

– Покушение на Гитлера – не только, а точнее, не столько Берлин, сколько фронты. – аргументировал Старков. – Именно там будет решаться будущее Германии.

– Не согласен. – Ким отрицательно покачал головой, – Дисциплина у немца в крови. Как сверху укажут, так жить и будет. Так что, генералы на фронтах в любом случае будут исполнять директивы из Берлина. Тогда, встаёт вопрос: чьи директивы? Нам до сих пор перечисляли имена только тех генералов, которые, по данным фронтовой разведки, практически не покидали своих позиций. Имются в виду, те, кто служит на Восточном фронте. К сожалению, о командовании, что находится на позициях во Франции, нам ничего не известно.

Старков прокашлялся, прикрывая рот платком.

– С другими отделами связывался?

– Да. Пусто. Во-вторых, меня настораживает, то, что никто из адресатов не говорит о позиции СС в данном вопросе. Либо Гиммлер знает о готовящемся покушении и молчит, выжидая его результатов. Либо он один из инициаторов покушения. О чём не знают наши информаторы. Как он поведёт себя, в случае удачного исхода? Встанет на сторону генералов, или постарается задушить восстание? – Ким допил чай и долил кипятку, – И самое главное – цель покушения. Заменить одну фигуру другой, чтобы продолжить войну? Не вижу смысла. Вести переговоры о мире? С кем? С нами? Вполне возможно, если у руля встанет человек из генералитета. При условии, полной капитуляции. Только для того, чтобы сохранить милли-

оны жизнью. Возвращаемся к прежней загадке: почему молчит СС? Вопрос: даст ли Гиммлер вести переговоры на данных условиях? Ответ отрицательный. Помешает переговорам? Ответ положительный. Это при условии, что Гиммлер не является инициатором заговора. А если он организатор? Вывод напрашивается сам собой: они должны выйти на наших союзников. В противном случае, вся эта возня с ликвидацией Гитлера никому не нужна. Вот такие мои соображения.

Старков, немного повернувшись в сторону, бросил взгляд на платок. Крови видно на нём не было. Слава богу, лето на дворе.

– Не густо.

– К тому же, учтите, все наши корреспонденты, в том числе и «Вернер», не могут дать полной картины. А «Вернер», как вы помните, имеет контакты со штабом Верховного главнокомандующего, то есть Гитлера.

– В таком случае, следует усилить резидентуру в Швеции, Иране и Турции. Первая информация, которая проявится, может поступить только оттуда. Особенно нужно усилить слежку за Папеном. Он в Турции развил потрясающую деятельность. Вот к нему, скорее всего, и придёт первая информация. А мы – тут как тут.

– Согласен. Но, знаете, Глеб Иванович, у меня такое ощущение, что нас водят за нос. А ещё, что мы сидим на пороховой бочке, в ожидании, кто же подожжёт бикфордов шнур?

Ким работал в «первом отделе», внешняя разведка, пять лет. Старков сам привёл его в «немецкое отделение» управления из одной столичной газеты, где тот работал журналистом – международником. Умный, грамотный, владеющий тремя языками, аналитик, что называется, от Бога. При этом, невзрачной внешности, не запоминающийся. Невысокого роста, с большими залысинами на лбу, с мелкой сеточкой морщин возле глаз от постоянного прищуривания, крупным носом, как говорят в народе, «картошкой», на котором удобно разместились очки в роговой оправе, и, при столь непривлекательной и незапоминающейся внешности, с красивыми руками с длинными пальцами. Из-за пальцев ему и прозвище дали в управлении: Пианист. Глеб Иванович усмехнулся. Знали бы окружающие, сколько силы и умения скрывается в сутулой, невзрачной фигуре капитана. Полгода усиленных тренировок сделали из бывшего журналиста прекрасного диверсанта. Старков снова зашёлся в кашле.

– Лечиться вам нужно, Глеб Иванович.

– На том свете меня вылечат. А теперь выкладывай новую стопку соображений. По глазам вижу, вертится у тебя что-то в голове.

– Есть одна мысль.

– Какая?

– Водит нас «Вернер» за нос.

– Ты что... – Старков даже привстал со стула, – «Вернер» – самая большая находка в этой мясорубке. Всё, о чём он сообщал, полностью совпадало. Понимаешь, полностью. На все сто процентов. Что называется в «десяточку». Работу «Вернера» САМ контролирует. – Старков указал пальцем в потолок. – Я и Фитин ему постоянно отчитываемся о его работе. Так что думай, прежде чем делать скоропалительные выводы.

– Глеб Иванович, – Ким тоже встал, – я вас прекрасно понимаю, но факты вещь упрямая. Посмотрите сами. «Вернер» нам давал и сейчас даёт точную информацию о дислокации войск, о передвижении частей. О том, что говорят в штабе Гитлера и его окружения. Оперирует точными цифрами, которые можно получить только из первых рук. Он нам даёт тот материал, который не смог дать ни один корреспондент. И вдруг неуверенность там, где её по идее быть не должно. – Ким старался, как можно убедительнее донести до начальства свои умозаключения, – О заговоре говорят в очень больших кругах: в штабах, в среде журналистов, среди промышленников. Сами посмотрите сообщения. – Ким указал на стол. – А «Вернер», открывающий двери на самом высоком уровне, не в состоянии дать полную информацию? Не верю.

Мой вывод такой: либо «Вернер» сам является одним из инициаторов заговора, либо он хочет воспользоваться его результатами в свою пользу.

– По-твоему, выходит, он поддерживает связь с нашими союзниками? Ведёт двойную игру?

Ким развёл руками:

– Выходит так.

– Двойная игра. – Старков подошёл к окну. В серых сумерках Москва напоминала мёртвый город: редкие прохожие, патрули, ни одного огонька. Привычная обстановка. – Интересно, как мы будем привыкать к мирной жизни? – неожиданно произнёс Старков.

– Что, Глеб Иванович?

– Говорю, мы настолько привыкли к военным условиям, что сейчас невозможно представить, как можно жить иначе.

– Вы это к чему?

Глеб Иванович резко повернулся в сторону Кима:

– А к тому, что если мы сегодня передадим твои выводы Фитину, то завтра я, да и ты тоже, не будем видеть вида из этого окна.

– Неужели Павел Николаевич не поймёт?

– Фитин то поймёт. – Старков сделал паузу, – САМ не поймёт. Да, рыбачек, задал ты мне задачу. Ну, Фитину то твои размышления я передам... А вот что будет дальше?

– Глеб Иванович, так ведь и заговор может не состояться. У них гестапо тоже не спит.

– А Гиммлер кто? Не гестапо? То-то и оно.

Ким подошёл вплотную к своему руководителю.

– Есть ещё один момент, Глеб Иванович.

– Какой?

– Шилов.

Старков расстегнул ворот гимнастёрки:

– Пожалуй, я тоже попью чай. Да, брат, задал ты мне сегодня вопросы – загадки. Лучше бы я не отлучался в эти дни. Выкладывай, что у тебя ещё, добивай старика.

– Шилова вызывал «Берта». «Берта» погиб в конце апреля. Как сообщил «Вернер», в результате авианалёта.

– Помню. На склероз не жалуюсь. Шилов, в таком случае, должен связаться с «Вернером». По паролю «Берты».

– Верно. А помните, в качестве кого «Берта» просил прислать человека?

– Стрелок, знающий взрывное дело. Одним словом...

– Диверсант. – закончил за начальника Ким.

Старков задумался. Капитан прекрасно понимал своего руководителя. Но факты...

– Одно дело, если его хотят использовать для работы. В том числе, и покушении на Гитлера. – Ким ужасно хотел курить, но при старике он подобного себе позволить не мог. – А если для отвода глаз? На тот случай, если покушение провалится, а «Вернер» его инициатор?

– Прикрыть свою задницу?

– Грубо, но точно.

– Тогда получается, нас использовали. – Старков долго молчал. То, что сообщил Ким, очень не понравилось старику. – Вот что, капитан. Пока о своих умозаключениях молчи. Время покажет, прав ты был, или нет. А такую информацию и Фитин наверх не подаст. Ай да «Вернер»...

Вальтер Шелленберг просматривал документы в своём кабинете на Беркаерштрассе, 32. В бывшем доме престарелых еврейской общины Берлина, располагалось несколько отделов и

рефератов VI управления РСХА. Адьютанту шеф приказал в ближайшие два часа никого к себе не впускать. Шелленбергу нужно было сосредоточиться.

Самый молодой генерал в рейхе своим внешним видом мало походил на руководителя спецслужб. Тридцати четырёх лет, чуть выше среднего роста, довольно привлекательной внешности: правильные черты лица, зачёсанные назад волосы, обаятельная улыбка. Шелленберг больше напоминал владельца магазина, в какомнибудь престижном районе Берлина, к примеру, на Тауэнштрассе, нежели военного. К тому же, и он сам пытался всеми силами соответствовать однажды выбранному типу интеллента и дворянина. Не было ни одного человека, кто мог бы рассказать, о том, что был свидетелем, как патрон нецензурно высказывался, или бранился. Бригаденфюрер прекрасно помнил, имя каждого из его сослуживцев, их жён, детей, даты рождения. На Рождество и партийные праздники все, без исключения, сотрудники получали от него поздравительные открытки. И, тем не менее, в управлении его недолюбливали.

Свою карьеру сотрудника СД Шелленберг начал с работы в центральной информационной картотеке. Так бы он там и просидел, если бы в 1938 году ему не подвернулся шанс выслужиться перед Генрихом Гиммлером во время поездки в Вену. До сих пор не понятно, чем покорило сердце главы СС бумаготворец – малокосос, но с тех пор Шелленберг стал получать от своего патрона всё более и более ответственные задания. С сентября тридцать девятого Шелленберг уже служил в отделе VIE, IV управления РСХА (Служба безопасности / СД – Восточная Европа), сначала инспектором, а, через непродолжительное время, и его руководителем. В том же тридцать девятом году Шелленберг подготовил операцию по дезинформации англо – голландской разведки, за что и был награждён Железным крестом I степени. После неудачного покушения на бывшего соратника фюрера Отто Штрассера, Шелленберг переключился на работу с западным сектором. Подготовка диверсантов в Британию, попытка вывоза высокопоставленных иностранцев из Португалии в Германию. Но, пожалуй, самым большим достижением карьеры Вальтера Шелленберга стала ликвидация в феврале 1944 года абвера (военной разведки), и передача всех полномочий VI управлению РСХА, то есть его ведомству. Теперь он один держал в своих холёных руках всю разведку рейха.

На большом столе, полной копии стола Гиммлера, бригаденфюрер разложил документы в порядке очерёдности их поступления. Итак, первый из них датировался февралём сорок четвёртого.

«X-11 Вагнеру.

12 февраля мэр города Штутгарта Карл Штрелин встретился с фельдмаршалом Роммелем, своим боевым товарищем со времён прошлой войны. Он сообщил фельдмаршалу о плане, разработанном некими высокопоставленными офицерами. Фамилии не известны. (источник информации не смог / отказался / их назвать). Во время беседы говорилось о том, что теми высокопоставленными офицерами предполагается взять фюрера под арест и принудить его объявить о своей отставке по радио. Самому Роммелю было предложено войти в состав нового правительства. В ответе фельдмаршал согласился со своими обязательствами помочь Германии, и пообещал продолжать оказывать давление на фюрера, с тем, чтобы тот смог осознать всю безнадежность, которая сложилась на фронтах. Но, от предлагаемого поста фельдмаршал отказался.

Записано со слов капитана Вирмера Йозефа, адьютанта фельдмаршала Роммеля.

16.02.44»

«X-11 Вагнеру

15 мая фельдмаршал Роммель встретился с военным губернатором Франции генералом Карлом Генрихом фон Штюльпнагелем. Встреча состоялась в пригороде Парижа. В чём состояла причина встречи неизвестно.

Записано со слов капитана Вирмера Йозефа, адьютанта фельдмаршала Роммеля.

18.05.44»

«L-46 Бруно

УСС (Управление стратегических служб) США в июне получило информацию о настроениях в «Брейкерс», германской военной оппозиции. В частности сообщено, что немецкие генералы намерены открыть фронт на западе перед англо – американцами, и считают, что, чем быстрее они это сделают, тем будет лучше. Новые успехи советских войск заставляют их ускорить осуществление задуманного плана. Однако, среди «верхушечной оппозиции» имеются лица, которые начинают задумываться о том, стоит ли ориентироваться только на Запад. Россия, по их мнению, становится грозной силой в Европе. Они предлагают искать сближения с русскими».

«X-11 Вагнер

9 июля фельдмаршала Роммеля посетил адъютант губернатора Франции, генерала Карла Генриха фон Штюльпнагеля, подполковник Цезарь фон Хофакер. В беседе оговаривалось, что если фюрер откажется взять на себя инициативу прекращения боевых действий на фронте с англо – американцами, то его следует к этому принудить. Командующий экспедиционным корпусом отверг данное предложение. В свою очередь фельдмаршал вызвался попросить у фюрера разрешения обратиться с мирными инициативами к британскому фельдмаршалу Бернаруд Монтгомери. По его словам, следует убедить британцев объединить свои усилия с Германией в борьбе против Советского Союза.

Записано со слов капитана Вирмера Йозефа, адъютанта фельдмаршала Роммеля.

10.07.44»

Последним лежал документ, почти полностью совпадавший по содержанию с тем сообщением, которое недавно получил глава СС.

Шелленберг задумчиво вынул из пачки «Кэмэла» сигарету, некоторое время помял её в пальцах, вернул на место.

Вывод напрашивался сам собой: фельдмаршал Роммель вёл свою сольную партию в новой игре. Те, из числа высшего руководящего состава вермахта, кто вступал с ним в контакт, не знали, что он вот уже как несколько месяцев ведёт тайные переговоры через своих людей с противоположной стороной. Но не с британцами, а с американцами. Это, во-первых. Во-вторых. Да, Роммель дважды встречался с фюрером, но обе встречи носили специфически военный характер. И, наконец, в третьих. Судя по всему, янки ждут от фельдмаршала не слов, а конкретных действий, которые тот им обещает. Роммель, в свою очередь, находится в ожидании движения от немецкого генералитета. Встаёт вопрос: а когда же собирается начать действовать генералитет?

Шелленберг протянул руку к телефону, накрутил номер:

– Карл? Не узнал, не узнал тебя. Как Эльза? Больна? Чем? Почему сразу не позвонил мне? Звонил? Да, действительно, меня не было. Но что-то придумаем. В самое ближайшее время. Карл, ты ещё служишь в своём издательстве? – Шелленберг прекрасно знал, что Карл Штольц по-прежнему работает журналистом в газете «Фелькишер беобахтер», центральном печатном органе НСДАП, подконтрольным министру пропаганды Геббельсу. – Вот и прекрасно. Мне нужно кое-что уточнить. Так что, каковы твои виды на сегодняшний вечер?

Самолёт попал в зону турбулентности, его основательно начало трясти. Курков проснулся, осмотрелся по сторонам. Темнота, бесформенные фигуры на лавках вдоль борта. На полу ящики, под потолком тускло горит матовый фонарь.

– Спите, солдат. – послышался голос обер – лейтенанта Грейфе. – Я думаю, у нас появилась одна из последних возможностей выпастись.

Курков попытался рассмотреть циферблат часов:

– Сколько ещё лететь?

– Сорок минут. Отдыхайте.

Курков накинул на себя суконное одеяло, предоставленное ему экипажем самолёта. Сон пропал.

Интересно, что сейчас происходит на родине?

Удивительная штука – жизнь. Авторитетный вор – агент НКГБ. Пять лет назад сказал бы кто, в морду плюнул.

А ведь если бы в сорок втором Спиридонов, следовательно, что вёл дело Шилова, не узнал его, там, в блиндаже, на передовой, то кто знает, как бы всё сложилось дальше. Но узнал...

Сразу после ареста, Сергей ожидал, что его расстреляют на месте, без суда и следствия. Либо прямым ходом отправят в дисбат. Но всё вывернулось с ног на голову. Вместо приговора и его выполнения, посадили в самолёт и, через три часа он прибыл в столицу. Лубянка. Камера. И разговоры. Прямо как у фрицев. Кто? Когда? Сколько? Владеешь ли языками?

Языками он владел. Немецким – в совершенстве. Была такая тяга к учёбе. Откуда – Бог его знает. Да и практика вышла сама собой неплохая. Сожительница – преподаватель немецкого в институте. Всё просила взять её в жёны. Французским занимался самостоятельно. Как говорится, для души. Правда, в последнее время второй стал забывать.

Там, на Лубянке, его прикрепили к Старкову и Киму. В основном с ним работал Ким. Именно он принёс сообщение о том, что младшую сестру Шилова угнали в Германию. Последнего, родного человека, оставшегося на этой проклятой земле.

– Я не знаю, что тебе там придётся выполнять. – признался Ким перед началом задания. Тогда они провели два дня в Подмосковье, под охраной, но всё равно на свободе. Именно там Сергей и получил основные инструкции. – Нам приказали подготовить тебя для неизвестной деятельности. Для нас – непривычной. По идее, тобой должны заниматься другие инструкторы. Но, приказы не обсуждаются, а выполняются. Три месяца мы были рядом. Как говорится, плечом к плечу. Одно могу сказать, хороший ты мужик, Серёга. И так думаю не только я. А, что с пути сошёл когда-то... Так мы все не без греха. Когда будешь там, зла ни на кого не держи. Ни на нас, ни на них. Иначе сгоришь. И никакой самодеятельности. Только выполнять приказы человека, к кому ты поступишь в распоряжение...

Деревянная полка давила на рёбра, но Курков старался неудобства не замечать. Вспомнился старик, как он окрестил Глеба Ивановича.

Перед тем, как отправить Шилова на фронт, Старков дал последнюю, подробную инструкцию:

– На передовой пробудешь недели три. Присмотрись что к чему. Припишут к разведчикам. К концу месяца прийдём в часть твоего сокамерника по Саратовскому «сизо» Зеленкова Геннадия Александровича.

– «Зелёнку»?

– Его самого. Кстати, почему ты его тогда избил?

– Это к делу, или из любопытства?

– Лично для меня.

– Буреть начал не по чину.

Старков усмехнулся:

– Логично. Итак, Зеленков тебя опознает. Естественно, начнут проверять. Вот в тот момент тебе и нужно будет уйти к немцам.

– А не слишком сложно? Может, просто перебежать?

– Да нет, Сергей Иванович. Фриц – он не дурак. Проверку обязательно устроит. И, поверь мне, сумеет узнать, что в части происходило. Как не прискорбно признать. Немцам рассказывай о себе всё. Но не сразу. Выдай себя за струсившего командира Красной Армии, за сына

репрессированного генерала. Будут мять бока, терпи. Матерись и терпи. А вот когда их проверка выведет тебя на чистую воду и покажет, что ты «зек», вот только тогда сделай вид, будто сломался. Сдавайся с умом. Дави на подставные судимости, на то, что тебя советская власть незаконно арестовывала. Мол, посадили по политическим мотивам. Прижмут личным делом по последнему ограблению, слогайся вторично. Сделай вид, будто хотел скрыть уголовную сторону своей жизни. Мол, кто уголовнику поверит? После дашь согласие на сотрудничество.

– А если у них дела нет?

– Есть, Сергей Иванович. Есть. – убедительно ответил Глеб Иванович. – Они когда Тетев взяли, где тебя судили за старика – ювелира, которого вы с подельником убили...

– Вот только не надо обобщать. – перебил тогда Старкова Шилов. – Перо деду вставил Ноздря. Сука, по «мокрому» нас протащил. Земля ему пухом.

– Так вот, – продолжил Старков, – немцы весь архив областного суда вывезли в Германию. Так что, дело лежит теперь где-то в Берлине. После проверки тебя перешлют в лагерь, где пройдёшь обработку власовцами. Теперь запоминай. Тебе нужно попасть к Жиленкову Алексею Николаевичу. Вот его фото.

Перед Шиловым лёг снимок, на котором был запечатлён улыбающийся полный мужчина лет тридцати – тридцати пяти, в белой косоворотке.

– Снимок сделан летом сорокового года, когда Жиленков работал секретарём райкома партии. Сейчас он, конечно, изменился, но, думаю, ты его узнаешь. Так вот, Жиленков сотрудничает с германской разведкой. Точнее, подбирает для неё кадры из наших военнопленных. Нас он интересуется, как выход на обер-лейтенанта Грейфе, и его руководителя майора Крауса, руководителя «Особой команды». Хотя, и не они основная цель. Твоя задача: центр подготовки диверсантов, который находится под Берлином, и которым руководит Отто Скорцени. Фото-снимком, к сожалению, не располагаем. Так что, заочного знакомства не состоится. Только личное. Будут предлагать другие условия, отказывайся. Играй. Не поддавайся на провокации. Твоя цель – через Жиленкова к Краусу. А от них – Берлин. Кстати, ты верующий?

Шилов повёл плечами:

– В детстве крестили. А так, атеист.

– Так вот, временно станешь католиком. В Берлине, точнее в его пригороде, есть костёл Святого Иосифа. Когда сможешь самостоятельно передвигаться по городу, посетишь его, оставишь записку вот такого содержания.

Старков написал на листе бумаги: «Молюсь за упокой отца моего и его сестры Берты».

– Положишь перед иконой Плачущей Магдалины. После выйдешь из костёла и прогуляешься по парку, что возле пруда. Посидишь на скамейке. Если всё будет в порядке, к тебе подойдут. Беседу начнёт подошедший. Кроме него ни с кем в контакт не вступай. В первой фразе должно прозвучать слово «Берта» – условный сигнал, что к тебе подошёл наш человек. Заметишь за собой слежку, немедленно покинь парк.

– Понятно. Что я должен буду выполнять?

Старков тяжело вздохнул.

– Каждый раз, когда готовлю людей к работе в тылу врага, всегда спрашиваю себя: а что он там будет делать? И не могу ответить на этот вопрос. Каждый действует по обстановке. Знаю одно: тот человек, кто тебя встретит, просил, чтобы мы прислали ему подрывника.

– Дела. – покачал головой Шилов. – А вы не боитесь, что я перевернусь на сторону гитлеровцев? Как – никак, вор.

– Ты словами не балуйся. – Старков закашлялся, промокнул рот платком, который тут же окрасился кровью. – Я тебе не красна девица. Боюсь – не боюсь. Ты два года на фронте немца бил. Под чужим именем, но бил. И из окружения вышел. Захотел бы, давно остался.

– Лёгкие где потеряли? – кивнул на платок Шилов.

– Сначала гражданская. Потом белофины.

– Понятно.

– А раз понятно, работай дальше. Детальный инструктаж проведёт Ким. И вот что, Сергей Иванович, прислушайся хорошенько к тому, что он тебе будет говорить. Наш капитан парень толковый...

Самолёт трянуло. Курков приподнялся и выглянул в квадратный иллюминатор. За бортом стояла сплошная чернота. Ни звёздочки. Всё скрывали тучи.

Снова завернувшись в одеяло, Шилов – Курков попытался заснуть. Ничего не выходило. То ли мешал храп обер – лейтенанта на соседней скамье, то ли мысли, будоражащие его....

Ким, в те последние дни перед отъездом на передовую, на спец. даче, тоже дал ему последние наставления.

– Когда окажешься в Берлине, не торопись. Жди. Они должны в тебя поверить так, чтобы ты мог спокойно ходить по городу. Без сопровождения. Если, после посещения собора, к тебе никто не подойдёт, придёшь ещё раз через две недели.

– А вдруг не отпустят?

– Придётся поработать головой. Придумай что-нибудь. Но в церкви тебе нужно объявиться обязательно. Ты у нас, вроде, как посылка «до востребования». Дальше действуй по обстановке.

– Знаю. Старков говорил.

– А он говорил, как будут проверять? – Ким внимательно посмотрел в глаза собеседника. – И проверку ты должен пройти на «отлично».

– Пройдём. – Шилов не отвёл глаз. После чего хлопнул Кима по плечу, – Да не беспокойся ты. Я всё понял.

– Да нет, брат, ничего ты не понял. Они ведь вербуют по-своему. – Шилов заметил, что Ким как-то странно обмяк.

– Точнее?

– Заставляют расстреливать людей. Наших, таких же, как ты и я, простых советских людей. Может, перед тобой будут стоять красноармейцы. Даже из твоего батальона. А может, старик из соседнего села. Так то вот.

Шилов облизнул пересохшие губы.

– И фоторграфируют. В личное дело.

– Кровью повязывают. – Сергей выматерился. – А если я не смогу стрелять в своих?

– Должен. – теперь капитан ответил на взгляд собеседника своими близорукими глазами, и тот неожиданно почувствовал, что готов немедленно схватить за шею стоящего напротив сопляка, и со всей силы сдавить его горло, так, чтобы там, внутри, что-то хруснуло. А потом хоть в тюрьму. Ким закрыл глаза, как бы подставляясь, и закончил мысль, – Есть такой приказ. Так что будь готов ко всему.

– Ты на что меня толкаешь? – голос прозвучал хрипло, отстранённо.

Рыбак долго молчал, наконец, произнёс:

– У тебя задание. Его нужно выполнить. Будут приказывать стрелять – стреляй. Долго не думай.

– Ну, вы и суки... – Шилов сжал кулаки, – Ты знаешь, что мне потом за это будет?

– Знаю. – сорвался Ким, – Только другого пути к ним попасть у нас нет. Понимаешь? Всех, кто не прошёл такую проверку, отправили в концлагерь. Или поставили к стенке, вместе с теми, кого они отказались расстреливать. А ты нужен в Берлине. Понимаешь, в Берлине, а не в лагере!

– Меня же потом, после победы, за подобные дела к «вышке» приговорят. – Шилов быстро осмотрелся: не дай Бог, кто слышит их разговор.

Ким несколько успокоился:

– Вот я к чему и веду, Серёга. Действуй по обстоятельствам. Старков постарается тебя прикрыть, но сам знаешь, сегодня на коне, а завтра в говне. Служба наша такая. Если мы выживем, то считай, тебе повезло. Будет, кому вступить. Однако, особо на рассчитывай: сам знаешь, старик болен. Остаюсь только я и Фитин. Если что-то произойдёт с нами, то совет могу дать только один: беги, куда глаза глядят.

Шилов усмехнулся:

– С такими советами за линию фронта не отправляют.

– А если я тебе буду врать, станет легче? Ты не дурак, и так всё понимаешь.

Они замолчали. Шилов упал на спину, посмотрел в небо. Ким присел рядом, на траву. Со стороны кухни донёсся запах пшённой каши. Скоро по времени должен был состояться обед.

– А если тот, к которому вы меня посылаете, – неожиданно спросил Шилов, – хочет сделать провокацию против нас, моими силами? Ведь вы же, насколько я понял, не знаете, что он задумал?

– Вряд ли. – отозвался Рыбак, однако, уверенности в голосе Кима Шилов не расслышал. – Человек, вроде, проверенный. Ни разу нас не подводил. А, если действительно у него на уме нечто собралось, так на то у тебя своя голова на плечах. Думаю, разберёшься, что к чему.

Шилов перевернулся на бок, лицом к капитану:

– Там Наташка, сестрёнка. Ты же сам говорил. Где она? В каком селе, или городе?

– Понятия не имею. Только, Серёга, в Германии сёл нет. У них фермы. И искать её сейчас не советую. Война закончится, тогда и займёшься поисками. Иначе, и себя угробишь, и её не спасёшь.

– А если её сейчас мордуют? А я рядом, и не помогу?

– А ты вспоминай, о тех, кого расстрелял. Я не бью тебя по больному месту. Просто помни: они отдали свои жизни для того, чтобы ты смог выполнить задание. Начнёшь искать сестру, можешь всё провалить. Тогда их смерть будет неоправданна. Вот так, Серёга.

Ким на некоторое время замолчал, но, наблюдая состояние Шилова, произнёс:

– Главное, чтобы она осталась в живых. А там Бог даст, разберёмся...

Дверь кабины пилота распахнулась:

– Господин обер – лейтенант, Берлин.

Грейфе откинул одеяло, потянулся, и радостно произнёс:

– Господин русский, у вас начинается новая жизнь.

Курков снова выглянул в иллюминатор. Внизу, под ним, в первых солнечных лучах, раскинулись кварталы знаменитого города.

– А какое сегодня число? – Шилов повернулся к обер – лейтенанту.

– Что? – не расслышал из-за рёва моторов Грейфе.

– День какой сегодня?

– Тринадцатое июля. А что?

Шилов прокричал в ответ:

– Неплохое число для начала новой жизни.

– Господин группенфюрер, вот список тех, кто прибыл в Берлин за последние сутки.

Адъютант протянул шефу гестапо Генриху Мюллеру несколько листов бумаги, испещрённых мелким печатным шрифтом.

– И что мне с ними делать?

Адъютант раскрыл, было, рот, но тут же его закрыл и развёл руками.

Кретин, мысленно оскорбил подчинённого шеф гестапо.

– Здесь всё, или только отобранная информация?

– Всё, господин группенфюрер.

– Так что, – не сдержался, таки, Мюллер, – прикажете мне их самому перебирать?

– Нет, господин группенфюрер, просто я решил, что вам...

– Гюнтер, – взгляд поверх очков не предвещал ничего хорошего, – я, и только я, буду в этом кабинете, в этом доме, в этом городе решать, что и кому делать. Вы меня поняли?

– Да, господин группенфюрер! – подчинённый, неожиданно, не по уставу, пристукнув каблуками сапог, развернулся и направился к двери, однако, резкий окрик остановил его:

– Ладно, давайте, ваши чёртовы бумаги. Копии имеются?

– Так точно!

– Работайте.

Адъютант вышел, оставив шефа гестапо одного. Мюллер быстро пробежал взглядом списки. Знакомых фамилий вроде бы не встретилось. Впрочем, нет, на чём-то глаз споткнулся. Нужно просмотреть ещё раз.

Гестапо – Мюллер, как его называли сослуживцы, положил документы на стол, снял китель, аккуратно повесил на спинку стула, несколько раз присел, сделал круговые движения руками – полегчало. В который раз пришла мысль, о том, что напрасно не перетерпел тяжёлые дни девятнадцатого – двадцатого годов. Глядишь, остался бы в авиации – не занимался всяким отребьем. Убийства, заговоры, измены – всё в одну кучу. И за всё отвечать ему. Одному.

Снова взял список в руки. Кажется, на второй странице. Не то, не то... Вот оно. Точно! Ганс Берндт. Ганс Берндт. Очень, очень знакомо. Мюллер улыбнулся. Память не подвела. Птенцы Канариса слетаются в Берлин.

Итак, Ганс Берндт Гизевиус. В документах по прибытии не указал своего полного имени. Думал, не заметят. Ай-ай, господин Гизевиус. Нехорошо так поступать человеку с дипломатическим паспортом, тем более сотруднику абвера.

Мюллер подошёл к, встроенному в стену, сейфу, открыл его, пересмотрел документы, выбрал из них тонкую папку, раскрыл её.

«... В мае – начале июня американских поданных, проживающих в особняке Херренгассе, Цюрих, Швейцария, трижды посетил Ганс Берндт Гизевиус, сотрудник абвера (дипломатическая неприкосновенность). Характер беседы между Г. Б. Г. и А. Д. / Аленом Даллесом / представлял собой диалог, по поводу будущего Германии после открытия «второго фронта». «Валет», позывной Г. Б. Г., интересовался, будет ли правительство Рузвельта вести переговоры с Адольфом Гитлером? Если да, то, на каких условиях. Если нет, то с кем из Белого дома следует установить контакт? А. Д. В свою очередь зондировал, кого представляет А. Б. Г. Последний дал ответ, будто работает в интересах абвера, точнее адмирала Вильгельма Канариса. Однако, несмотря на то, что фигура В. К. является одной из ключевых в руководстве рейха, А. Д. предложил перенести переговоры на более поздний срок, с тем, чтобы Г. Б. Г. увеличил круг заинтересованных в этих переговорах лиц...».

Мюллер захлопнул папку. Вот она, та ниточка, которая поможет распутать клубок. Только каков он будет... За свою долгую карьеру сыщика, Мюллер неоднократно сталкивался с тем, что власть имущие, как только им приходилось сталкиваться с законом, находили все рычаги давления на полицию и суды. В результате чего приходилось точно так же, как эту папку, захлопывать их дела и прятать в самые удалённые места. Два месяца назад Мюллер отложил бы дело в сторону и даже не брал его к рассмотрению. Но сейчас, когда Канариса сместили, а все бразды передали Шелленбергу, картина резко изменилась.

– Гюнтер! – Мюллер приоткрыл дверь и крикнул в коридор. Через мгновение адъютант стоял перед ним. – Вот вам фотография. Этого человека нужно найти. До девятнадцати часов информация о нём должна быть у меня. – Мюллер также протянул несколько листов из папки, – Здесь имена и адреса его друзей и знакомых. Вполне возможно, он у них.

– Какой состав оперативных работников разрешите задействовать, господин группенфюрер?

– Шесть человек. Всю группу Шольца.

– Можно идти?

– Да, Гюнтер. И ещё, предупредите Шольца, пусть его ребята действуют осторожно, не спугнут клиента. Простая слежка: где живёт, куда ходит, с кем встречается. Обязательно фотографии. И никакой самостоятельности.

– Господа, – генерал-полковник Людвиг фон Бек вывел вперёд уверенного в себе, дружелюбно улыбающегося человека, – Тем, кто не знаком с нашим другом, разрешите представить представителя абвера, точнее преданного человека адмирала Канариса, Ганса Бернда Гизевиуса.

В комнате, помимо генерал – полковника, находилось восемь человек. Генерал пропустил Гизевиуса вперёд, и, указав рукой, представил первого из присутствующих:

– Знакомьтесь. Карл Гердлер, наш верный советник. – Гизевиус тут же вспомнил, что представленный ему человек действительно являлся советником, в самом прямом смысле слова. С 1937 года Карл Гердлер работал советником концерна «Бош АГ».

Людвиг фон Бек тем временем продолжал:

– Начальник управления генерального штаба Фридрих Ольбрехт. – имя представленного офицера иногда проскальзывало в беседах с руководителем абвера. По данным Канариса, он стал противником режима ещё в тридцать восьмом году. – Полковник, граф фон Штауффенберг, представитель генерального штаба.

Высокий мужчина в полевой военной форме, стоящий к нему левым боком, не поворачиваясь, кивнул головой. Гизевиус заметил чёрную повязку, скрывающую пустую глазницу.

– И, наконец, наш друг, журналист «Фелькишер беобахтер», Карл Штольц. С остальными, насколько мне известно, вы знакомы.

Худощавый, сутулый молодой мужчина протянул Гизевиусу руку для приветствия.

Генерал – полковник пригласил всех сесть:

– Итак, господа. Наш гость только что прибыл из Швейцарии.

– Из Франции. – уточнил гость.

– Да, прошу прощения. И ему есть, что нам сообщить. – генерал – полковник кивнул в сторону гостя, – Мы вас слушаем, господин Гизевиус.

Гость поднялся:

– Благодарю вас, господа, за то, что вы собрались. Я действительно буквально недавно прибыл из Парижа, где имел встречу с генералом фон Клюге и фельдмаршалом Роммелем. У нас с ними была продолжительная беседа по поводу будущего устройства нашей Германии. Конечно, не во всём мы нашли общие точки соприкосновения. Но в одном пришли к общему соглашению. Они поддерживают наше решение о смещении фюрера с поста главы государства.

– О смещении, каким путём идёт речь? – Гизевиус обернулся к перебившему его человеку. Им оказался полковник – инвалид.

– Мирным путём, господин Штауффенберг. Только мирным.

Гизевиус хотел, было, продолжить говорить, но инвалид его перебил:

– Нам такой путь не подходит. – полковник тоже поднялся и вышел из-за стола. Гизевиусу бросилось в глаза, что у него нет правой руки: пустой рукав был аккуратно спрятан в карман кителя. – Мирный путь – путь самообмана. Мы неоднократно призывали фюрера к переоценке наших сил и возможностей. Но если его непонимание было терпимым до начала лета, то со вступлением англо – американцев в войну оно становится не только нетерпимым, но и преступным. Вести войну на два фронта мы не в состоянии. Впрочем, вся наша военная компания оказалась сплошной ошибкой с самого начала.

Гизевиус не ожидал такого напора.

– Я с вами отчасти согласен. Но, война есть, как говорят господа атеисты, реальность, данная в ощущение. И в данной ситуации нам следует найти выход из создавшегося положения.

Арест, или физическая ликвидация, а насколько я понял, речь идёт именно об этом, только накалят обстановку. Особенно на фронтах. Фюрер должен сам подать в отставку. Только таким путём мы сохраним единство в рядах партии и рейха.

– О каком единстве вы говорите? – в словах Штауффенберга послышался сарказм, – Рейх потерял его, когда вступил в ненужную, бесперспективную войну с Россией. А партия лишилось сего атрибута и того раньше.

– Имеете в виду «ночь длинных ножей»?

– Именно. Единственное, что нас ещё может спасти, перемирие с англичанами и американцами. Необходимо создать все возможные предпосылки, для скорейшего заключения мира. Но подобное возможно лишь при физическом устранении Гитлера, и замене настоящего режима временной военной диктатурой, которая, в свою очередь, обязана подготовить почву для создания демократического государства.

– Ого, – вскинулся журналист Карл Штольц, – Хотите полностью изменить строй? А как же тысячелетний рейх? Что с нашей национальной идеей? Или вы предлагаете миллионам арийцев сказать, что они шли неправильным путём? И все жертвы, павшие в боях, напрасны? Боюсь, господин полковник, та старушка, которая стоит сегодня в очереди за водой, и у которой сын погиб где-то под Смоленском, первая плюнет вам в лицо.

Полковник спокойно отреагировал на всплеск эмоций молодого человека.

– Господин журналист, вас устраивает то, что происходит сейчас? Тотальная слежка? Концлагеря? Эрзац – кофе? Полная разруха?

– А как иначе, господин полковник? Война. И не мне рассказывать вам, чем она сопровождается.

Во время спора никто не заметил, как хозяин дома покинул гостей и вернулся с новым гостем тайного собрания:

– О, господа, Ганс. – прибывший, начальник разведки генерального штаба Рудольф Ганзен, приобнял Газевиуса, – Не думал вас встретить здесь, в Берлине. Неужели в Цюрихе для вас закончилась работа?

– Никак нет, господин полковник. Наоборот, дел прибавилось. И я прибыл не из Цюриха, а из Парижа. Но об этом чуть позже.

– Что нового вы нам можете сообщить? – поинтересовался хозяин.

Ганзен многозначительно оглядел присутствующих:

– Добрый вечер, господа. Представьте, новости есть. И довольно неутешительные. На центральном фронте мы потеряли более двадцати полнокровных дивизий. Говорю неопределённо, потому что точных данных пока нет. – Ганзен сделал паузу и продолжил, – Девятой и Четвёртой армий больше не существует. Обе окружены, в районе Бобруйска... Отдан Минск. Русские продвинули фронт на несколько сот километров в глубь наших территорий. Там мясорубка.

В зале установилась тишина. Карл Штольц выложил портсигар на стол и похлопывал по нему кончиками пальцев, выбивая незамысловатую дробь. Людвиг фон Бек оглядел присутствующих:

– И каковы действия генерального штаба? Что думает фюрер?

– Действия нашего руководства я бы охарактеризовал одним словом: бездействие. – Ганзен сплёл пальцы в нервный клубок. – А фюрер запрещает отступать. Понимаете, он просто запретил отступать... В войсках усилили дисциплинарные наказания. За малейшее непослушание – расстрел. Страхом держат солдат на оборонных позициях. Однако, положение от этого лучше не становится. Русские продолжают наступление. А наши войска отходят к старой советской границе.

Фридрих Ольбрехт перекрестился:

– Боже, храни Германию.

Гизевиус тут же воспользовался паузой:

– Положение на Восточном и Центральном фронтах можно спасти только одним: немедленно прекратить сопротивление на Западе, и заключить мир с Эйзенхауэром.

– Мир, в понимании американцев, есть сдача всего того, что завоевала Германия, начиная с тридцать девятого года. Фюрер на это не пойдёт. – высказал своё мнение Бек.

– И не только это. – вставил Ганзен, – В одной из речей Рузвельт произнёс фразу о «беззаговорочной капитуляции Германии».

– Выходит, оккупация неизбежна. – задумчиво произнёс Карл Гердлер. – Вопрос в том, кто нас оккупирует? Лично я предпочитаю англичан.

– А я считаю, об оккупации ещё рано говорить. – полковник Штауффенберг с силой хлопнул ладонью по столу, – Если мы успеем сменить лидера нации, если докажем перед западными правителями, что по прежнему сильны, и курс Германии меняется в корне в сторону Запада, тогда возможен вариант сохранения страны в едином целом. Американцы и англичане пошли на союзнические отношения с Россией только потому, что их не устраивала политика Адольфа Гитлера. Я думаю, с устранением фюрера, их отношение к нам кардинально изменится.

– Господин полковник, напрасно вы думаете, будто Рузвельта или Черчилля устроит простая смена лидера. – вставил реплику Карл Штольц, – Они сейчас находятся в начале пути захвата Германии, и, зная этих господ, могу сказать, они не остановятся ни перед чем, когда впереди маячит лакомый кусок.

– В таком случае, господин журналист, – вставил Ольбрехт, – я разделяю мнение господина Гердлера. Лучше без боя отдать Германию цивилизованным англичанам и американцам, чем капитуляция перед варваром Сталиным.

Кто-то с левой стороны от Гизевиуса неожиданно выкрикнул:

– Господа, наступление русских стремительно. А что будет с Восточной Пруссией, с польским генерал – губернаторством?

Гизевиус обернулся на голос:

– Если будем бездействовать, случится самое худшее. Следует срочно провести переговоры с тем же Эйзенхауэром, с Монтгомери. В конце концов, можно выйти и на другие структуры: американский сенат, управление стратегических служб. С ними нам в любом случае придётся вступить в контакт.

– Опять переговоры... – граф фон Штауффенберг закурил, – Время, господа, мы теряем время. От чьего имени будут вестись переговоры? Вот в чём вопрос. И пока мы на него не ответим, никто с нами на контакт не пойдёт.

Гизевиус чуть не крикнул: как не пойдёт? Пойдёт, уже пошёл. Но, в таком случае, следовало открыться, а как его воспримут в качестве агента УСС, «Валета», он не знал.

– Господа, – Штауффенберг задумчиво покрутил сигарету, – я ненавижу раусских. Вы прекрасно знаете моё отношение к их Совдепии. Но, сегодня они ближе к Берлину, чем американцы. А потому у меня появились некоторые соображения: что если нам начать переговоры с ними?

Бек даже руками развёл:

– Полковник, от кого угодно, но от вас я не ожидал подобного измышления.

– А что, – неожиданно поддержал графа Гердлер, – Мысль недурна. Насколько я понял господина полковника, нам нужно оттянуть время. И такой тактический ход был бы уместен. Вопрос в другом: пойдут ли русские на переговоры?

– Пойдут. – уверенно ответил Штауффенберг и затушил окурок. – Если мы устраним Гитлера.

«Валет» мысленно зло выругался: вот тебе и результат встречи. Вся работа псу под хвост.

Сталин мягкой кошачьей походкой вышагивал по ковру за спинами Берии, Фитина и Старкова. Никто из них не смел оглянуться. В кабинете висела тяжёлая, давящая тишина. Прошло минут двадцать. Старков чувствовал, как внутри у него всё напряглось, тело превратилось в одну сильно натянутую струну.

– Товарищ Фитин, – голос Сталина звучал глухо и хрипло. Наверное, выпил что-то холодное, – подумал Старков. – То, что вы нам только что рассказали, есть факты, или ваши размышления?

Двадцать минут назад Фитин «выложил» непроверенную информацию: в скором времени на Адольфа Гитлера будет совершено покушение. Теперь данное предположение следовало доказать.

Фитин поднялся со своего места:

– Это мои размышления на основе донесений наших корреспондентов, товарищ Сталин.

– И что, ваши корреспонденты все в один голос утверждают, будто Адольфа Гитлера хотят убить? И даже не коммунисты, а его генералы?

– Так точно, товарищ Сталин. Информацию постоянно просеиваем. Источники берём из Германии, её сателлитов и от наших союзников. В заговоре против Гитлера принимают участие не только генералитет, верхушка вермахта, но и промышленники, некоторые представители остатков социал-демократии. Именно последние установили контакт с полковником Штауффенбергом. Я предполагаю, именно они оказали решающее влияние на мировоззрение графа. К сожалению, наши товарищи из коммунистической партии Германии в данном процессе принять участия не в состоянии. В связи с тем, что...

– Понятно. – Сталин остановил выступление Фитина небрежным жестом руки.

– И не удивительно. – вставил слово Лаврентий Павлович Берия. – Фашисты в первую очередь обрушили свою ненависть на коммунистов. Социалистов тронули слегка, практически не причинив им вреда. А напрасно. Я бы их, за то, что пропустили Гитлера к власти, первыми поставил к стенке.

Старков спрятал взгляд. По данному поводу, будь у него такая возможность, он бы с удовольствием поспорил с руководителем госбезопасности.

В тот роковой тридцать третий год, когда на выборах в Бундестаг Гитлер набрал сорок три процента голосов, коммунисты, вместе с социал-демократами, набрали сорок девять. Оставалось лишь объединиться. Не на словах, на деле. Социал-демократы открыто заявили о своей готовности подписать договор о сотрудничестве. На попятную пошёл Тельман, глава немецких коммунистов. Побывав перед тем в Советском Союзе. И блок, способный ликвидировать НСДАП как партию, не состоялся. Гитлер прошёл в высшие эшелоны власти. Конечно, Берия на тот момент ещё не был тем, кем стал сейчас. Но Глеб Иванович то в те времена уже работал в «немецком отделе», и прекрасно знал, что тогда происходило в Германии.

– Товарищ Старков, – Сталин направился к своему столу, – Каковы у этих, так называемых, заговорщиков шансы на успех?

Старков поднялся вслед за Фитиным.

– Я, товарищ Сталин, могу лишь выдвигать только свою гипотезу...

– А я от вас большего и не требую. Продолжайте.

– Этим летом, в отличие от прошлых лет, в Берлине сложилась наиболее благоприятная обстановка, для исполнения планов генералитета. Во-первых, наше мощное наступление. Самый главный фактор, повлиявший на их решение. Во-вторых, открытие «Второго фронта». В совокупности, оба события способствовали обострению отношений внутри окружения Гитлера. Моральное состояние армии и гражданского населения приближается к критической точке. В подобной атмосфере всё труднее становится работать гестапо. Гаулейтеры на местах теряют инициативу. В сложившейся обстановке, вариант смещения Гитлера насильственным путём возможен и реален.

Сталин раскрыл коробку «Герцеговины Флор», вынул папиросу, задумчиво покрутил её в руке. Старков напрягся: если сейчас Хозяин закурит, он не выдержит и зайдётся в кашле.

– Не волнуйтесь, товарищ Старков. – Сталин положил папиросу обратно, – Я прекрасно помню о состоянии вашего здоровья. Садитесь.

Глеб Иванович опустился на свой стул.

– Гитлер – наш враг. Сильный и жестокий противник. – задумчиво произнёс Сталин, – И с этой позиции я поддерживаю действия против него. Но не стоит забывать, заговорщиками являются те люди, которые активно проявили себя в борьбе с нашим народом. Для нас они такие же враги, как и их лидер. Смещение Гитлера на одного из членов немецкого генерального штаба отношение Германии к Советскому Союзу, так же, как и Советского Союза, к Германии не изменит. Даже наоборот, физическое уничтожение Гитлера может принести вред. И не столько в гитлеровской армии, как в наших войсках и армии союзников. Гитлер для простого, нормального человека ассоциируется с величайшим преступлением, которое нужно в обязательном порядке наказать. Но наказывать будем мы, а не его соратники. Гитлер должен предстать перед судом, и ответить перед законом за те преступления, которые он совершил. Такова наша позиция в данном вопросе. Товарищ Фитин, – Сталин остановился напротив начальника «первого отдела», – что известно о контактах представителей немецкого генералитета с нашими союзниками?

Фитин, продолжая стоять, сделал полуоборот к главнокомандующему.

– В начале лета имели место попытки провести переговоры при посредничестве генералов Эйзенхауэра и Монтгомери. Они закончились провалом. Причина: оба генерала не имели полномочий на проведение действий, подобного рода. Однако в Швейцарии прошёл более продуктивный диалог между представителем Управления Стратегических Служб Алленом Даллесом и сотрудником абвера, доверенным лицом адмирала Канариса Хансом Гизевиусом. Обсуждался вопрос смещения Гитлера законным, мирным путём. Конечно, на данный факт нужно обратить внимание, однако, следует учесть тот факт, что Вильгельм Канарис сейчас отстранён от занимаемой должности. Если Гизевиус работает от имени опального шефа, то данные переговоры обречены.

– Лаврентий, – Сталин повернулся в сторону Берии, – Нужно Молотову дать задание продумать письмо Рузвельту по поводу некорректного поведения его некоторых государственных служащих. В уважительной форме. Недопустимо, чтобы сейчас, когда мы, наконец, объединили усилия, за нашей спиной велась грязная работа. А вы, товарищ Фитин, подумайте, каким образом можно сообщить в ставку Гитлера о готовящемся покушении. Мы готовим в ближайшие дни сокрушительный удар, и намерены к концу сорок четвёртого года дойти до Берлина. И даже дальше. А потому, мы бы хотели видеть на скамье подсудимых всех, кто развязал войну.

Когда Фитин и Старков покинули кабинет главнокомандующего, Сталин закурил трубку, и обратился к Берии:

– Лаврентий, усиль своими людьми все организации, что находятся в Москве. Проведи проверку воинских частей, госпиталей, предприятий. Приставь своих чекистов ко всему руководящему составу. Дурной пример, Лаврентий, заразителен. А дураков у нас хватает. И чтобы кое-кому было неповадно, стоит подумать о подготовке к новому процессу. Вызывай на ближайшее совещание Рокоссовского.

Совещание в «Вольфшанце» проходило в обычном порядке: Хейзенгер докладывал о положении на центральном участке Восточного фронта. Обстановка не обнадёживала. Несмотря на переброску дивизий с других участков фронта и постоянные контратаки, задержать наступление русских в районе группы армий «Центр» не удалось. Минск пришлось оставить. Речка Березина форсирована широким русским фронтом. Части советских войск устре-

мились на Вильнюс и Гродно. На южном направлении шло успешное наступление советских войск на Барановичи и Брест – Литовск.

– Мой фюрер, – подвёл итог Хейзенгер, – К сожалению, вынужден признать, мы не сможем задержать русских раньше, чем они достигнут границ Восточной Пруссии.

Гитлер сгорбился над столом. Его левая, дрожащая рука свисала неживой плетью, а правой фюрер нервно водил по лежащей на столе карте. Толстые красные стрелы, нанесённые на оперативном документе, указывали на то, что главные наступающие части русских приближаются к Восточной Пруссии. Штаб-квартира группы армий «Центр» была вынуждена покинуть прежние позиции и расположиться на территории Германии.

– Почему фельдмаршал Буш так неповоротлив? – голос фюрера прозвучал тихо, тускло.

– Обстановка сложилась таким образом, мой фюрер...

Гитлер не дал Хейзенгеру договорить:

– Подумайте, кем заменить Буша. По всей видимости, наш генерал – фельдмаршал разучился воевать. Кто из его помощников более подходит на данную должность?

Хейзенгер растерянно развёл руками:

– Я думаю, генерал – полковник Рейнгарт, – произнёс докладчик первое, всплывшее в памяти имя, – командующий 3-й армией... Или, генерал – фельдмаршал Модель.

– Второй вариант мне нравится больше.

Гитлер ещё некоторое время смотрел на карту. Затем, не сказав никому ни слова, оторвался от стола и направился к выходу из блиндажа. Остановившись у двери, Гитлер пристально осмотрел бетонные стены, перекрытия и обратился к адъютанту Линге:

– Гейнц, обратитесь к Шпееру, пусть он выделит новые автоматы, те, которые мы ввели в парашютных войсках. Пусть ими снабдят охрану. А для меня закажите винтовку.

Линге с удивлением посмотрел на фюрера. Гитлер поймал его взгляд и неожиданно рассмеялся:

– Неужели вы думаете, я позволю законсервировать себя в этом склепе? – рейхсканцлер театрально вскинул правую руку, – Я ещё не забыл опыт окопных действий. В крайнем случае, тоже возьму винтовку, и буду сражаться вместе с вами. Позаботьтесь также о том, чтобы ординарцы прилежно тренировались в стрельбе. И ещё, Гейнц, соедините меня с Геббельсом.

Линге прищёлкнул каблуками сапог. Через несколько минут Гитлер разговаривал по телефону с министром пропаганды. Гитлер, в последнее время, нуждался в спокойном, обстоятельном и рассудительном собеседнике, и потому всегда обращался за помощью к своему старому товарищу по партии. В разговорах с ним Гитлер, помимо воспоминаний, всегда рассматривал и будущие перспективы рейха. Он по-прежнему, превозносил мощь германской армии и предсказывал её сокрушительные удары по всем направлениям, которые спланировал. Данная беседа не стала исключением:

– Йозеф, я спокойно и уверенно смотрю на положение на Востоке. Оно не безвыходно, как утверждают некоторые бездарные генералы. Поверь, в скором времени мы покончим со всеми нашими неудачами. Правда, придётся уступить немного стратегического пространства, но только для того, чтобы начать наступление...

Геббельс слушал фюрера невнимательно. Пока Гитлер злословил по поводу Восточного фронта, министр пропаганды думал о фронте Западном. Американцы и англичане пришли. И высадились именно там, где и ожидалось. На столе, напротив него, лежал дневник, единственный предмет, которому он доверял. В тот день, в день высадки англо – американцев, Геббельс записал в нём: «Фюрер счастлив, будто произошло событие, которое он с нетерпением ждал. Он столь долго был угнетён ожиданием, что теперь спокоен и не обнаруживает никаких признаков слабости... Немецкий народ почти что лихорадит от счастья... Заключаются пари, что война закончится в три дня, в четыре дня или за неделю...».

Теперь все надежды рухнули. Русские начали мощное, судьбоносное наступление. Фюрер находится там, практически рядом с линией фронта. По слухам, а точных данных ему не докладывают, линия фронта проходит в каких-то ста километрах от бункера фюрера. Бомбандировщик такое расстояние покрывает в считанные минуты.

А если это судьба? Если фюрер погибнет там, в Восточной Пруссии? Нет. Так думать нельзя. Правда, это шанс, стать его приемником. Разве он не достоин поста лидера партии? Только он, и «боров», как окрестило ближайшее окружение министра авиации Геринга, были рядом с фюрером с самого основания НСДАП. Но Геринг не способен вести партию, а значит и всю Германию за собой. Достаточно увидеть его хоромы. Он же все партийные деньги спустит. Если, конечно, найдёт их после Бормана. Геббельс с силой тряхнул головой: нет, таким мыслям нельзя давать жизнь.

Гитлер продолжал монотонно рассуждать о личных проблемах. Геббельс с трудом оторвавшись от неприятных мыслей, сумел втянуться в разговор. Фюрера следовало подбодрить, даже если он и не прав. Такова жизнь фаворитов.

Аллен Даллес вскрыл конверт. Письмо пришло от его старшего брата. Джона Фостера Даллеса, пребывавшего сейчас в Штатах и держащего свою руку на пульсе политики Белого Дома.

«... Моё настроение поднимается вместе с нашими акциями. – прочитал Даллес, – Правительство вновь решило увеличить заказ на продукт «С». Так что в ближайшем будущем, можно будет рассчитывать на солидные дивиденды. Впрочем, наши «кошельковые парни» сильно обеспокоены событиями в Европе. Расчёт на то, что Россия истечёт кровью и обессилит, не оправдался. Как нам только что сообщили, они, то есть русские, вышли к европейским границам. Это может достаточно весомо отразиться на нашем бизнесе. Ламот Дюпон энд компани просят выяснить и проинформировать – нельзя ли предпринять что-то реальное для защиты их интересов в Европе».

Точнее, предпринять действия для защиты континента от надвигающейся Советской армии, – перевёл для себя Даллес.

Он отложил письмо, вынул из коробки курительную трубку, набил её табаком. Из распахнутого окна доносились голоса птиц, обитающих на озере, вблизи которого находилась швейцарская резиденция управления стратегических служб. А ценитель трубочного табака являлся руководителем швейцарского отделения УСС.

Даллес сел в кресло, пыхнул дымком, и задумался. Два дня назад ему передали копию одного из важнейших документов германского генерального штаба. Обзор военных действий на Восточном фронте. Исходя из его содержания, Даллес сделал вывод, что дела немецкой армии в край как плохи. По бронетехнике на начало лета сорок четвёртого года у русских было превосходство в семь раз. В пехоте – в одиннадцать. На каждое германское орудие у русских приходилось двадцать артиллерийских стволов. Открытие так называемого второго фронта положения для американских бизнесменов не спасало: слишком поздно. После шестого июня русские наоборот увеличили обороты своего наступления. Мировая революция – вот что движет Сталиным. И теперь у него появился шанс покорить всю Европу.

Даллес, по своей натуре человек скрытный, делился информацией только со своими людьми. И то, по необходимости. О просчётах в личной работе он вообще предпочитал умалчивать. Но как специалист, анализировал всё, что поступало из различных источников, и сам к своим действиям относился критически. Сейчас он отдавал себе отчёт в том, что данной летней ситуации могло не быть, если бы год назад он не сделал грубейшего просчёта.

Ранней весной сорок третьего года Даллес впервые встретился с Гансом Гизевиусом, сотрудником абвера и ... Интеллидженс Сервис, британской разведки. Англичане легко передали «Валета» американцам. Как понял Даллес, по той причине, что антигерманские настроения на острове были значительно сильнее, нежели в Штатах, и замараться в связях с фаши-

стами никто не хотел. Впрочем, Гизевиуса такой вариант устраивал. Сразу же, после первой встречи с американским разведчиком, в его штаб-квартире на Херренгассе, в начале марта, «Валет» понял, что, в отличие от британцев, эти заокеанские парни рассусоливать не станут. Деловитость и основательность: основные черты новых партнёров.

Гизевиуса встретил сам Даллес. Они сидели в низких удобных креслах. На венском столике стояли два бокала с прекрасным французским коньяком. Англичане так его не принимали. И потому, естественно, он начал с претензий к старым хозяевам:

– Я информировал Британское правительство о том, что происходит в Берлине, на фронтах, о намерениях Гитлера, но события происходили, таким образом, будто в Лондоне ничего не знали...

Даллес отметил, как Гизевиус тактично промолчал, о том, как некогда предоставлял информацию и Соединённым Штатам. В Цюрихе, в тысяча девятьсот сороковом году, Гизевиус передал письмо бывшего имперского министра экономики Ялмара Шахта американцу, президенту Банка международных расчётов Фрейзеру. Содержимое конверта перекочевало в Белый дом. Там с ним ознакомились. И «положили в стол». Ответ на своё послание Шахт не получил. В том далёком сороковом году, Штаты рассчитывали на совместную компанию западных государств, против Советской России.

– Если говорить откровенно, – продолжал Гизевиус, – То многие события произошли с ведома британских спецслужб. К примеру. Английская разведка прекрасно знала о том, что в Штральзунде, на рыбацьи суда, грузили немецких солдат. Наши, то есть немецкие специалисты, в те дни были уверены, что английский флот перережет дорогу германскому флоту. Тогда мы, гитлеровская оппозиция, обсуждали вопрос, каким путём переправить информацию в Лондон. И, несмотря на осложнения, нашли такую возможность. Потому, как были уверены: Англия выступит в поддержку Норвегии. Однако, как вам известно, всё произошло совсем наоборот. Довольно странно, не правда ли? После тех событий, многие из нас разуверились в поддержке Западных государств.

Даллес промолчал. Его не интересовали старые дела. Тем более, он о них знал значительно больше, чем Гизевиус. Скандинавская, чешская, польская операции имели одно направление – Советский Союз. И своей цели они достигли.

– Каковы теперь настроения в вашей «антигитлеровской коалиции»?

– Ну, – воскликнул Гизевиус, – Сегодня совсем иное дело. Круг людей, недовольных политикой Гитлера, увеличился и количественно, и качественно. Нам удалось привлечь генералов Ольбрехта, фон Клюге, Геппнера, Роммеля, Хасе, Хаммерштейна, ... – «Валет» назвал ещё несколько имён представителей германского генералитета, – Помимо этого с нами поддерживают контакт представители промышленных кругов и министерства иностранных дел. Мы все едины в одном мнении: Германия должна сохраниться, как Великая Германия. Любым путём. С этим мнением согласны все. В том числе и генерал – полковник Людвиг фон Бек. Когда мы с ним встречались в последний раз...

Сколько пафоса, – подумал Даллес. Хороший физиономист и психолог, он чётко смог различить словесную игру своего нового агента. – Актёр. А ведь, наверняка, пешка в их игре. Впрочем, как говорят русские, за неимением гербовой...

– У вас имеется конкретный план действий? – перебил Даллес поток воспоминаний Гизевиуса.

– Да, конечно. – «Валет» нервно сжал пальцы рук. В беседе наступил переломный момент. – Генералы на Западном фронте, по общей договорённости, откажутся выполнять приказы фюрера. Мы, находящиеся в Берлине, воспользуемся этим моментом, и сместим фюрера. На его место будет назначен верховным главнокомандующим генерал Бек.

– А Гитлер?

– Партия Гитлера давно сыграна. Я бы на его месте подал в отставку. Впрочем, он в нынешней игре фигура лишняя. В прямом, физическом смысле. – в тот момент Даллес не поверил словам Гизевиуса. «Валет» продолжил свою мысль, – Мы располагаем достаточными силами в Германии, чтобы произвести подобную операцию. Единственное осложнение заключается в том, что мы, пока не в состоянии установить дислокацию эсэсовских частей, на которые может опереться Гитлер. Они в полном подчинении Гиммлера. Но мы ведём переговоры с полицией. С президент-полицаем Гельдорфом. И, я думаю, в скором времени, нам будет известно всё, о передвижении подчинённых рейхсфюрера.

Даллес поднял бокал, и скептически посмотрел на его содержимое:

– Это не просто затруднительное положение. – глава американской разведки раздумывал несколько секунд, однако, коньяк пригубил, – В случае, если вы не наведёте мосты с представителями СС, все ваши действия закончатся катастрофой. И я не уверен, что Гельдорф та фигура, на которую следует делать ставку. – Даллес сделал ещё один глоток, – Ну, хорошо, предположим, удалось провести в жизнь ваш замысел. Меня интересует вопрос: кто после переворота станет у власти? Пока вы назвали только генерала Бека в качестве главнокомандующего. А остальные посты? Пост рейхсканцлера кому достанется?

Гизевиус замялся:

– Дело в том, что мы пока не обсуждали данный вопрос. Есть несколько вариантов. Промышленные круги предпочитают Герделера. Военные хотят вернуть на трон крон-принца, сына покойного Вильгельма Второго.

– То есть, воскресить монархию?

– Можно сказать и так. – Гизевиус вспомнил о том, из какой страны прибыл Даллес и тут же встрепенулся. – Но детального обсуждения не было..

Врёт, – сделал вывод Даллес:

– А какой пост хотели бы занять лично вы, господин Гизевиус?

– Не знаю, – уклончиво ответил «Валет», – Может, министра внутренних дел?

– А как же господин Гиммлер?

Гизевиус сжался. Вот только этого имени не хватало услышать здесь. Ведь именно Гиммлер являлся той костью поперёк горла, которая и мешала Гизевиусу претворить свои планы в жизнь. Дело в том, что часть заговорщиков, и при том значительная часть, предлагала поставить во главе правительства именно Гиммлера. Ставка шла на то, что рейхсфюрер прекрасно владел ситуацией в стране. В его ведомстве находились все спецслужбы, контролирующие порядок в государстве. То, что будет крайне необходимо новому правительству.

– Ну, Бог с ним, с Гиммлером. – Даллес отметил про себя неготовность Гизевиуса к откровенности, – Ещё один вопрос. Вы полагаете, Гитлер добровольно уступит власть?

– Сомневаюсь. Хотя, среди нас имеются и такие люди, кто на это рассчитывает. Другая половина готова к решительным действиям.

– То есть?

Гизевиус сделал глоток из своего бокала:

– Ганс Остер пригласил из Шварцвальда опытного снайпера, которому поручил готовиться к покушению. Конечно, пока не сообщая на кого.

– Ганс Остер, – Даллес задумчиво протёр очки, – Если не ошибаюсь, человек Канариса, генерал – майор, правда, в отставке? В январе текущего года отстранён от службы в абвере.

– Совершенно верно. – продолжил Гизевиус, – Параллельно адмирал Канарис готовит ещё одно покушение. Недавно он летал на Восточный фронт и привёз оттуда довольно любопытный сувенир. Взрывчатку, сделанную в форме коньячных бутылок. Я их видел лично. Выглядят, как настоящие коньячные бутылки. Никаких подозрений. При этом сила взрыва потрясающая. Генерал фон Тресков должен оставить одну такую бутылку в самолёте Гитлера. Фюрер часто летает в Восточную Пруссию, в свою полевую ставку.

– Фон Тресков. Начальник штаба группы армий «Центр». – снова показал свою эрудицию Даллес. – Значит и он тоже связан с вами?

– Совершенно верно. Он, как и Ключе, и Бек, недоволен военным руководством Гитлера.

– И все они поддерживают ликвидацию Гитлера?

– Нет. Фельмаршал Ключе предлагает произвести арест фюрера у себя в ставке под Смоленском, с тем, чтобы потом заставить того лично передать все полномочия военным мирным путём. А вот, фон Тресков настроен решительно. Хотя я лично принял сторону, чтобы сначала были проведены переговоры с фюрером, и лишь потом принимались крайние меры. Но... К сожалению, к моему мнению не всегда прислушиваются.

– Постойте. – американец замер. – Вы хотите сказать, покушение на Гитлера должно состояться в ближайшие месяцы? – Даллес, наверное, впервые в жизни почувствовал, что значит выражение «земля уходит из-под ног». – В июле? Августе? Или осенью?

– Никак нет. В ближайшие дни. – Гизевиус настолько увлёкся своим рассказом, что не заметил, как его собеседник поменялся в лице. – Пока русские не добились преимущественных успехов, фон Тресков считает сейчас самое удобное время убрать Гитлера, и заключить мир. Таким образом, мы преградим большевизму дорогу в Европу, и сохраним Германию в границах 1939 года.

– С кем заключить мир? – Даллес боялся выдать эмоции голосом.

– Как с кем? – Гизевиус недоумённо посмотрел на собеседника, – С Москвой и Лондоном, конечно. Одновременно. Чтобы все остались при своих интересах.

Идиот, – чуть не выкрикнул глава швейцарского отделения УСС, – Господи, и он так спокойно говорит об этом. А как же Штаты? Моя карьера?

– Господин Гизевиус, вы понимаете, что ваши действия с этого дня должны полностью согласовываться с нами?

– Конечно, понимаю.

– На какое число назначено покушение?

– Со дня на день. «Коньяк» неделю назад отправлен в ставку фон Ключе. Как только фюрер прилетит в Смоленск...

– Отменить! – в голосе Даллеса прозвучали стальные ноты. – Всё и немедленно отменить! Вы слышите меня? Бомба не должна взорваться! И если взрыв произойдёт, то отвечать за всё будете вы. Лично!

Гизевиус растерянно смотрел на Даллеса. Он то думал, что его новость вызовет, как минимум, благорасположение со стороны представителя американского правительства. Однако, всё произошло совсем наоборот. И не так, как он себе представлял.

– Но, мистер Даллес, – Гизевиус робко развёл руками, – боюсь, слишком поздно. Среди нашей оппозиции экстремистские настроения через-чур сильны. Я не смогу повлиять на них....

– Меня и моё правительство не интересуют настроения вашей оппозиции. – Даллес боялся, как бы его голос не сорвался на крик. – Сейчас, здесь находитесь вы. Значит, вы и отвечаете за действия ваших, так называемых, товарищей по борьбе. – последние слова были произнесены в оскорбительном тоне. Впрочем, Гизевиус унижения не заметил. – Немедленно отправляйтесь в Берлин и передайте мой приказ адмиралу Канарису.

Гизевиус привстал с кресла:

– Но я не могу ваши слова передать адмиралу.

– Правильно. Не передавайте слова. Передайте ультиматум. Скажите Канарису, если моё требование не будет выполнено, то Редо Расеса, человека, который ему очень близок, ждёт незавидная судьба. Крайне незавидная. Вы хорошо запомнили мои слова?

– Так точно! Я всё передам, как вы мне велели.

– Вот и прекрасно. Присаживайтесь, господин Гизевиус. Наша беседа ещё не закончена...

Гизевиус передал Канарису пожелание Даллеса. И адмирал на него правильно отреагировал. Уговорить фон Трескова на то, чтобы тот отменил операцию, адмирал не смог. Генерал и слушать его не захотел. Тогда «Лис» решил переиграть заговорщиков.

Когда Гитлер покинул ставку в Растенбурге и отправился в штаб группы армий «Центр», располагавшейся в районе Смоленска, фон Тресков воспользовался своим личным знакомством с главным адъютантом фюрера генералом Шмундтом, и смог убедить того, что Гитлер должен посетить фельдмаршала фон Клюге, для обсуждения положения на фронте. Как раз во время этого визита Тресков и планировал заложить бомбу.

Встреча Гитлера и Клюге состоялась. После неё прошёл совместный обед, во время которого фон Тресков попросил полковника Брандта, врача, сопровождавшего фюрера, захватить с собой в самолёт посылку с двумя бутылками коньяка, для генерала Штиффа, из штаба верховного командования вермахта. Тресков знал, врач всегда находится рядом с Гитлером и полетит с ним в одном самолёте. Ничего не подозревавший полковник Брандт согласился. После обеда все отправились на аэродром, чтобы вылететь обратно в Растенбург.

Посылку с «коньяком» привёз на аэродром полковник Фабиан фон Шлабрендорф. Он и должен был привести в действие детонатор. Однако, сделать этого не успел. Его в последний момент остановил приказ Канариса, переданный одним из сотрудников штаба. В результате, когда фон Тресков дал сигнал, о том, чтобы полковник передал посылку, тот вручил врачу коробку с неактивизированной взрывчаткой.

На следующий день, с первым курьерским самолётом фон Шлабрендорф вылетел в ставку, встретился с доктором, и под предлогом, что он перепутал посылки, поменял взрывчатку на настоящий коньяк.

Не отдай тогда Даллес свой приказ, русские, может быть, не утюжили бы сейчас границы Европы. Но и американцы бы не вошли в Европу. И его брат сейчас бы не волновался по поводу их совместного дела. Тк что, всё тогда было сделано правильно. Всему своё время.

Вечерело. Даллес сел за письменный стол, включил лампу, открыл личные записи.

Итак, – по старой привычке разговаривать с самим собой, тихонько пробормотал он, – На этот раз всё должно произойти с точностью наоборот.

В отличие от прошлого года, заговорщики будут вести переговоры только с Западом. Оппозиция предложила сразу же, после устранения фюрера, открыть западный фронт и сконцентрировать все силы на востоке. В мае генерал – полковник Бек предоставил через Гизевиуса детальный план первых действий будущего правительства Германии. Им было предложено, высадить три авиадесантных дивизии союзников в районе Берлина и Гамбурга. Одновременно, французское побережье немцы без сопротивления передадут британским войскам, которые, к тому времени, должны будут переправиться через Ла-Манш.

Всё было согласовано.

Даллес сразу же передал предложение немцев в управление. И... Вместо того, чтобы поддержать предложение Бека, союзники начали самостоятельные действия на побережье Франции. После чего Даллес тут же сделал для себя вывод: в окружении президента сторонников Москвы значительно больше, чем патриотов Америки. Но, слава Всевышнему, что Билли Донован, руководитель УСС в Вашингтоне, по прежнему на стороне истинных интересов Штатов.

Даллес вновь прочитал письмо. Теперь, с согласия нужных людей, поддерживающих его на родине, он не только сместит Гитлера, но и поставит на его место своего человека. Главное, чтобы Гизевиус и Бек не подвели в последний момент.

– Вот, господин русский, как выглядит сегодня Берлин.

– Впечатляюще.

Машина с обер-лейтенантом Грейфе и Курковым медленно ехала по улицам старой, изуродованной постоянными авианалётами, столице Германии. Всюду виделись последствия недавней бомбардировки: горели остатки домов, из завалов извлекали стонущих раненых, всюду сновала жандармерия, пытаясь навести хоть какой-то порядок. Десятка два заключённых, под наблюдением солдат, разгребали завалы разрушенных домов, вытаскивая останки погибших жильцов.

– Русская авиация? – спросил Курков обер-лейтенанта. Тот быстро перекинулся несколькими словами с водителем:

– Нет, англичане. А вы бы хотели, чтобы ваши?

– Мне без разницы.

– Неужели?

– На то она и война. – уклонился от ответа Курков.

– Перестаньте изображать из себя философа. Это вам не идёт.

Курков хотел было ответить, но передумал. Настроение от вида разрушенного города пропало.

– Куда мы едем?

– Название улицы вам о чём-нибудь скажет?

– Нет.

– В таком случае, Потсдамелыштрассе 28.

– Благодарю. И что там находится?

– Приедем – узнаете.

– Поговорили, называется.

На указанной Грейфе улице находился штаб 150-й танковой бригады СС. Курков понял это, когда, войдя в кабинет, увидел штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени и двух офицеров, судя по их поведению, из его бригады.

– Если не ошибаюсь, господин Шилов. Господа, – Скорцени обратился к своим сослуживцам, – Перед вами наш будущий коллега. Хотя и русский. С сегодняшнего дня он будет находиться в бригаде, до появления соответствующего распоряжения на его счёт. Нам приказано сделать из него бойца, способного выполнять миссии, подобные тем, что выполняли вы.

Один из офицеров рассмеялся:

– Отто, неужели вы думаете, что существо со славянской кровью способно адекватно реагировать на неожиданный ход событий?

– Рихард, я не думаю. Я выполняю приказ. А теперь то, что касается вас, господин Шилов. – Скорцени впился взглядом в русского. – Вы уже освоили немецкий язык?

– Более- менее.

– Вы плохой курсант, рядовой Шилов. Для специалиста нашей профессии слово «более-мнее» не существует. – Скорцени повернулся к Грейфе. – Дополнительно по два часа занятий ежедневно. Итак, – штурмбаннфюрер вернулся к Куркову, – вы, я надеюсь, поняли, что мы из вас готовим человека редкого рода деятельности?

– Диверсанта. – уточнил Курков.

– Совершенно верно. Только в данном случае я сделаю уточнение. Не диверсанта, а террориста.

– Простите, господин штурмбаннфюрер, не вижу разницы.

– Именно поэтому ваше дальнейшее обучение будет проходить в Берлине и его пригороде. Террорист – более утончённая модель диверсанта. Первая их отличительная черта. Диверсант производит свои действия чаще всего не один, а в группе. Террорист – фигура одинокая. Самостоятельная. Во-вторых, диверсант – это любитель. Террорист – профессионал. Подготовка террориста обходится любому государству в несколько раз дороже, чем подготовка десятка групп диверсантов. Теперь, более детально. Террорист должен действовать

решительно и смело. Не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут его погубить. Концентрация тела и мыслей: вот основополагающая нашей профессии. Помню, когда мы освобождали Муссолини, то я перепрыгнул через ограду замка и очутился прямо перед карабинером. Замешкайся я на секунду, и не сидел бы сейчас перед вами. – Скорцени гордо вскинул подбородок, – Но я без колебаний прикончил карабинера, выполнил задание и остался жив.

Курков почувствовал на себе пристальный взгляд. Второй офицер рассматривал его несколько пристальнее, чем того следовало.

– Эрих, что вас так заинтересовало в нашем новом друге? – заметил заинтересованность второго офицера и Скорцени.

– Странно, – офицер, которого называли Эрихом, подошёл ближе к Куркову, – Никогда не думал, что буду стоять в одном строю с русским.

– Вам неприятно? – Курков сам не понял, как вырвалась фраза.

– Нет. Даже безразлично. Простое любопытство. Хотя я, Отто, не верю нашему, как ты выразился, новому другу.

– Напрасно. Он человек проверенный.

– То, что это недоразумение расстреляло несколько большевиков, и подписало бумажки, ещё ни о чём не говорит. Для них, русских, убить своего соплеменника обывательское дело. Меня только интересует причина: почему он это сделал? Хотел спасти свою шкуру, или же выполнял приказ своих хозяев – коммунистов? А?

Офицер резко наклонился к лицу Куркова и пристальным взглядом вцепился в его глаза.

Скорцени заинтересовано смотрел на обоих. Теперь он ждал ход Куркова. Тот отреагировал моментально:

– А вас, судя по всему, пощипали большевички, раз вы, профессионал, не можете сдерживать свою ненависть? – переводчик едва поспевал переводить речь русского, – Наверное, на Восточном фронте под зад пинком получили?

С последней фразой офицер схватил Куркова за ворот кителя, но тут же был остановлен окриком Скорцени:

– Довольно. Я не позволю, чтобы в моей команде имели место разногласия. – Скорцени махнул рукой в сторону офицера. – Эрих, успокойся. А вы, Шилов, отныне извольте разговаривать только на немецком языке.

Офицер недовольно отпустил русского и вернулся на место.

– Эрих, – второго офицера происходящее явно повеселило, – а ведь русский попал в «яблочко».

– Да пошли вы... – обидчик Куркова выругался.

– Успокойтесь, Шталь. – Скорцени подмигнул Сергею. – Не вас одного наказали большевики. А вы, господин русский, не думайте, что мы бесхребетные. Эрих положил на вас глаз. Вот он и будет за вами наблюдать. А теперь вернёмся к делу. Вас, господин Шилов, или как его теперь звать, обер – лейтенант?

Грейфе, тихо сидевший, до последнего момента, на стуле в углу кабинета, тут же вскинулся и отрапортовал:

– Курков Александр Петрович.

– Так вот, господин Курков, теперь вас будут обучать как со всей решительностью и храбростью совершить террористический акт в отношении специально охраняемого лица. Вы должны научиться выполнить задание, остаться в живых, и стать таким же героем, как я.

Гизевиуса арестовали рано утром. Люди в гражданской одежде тихо, отмычками отперли дверь, проникли внутрь дома. Гизевиус ещё спал, когда на него навалилось два тела. Связали руки, затолкали в рот кляп. Накинули на плечи длинный плащ. Вывели во двор. Бросили на

заднее сиденье побывавшего в дорожных переделках «Хорьха». Всю дорогу Гизевиуса не покидала мысль: кто его арестовал? На ум приходили два варианта. Если везут на Беркаерштрассе 32, в район Берлин – Шмаргендорф, то за ним пришли люди Шелленберга. Конечно, внешняя разведка не имела права на аресты и допросы, но кто сейчас считается с правами и законом? Впрочем, это лучший вариант. Значительно хуже, если его везут на Принц – Альбрехтштрассе 8. Тогда он в руках гестапо. Спрашивать широкоплечих молодцев бесполезно: в лучшем случае можно заработать удар под рёбра. Оставалось только ждать.

Все сомнения рассеялись, когда он увидел знакомые очертания пятиэтажного здания бывшей Школы прикладных и декоративных искусств. Его доставили в гестапо.

– Куда? – спросил дежурный офицер, даже не взглянув на арестованного. – В общую или одиночку?

– Папаша приказал в одиночку.

Папаша, – надежды пропали окончательно, – меня арестовали по приказу Мюллера. Это конец.

– Господин группенфюрер, – Гюнтер перед докладом прикрыл за спиной дверь. Мюллер с недоумением посмотрел на него.

– Что случилось? Русские решили капитулировать?

– Нет, господин группенфюрер. К вам бригаденфюрер СС Шелленберг.

Мюллер снял очки:

– Я не ослышался?

– Никак нет. У меня в приёмной ждёт встречи с вами шеф VI управления...

– Можешь не продолжать. – группенфюрер встал из-за стола, спрятал в сейф документы, окинул взглядом столешницу, на наличие компромата, после чего вернулся в своё кресло и только тогда отдал приказ, – Приглашай.

Шелленберг вошёл в кабинет упругой стремительной походкой. В военной генеральской форме. Что бывало нечасто.

Мюллер усмехнулся. Шелленберг предпочитал одеваться в гражданское, прекрасно зная, что военная форма ему не идёт. Раз он сегодня явился в парадном мундире, значит, дела у зарубежной разведки из рук вон плохи.

– Хайль Гитлер!

– Хайль, господин бригаденфюрер. Какими судьбами в наши пенаты?

– Служебными, господин группенфюрер, служебными. Пришло сообщение из Швейцарии. Они, без всяких оснований, начали выпускать на свободу «Красную троицу».

– А что вы хотели, чтобы швейцарцы держали их под стражей, когда русские прут на нас без всякого передыха?

Шелленберг поморщился. Конечно, Мюллер был прав, но такие высказывания его коробили.

– Да, я понимаю, швейцарцы потеряли всякий интерес к этим арестованным. Но они мне нужны. Очень нужны, группенфюрер. Я знаю, у вашего ведомства есть возможности переправить их в Германию.

– И кто мне это говорит? – Мюллер с трудом пытался скрыть желчь в голосе. – Уж не тот ли специалист, который собирался похитить Эдуарда VIII? Господин бригаденфюрер, неужели у вас нет возможности провести столь простую операцию?

– Имеется, но на данный момент я не могу её использовать. А пересылка «троицы» в Берлин могла бы послужить и нам, и вам.

– Если вы имеете в виду радиоигру, то роток на чужой хлебец не разевайте.

– Нет, ваша игра со всеми связистами мира, меня не интересует. – Шелленберг старался не замечать снисходительно – язвительного тона беседы, который ему пытался навязать Мюл-

лер. – Но мы так и не смогли выяснить, от кого поступала информация из Германии? Источник обнаружен не был. В Швейцарии их допросить нам не дали. А теперь их ещё и на свободу выпустили. День – два, и они исчезнут из нашего поля зрения.

Мюллер указал собеседнику на кресло напротив себя. Когда Шелленберг сел, группенфюрер наклонился к нему и медленно проговорил:

– Знаете, Шелленберг, с того момента, как вы вошли в мой кабинет и выкладывали свою просьбу, я раз пять задал себе вопрос: зачем он пришёл? С прошением? Нет. На вас это не похоже. У вас самого имеются все возможности, чтобы переправить в Берлин «красную троицу». Но вы этого делать не станете. Потому, что они вам нужны там, в нейтральной Швейцарии. И никуда они не исчезнут из вашего поля зрения. О чём вы прекрасно знаете. Тогда зачем вы здесь? Навести мосты? Исходя из нынешней обстановки, можно дать утвердительный ответ. Но я такой вывод делать не стану.

– Почему? – Шелленберг заинтересовался. Мюллер крайне редко, по крайней мере, в его присутствии, позволял себе отвлечённые разглагольствования.

– Потому, что вы не пойдёте на мировую с гестапо – Мюллером. Для ведения переговоров с западным противником нужны чистые руки. А вы ведь собираетесь вести такие переговоры. Не отрицайте. А мои руки грязные. Однако, я вам для чего-то нужен. В отличие от вас, я не верю дядюшке Сэму и островитянам. Но, повторюсь, я вам нужен. Для чего? Задаю себе я вопрос. И отвечаю на него. Да не для того, чтобы что-то получить, или привезти. А для того, чтобы что-то вывезти. Пока гестапо – Мюллер стоит на страже границ рейха, никто и ничего без его слова не вывезет. И не выедет. Я прав? Прав. А теперь вернёмся к «троице». Обратите внимание, все, кого мы задержали и кто работал на советскую разведку, люди далеко не бедного достатка. О чём это говорит?

– Интересно, о чём? – Шелленберг и не пытался сделать вид заинтересованности.

– А это говорит об одном: что-то неладно в нашей системе. Полагаю, бригаденфюрер, – слово «бригаденфюрер» Мюллер произносил с лёгким вызовом, что, впрочем, совсем не коробило Шелленберга, – вы согласитесь, опираясь на собственный опыт, советское влияние в Западной Европе не ограничивается рабочим классом, пролетариями, и всяким другим деклассированными элементами.

– Вы имеете в виду преступников?

– Естественно. Но, как ни парадоксально, чаще коммунистической заразе подвержены люди образованные. Вас это не настораживает? Меня лично, да. Мы тут допрашивали недавно одного такого, образованного. Так он знает, что нам выдал? Сейчас, прочитаю. – Мюллер не поленился подняться и подойти к шкафу, – Вот, послушайте, – группенфюрер достал папку, перелистал её, нашёл нужное место, – Национал – социализм есть всего лишь экскременты в духовной пустыне. Каково, а, назвать идею нашей партии говном? И кем восхищается этот немец? – Мюллер вернулся к тексту, – В России совсем иное положение. Там развиваются одновременно духовная и биологическая силы. Глобальная задача коммунистов – духовная и материальная революция – представляет собой заряд, противоположный западному негативизму.

Что за бред он несёт? – подумал бригаденфюрер.

– К чему вы ведёте, группенфюрер? – Шелленберг не находил себе места. Фактически, он явился к Мюллеру, чтобы действительно навести мосты. Но не по «Красной троице». Его интересовало, что известно гестапо о готовящемся перевороте в Германии? И насколько Мюллер готов встать под знамёна Гимmlера. Причём, в данном случае, Шелленберг проявил собственную инициативу. Но визит, судя по всему, закончится безрезультатно.

– А к тому, – продолжал гнуть свою непонятную для бригаденфюрера линию Мюллер, – что мы с вами абсолютно разные люди. Вы были высокопоставленным адвокатом. Востребованным. Высокооплачиваемым. Я – сыщиком. Сыскарем. Который, кстати, поставлял таким

как вы клиентуру. И за это получал нищенскую заработную плату. Вы из состоятельной семьи. Я – человек бедный. Вы прошли наверх с помощью связей. Да, да, бригаденфюрер, и этого не следует стесняться. Так в нашем мире поступают все, и это не считается зазорным. Мой же зад ощутил это кресло, – рука хлопнула по потёртой коже мебели, – лишь благодаря личным качествам и добросовестному труду. Выходит, я, и такие, как я, должны поддержать Советы, с их борьбой за равенство и справедливость, и с их, как выразился этот подлец, борьбой за духовную и материальную революцию. Однако, сторону Сталина приняли не мы, голозадые, а такие, как вы. Чистые интеллигенты. Я видел достаточно в этой жизни. И знаю её цену. Поэтому, и делаю для себя вывод: мы проиграем войну. Мы её уже проиграли. И не из-за таких, как я. Парни, вроде меня, сидят в окопах и с криками «Хайль» бросаются на врага. Чистоплюи, вроде вас, обсуждают тяжёлое положение нации и переводят капиталы в Швейцарские банки.

– Довольно смело, господин группенфюрер. – Шелленберг ошеломлённо смотрел на Мюллера. Такого напора он не ожидал. – А как же великая национал – социалистическая идея?

– А причём здесь национал – социалистическая идея? Просто наши лидеры не способны вести войну. А вы их в этом поддерживаете. Да и нет в Германии реальных лидеров. Мы имеем одного вождя – фюрера. Все остальные фигуры вокруг него – пешки. Они ссорятся между собой день и ночь, борются друг с другом или за благосклонность фюрера, или за собственную власть. А Гитлер, должно быть, давно разглядел это, но, по каким-то непостижимым для меня причинам, использует своё положение, чтобы влиять на всех. При чём здесь идея? Простой расчёт. А то, что будет произнесено дальше, можете запротоколировать. – Мюллер, с видом заговорщика, наклонился ближе к Шелленбергу, – Я всё больше и больше склоняюсь к мысли, что Сталин делает такие вещи намного лучше ... И вообще, он превосходит всех лидеров Западных наций. В том числе и наших.

Разведчик посмотрел в глаза гестаповцу. Но бесцветные зрачки Мюллера полностью скрывали истинные мысли от шефа IV отдела РСХА.

Шелленберг перевёл разговор на шутку:

– Отлично, товарищ Мюллер. Давайте прямо с этого момента и начнём кричать: «Хайль Сталин!». А вы станете начальником НКВД.

Даже тень улыбки не прошла по лицу Мюллера.

– Напрасно смеётесь, бригаденфюрер. Случись такое, вы, и ваши твердолобые друзья – буржуа угодили бы прямо на виселицу. Или в Сибирь. В двадцать четыре часа.

Куркова привезли в казармы. Перед взором русского, когда он выпрыгнул из закрытого кузова машины, выросло трёхэтажное, массивное здание с тремя колоннами у входа. Капитан Хеллмер, с которым Курков познакомился на встрече со штурмбаннфюрером в штабе дивизии, и которого Скорцени называл в беседе Рихардом, провёл его во внутрь помещения. В здании казармы, как понял русский, раньше размещалось училище. Курков поинтересовался:

– А чему учили?

Офицер пожал плечами:

– Какая разница? Мы здесь временно. Нас в Берлин перевели в конце мая, по личному приказу рейхсфюрера. Основная база находится во Фридентале. Запоминайте, – Хеллмер принялся показывать новое жилище. – На первом этаже столовая, и тренировочные залы. В подвале тир. На третьем этаже помещения офицерского состава. Вам там делать нечего.

Они поднялись на второй этаж, где находились спальные помещения. Дежурный, при виде капитана вскинул в приветствии руку, и вытянулся по стойке «смирно».

– Покажите новенькому его место и введите в курс того, что можно в расположении части, а что нельзя.

На немой вопрос дежурного, Хеллмер пояснил:

– Наш новый сослуживец – русский. И не знаком с нашими порядками.

Ефрейтор Бохерт представился Куркову и показал на кровать в третьем ряду:

– Вон там твоё место. Тумбочка для личных принадлежностей рядом с кроватью.

Курков осмотрелся. Комната, в которой отдыхали солдаты Скорцени, по размерам напоминала спортивный зал. Высокие потолки, узкие, длинные окна. И по всей площади, метров на сто квадратных, располагались кровати. В пять рядов. Как приблизительно насчитал Курков, штук двести. А может и больше.

– А ты что, действительно русский? – поинтересовался Бохерт.

– Да.

– Тогда я тебе не завидую. – усмехнулся дежурный.

– Почему?

– Основная часть наших ребят воевали на Восточном фронте. И очень недовольны русскими.

– Значит, плохо воевали, если недовольны.

Ефрейтор что-то пробормотал себе под нос и оставил Куркова в покое. Тот прошёл к кровати, положил вещи на тумбочку.

Что ж, товарищи Ким и Старков, первая часть вашего задания выполнена. – подумал русский, – Я у Скорцени. Теперь осталось добраться до собора.

Карл Штольц встретился со своим студенческим другом бригаденфюрером СС Шелленбергом в отеле «Эксельсиор», напротив Потсдамского вокзала. По пути к лифту на второй этаж, он почувствовал лёгкое головокружение от аромата настоящего бразильского кофе. Ни один разрекламированный неутомимой пропагандой Геббельса эрзац не мог заменить божественный напиток из Южной Америки. По нынешним ценам, чашка такого кофе стоила целое состояние.

Шелленберг обнял старого товарища:

– Давно не виделись, бродяга.

– Да. Почти полгода. Впрочем, я о тебе слышан.

– Половина из того, что ты слышал обо мне враньё, вторая половина – пропаганда, опять же, выдуманная мной самим.

Карл рассмеялся. Бригаденфюрер разлил из кофейника напиток и протянул одну чашку Штольцу:

– Угощайся. И не думай, что мы в своих апартаментах упиваемся им с утра до вечера. Все военные находятся на таком же пайке, что и гражданские.

Штольц сделал глоток:

– Господи, сто лет не пил ничего подобного.

– Вот и вспоминай. Да, кстати, вот, – Шелленберг протянул Штольцу бумажный пакет, – Здесь лекарства, для Эльзы.

– Спасибо, Вальтер. Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Оставь. Мы старые друзья, считай, это просто моя маленькая поддержка. А теперь сантименты в сторону. Карл, ты должен понимать, что я не просто так пригласил тебя на встречу.

Штольц взял чашку в руки:

– Я весь внимание, Вальтер.

– В Берлине готовится покушение на фюрера. И не нужно делать удивлённое лицо, тем более у тебя это не получается. Год назад я тебя свёл с теми людьми, которые, по нашим данным, готовят данную акцию. Карл, мне нужно знать день смерти Гитлера.

– Вальтер, я знаю тебя давно, и очень ценю наши отношения. Но, я...

– Это связано не с моей должностью, а с моей жизнью.

Штольц задумался. Действительно, осенью прошлого года именно Шелленберг познакомил ветерана битвы под Сталинградом Карла Штольца с Вирмером Йозефом. Сорокатрёхлет-

ний юрист с незаурядными дипломатическими способностями свёл новоиспечённого журналиста с участниками будущего заговора. С того времени Вальтер ни разу не поинтересовался, каковыми стали дальнейшие отношения Карла с Вирмером. Неоднократно у Штольца возникал вопрос: а не специально ли подвёл Шелленберг его под Йозефа? Вальтера он знал со студенческой скамьи, помнил его феноменальные способности плести интриги из ничего, увязывая сплетни с правдой в тугую узел сенсации. Старый друг мог и теперь складывать свою мозаику, используя журналиста в качестве подсобного материала. Но, с другой стороны, Шелленберг занимал в рейхе один из ведущих постов, и наверняка знал, чем занимаются сейчас и Йозеф, и сам Карл Штольц. И не предпринимал никаких мер по их задержанию. Значит, они были нужны Шелленбергу.

– Карл, – старый друг посмотрел на часы, – Прости, но у меня слишком мало времени.

– Пойми меня, Вальтер, я никогда не был предателем. То, о чём ты сейчас меня просишь, есть нечестный поступок по отношению к тем людям, которые мне доверились. Ты можешь меня арестовать, но я ничем не могу тебе помочь.

– Во-первых, арестовать тебя я не имею права. Это не в моей компетенции. Во-вторых, у меня уже нет никакого желания продолжать с тобой разговор.

Шелленберг поднялся и направился к выходу:

– Можешь не торопиться. Уйдёшь минут через двадцать после меня. Не хочу, чтобы нас видели вместе.

– Вальтер! – Штольц вскочил следом, – Это совсем не значит, что мы прощаемся врагами.

– Конечно, нет. Только я боюсь, следующей встречи не будет. – Шелленберг взялся за ручку двери, обернулся, и улыбнулся. – Прощай.

Эта открытая улыбка и решила последние сомнения Штольца.

– Вальтер, вернись. Давай всё ещё раз обсудим.

– Хорошо. – Шелленберг вернулся на место.

– Мне нужны твои гарантии, что та информация, которую я тебе предоставляю, не окажется в руках наших врагов.

– Гарантировать не могу. Обещать – да. Карл, я знаю, что собой представляют ребята из гестапо. А тебе известно отношение ко мне Мюллера. Поэтому, скажу одно: буду молчать, сколько смогу.

– Пойми, Вальтер. После того, что я тебе передам, от тебя будет зависеть жизнь Эльзы. Она не перенесёт моей смерти.

– Я понимаю. – рука Шелленберга легла на плечо Штольца. – Я прекрасно всё понимаю. И во мне можешь не сомневаться.

– Что ж. На последнем совещании, – Штольц решился открыться, – обсуждался будущий кабинет министров. Правительство послегитлеровской Германии. Часть генералитета настроена на то, чтобы пост министра безопасности остался за рейхсфюрером. И не из-за симпатий к нему. Все прекрасно отдают себе отчёт в том, что за Гиммлером стоит хорошо отлаженная машина СС. Прекрасная боевая единица. Тем более, если мы собираемся продолжить войну на Восточном фронте.

Шелленберг достал сигареты, прикурил. Штольц тут же отметил: табак иностранного производства. Вот тебе и один паёк.

– Выходит, у вас обсуждался и дальнейший план действий?

– Вальтер, только не нужно тянуть из меня информацию. Пустое.

Бригаденфюрер глубоко затянулся, вдохнул в себя дым и, зажмурив глаза, с наслаждением выпустил его из лёгких на свободу. Протянул пачку журналисту. Тот отказался:

– Пришлось бросить курить, когда Эльзе стало плохо.

Шелленберг сочувственно кивнул и спрятал сигареты.

– Карл, я сегодня встречался с Мюллером. С гестапо – Мюллером. Приехал к нему с намерением договориться о наших совместных действиях. Ты не поверишь. Этот полицейский от мотыги просчитал все мои шаги. Карл, я сегодня впервые понял, что значит «страх». Он страшный человек. Если что-то произойдёт не так, одним из первых, кого он повесит, буду я. Без суда и следствия. Верёвку на шею. Стул из-под ног. И всё....

– Ты просто устал, Вальтер.

– Нет, мой друг. Это не усталость. Это война. Схватка нервов, мозгов, мускулов. И победителем станет тот, кто в нужный час, в нужный день, окажется в нужном месте. Вот для чего мне необходимо знать, когда произойдёт покушение. Мне нужно исчезнуть из Берлина. Независимо от того, кто выиграет. Может, рейхсфюрера и оставят в кабинете министров. Но РСХА не только Гиммлер, но и Мюллер, Кальтенбрунер, Небе... А эти ребята «шить дело» умеют. Карл, мне нужно алиби. Железное алиби. Такое, чтобы в него мог поверить кто угодно. А для этого нужно знать точное время покушения.

– Хорошо. – согласился Штольц, – Когда узнаю, на когда ЭТО запланировалось, сообщу тебе. Единственная просьба, Вальтер. С Эльзой ничего не должно случиться.

Руководитель VI управления РСХА вместо ответа протянул руку.

«Мой Фюрер. На участке, доверенном мне Вами, как и на других участках западного фронта, сложилась довольно тяжёлая обстановка, которая даёт все основания для переосмысления ведения хода войны. Немецкая армия на Западе погибает. По моему мнению, необходимо эту проблему разрешить немедленно. Как главнокомандующий, я считаю своим долгом открыто выразить своё мнение....»

Фельдмаршал Эрвин Роммель, командующий группой армий «Б», самый взлелеянный фюрером представитель вермахта, устало протёр глаза. Безумно хотелось спать. Хотя бы несколько часов. Сквозь набрякшие веки он с трудом перечитывал написанное.

Проклятая бездарная война. Всё, происходившее до лета сорок четвёртого, казалось сном. Настоящая война для Роммеля началась 8 июня. В тот день он впервые столкнулся с бестолковостью подчинённых и начальников. Глупость генерал – майора Дитриха привела к полному уничтожению в Кане 21-й танковой и 12-й танковых дивизий СС. Третья танковая учебная дивизия, находившаяся всего в девяноста километрах от небольшого французского городка, в окрестностях Ле-Мане, не смогла прибыть на место даже через семьдесят два часа! Сам Дитрих, и до того славившийся неточными докладами, в этот раз перещеголял самого себя: в донесении высшему руководству он совсем забыл сообщить о происшедшем.

Только 10 июня в штаб начала поступать более-менее правдивая информация, да и той Роммель предпочитал не доверять. В тот день фельдмаршал отдал приказ от имени Гитлера: «Начальник штаба группы армий «Б» передаёт распоряжения верховного главнокомандующего вооружёнными силами: никаких отступлений, никаких отходов на «новые рубежи». Каждый солдат должен сражаться и погибнуть на своём посту!». Приказ от безысходности. Роммель прекрасно понимал: сражаться и погибнуть означает ничто иное, как затяжные бои без надежды на новые пополнения. Хуже того, за выполнением приказа пристально наблюдало СС. Немецкого солдата запугали. Теперь он не выполнял свой воинский долг, а сражался из страха остановиться и быть объявленным изменником рейха.

Через неделю, ближе ко второй половине июня, немецкие войска в Нормандии основательно обосновались в обороне. Последний, пусть и призрачный, шанс выбить англо – американцев с плацдарма на побережье Франции был утерян.

– Господин фельдмаршал, – Роммель оторвался от письма. Перед ним стоял адъютант. – К вам полковник Хофаккер.

– Кто? – переспросил фельдмаршал.

– Из штаба главнокомандующего западным фронтом.

– Это я и без вас знаю. Зачем он приехал?

– Не могу знать.

– Плохо. – Роммель со вздохом сожаления оторвался от письма. – Хороший помощник, Вирмер, просто обязан знать, с какой целью к его начальнику приходят люди. Особенно из штабов. Зовите.

Хофаккер вошёл в штабной блиндаж главнокомандующего группы армий «Б» с любопытством, явно отразившимся на его лице.

– Непривычно, Цезарь? – обратился к гостю фельдмаршал.

– Вы, как обычно, помните всех по имени.

– Наверное, это моё единственное достоинство. Присаживайтесь. Я так понимаю, нас ожидает долгий разговор.

Хофаккер присел на стоящий недалеко от стола самодельный стул, сморщившись от боли.

– Нездоровы, полковник?

– Старая рана. Ломит нестерпимо. Как вы когда-то сказали: проза войны.

– Оставим лирику. Я вас слушаю.

Полковник недоумённо посмотрел по сторонам:

– Неужели вы хотите вести серьёзный разговор в этом месте?

– А что вас не устраивает? – фельдмаршал улыбнулся, – Бомбардировки англичанами сегодня не будет. За последнее время мы сумели выучить их привычки. А слушать нас никто не будет. Для этого есть мой адъютант, человек вполне надёжный и проверенный. Приступайте!

– Ну, что ж... Я прибыл к вам по приказу генерал – фельдмаршала Клюге, и по просьбе моего дяди, полковника Штауффенберга. Они просили передать следующее. Так как вы присоединились к нам, то вам настоятельно рекомендуется срочным образом приостановить боевые действия и начать сепаратные переговоры с представителями англо – американского военного командования.

– Это личное мнение Клюге, или его ещё кто-нибудь поддержал?

– Генерал – полковник фон Бек.

Роммель усмехнулся:

– А что, сам Бек тоже воспользовался этим советом?

– Мне не понятен ваш сарказм, господин фельдмаршал. – полковник поморщился. – Вы должны видеть, что происходит. Мы можем спасти Германию, только вступив в переговоры с Западом. Вспомните, о чём вы говорили с доктором Штрёлином в феврале.

– Совершенно верно. Но я имел в виду не физическое устранение фюрера, как это предлагает ваш родственник, а смещение его, как политическую фигуру.

– Фюрер не станет выполнять чьи-либо условия. Он невменяем в своём божественном возвышении. – аргументировал Хофаккер.

– Однако, убийство превратит его из фюрера в мученика. А со святыми не воюют. Фюрер должен сложить полномочия Верховного главнокомандующего. Сам. Лично! В крайнем случае, отказаться от дальнейшего ведения войны на западе. И вот только тогда, когда он не выполнит одно из этих двух условий, его следует арестовать. Не убить, а именно арестовать. И принудить передать власть в руки патриотов Германии. После чего судить. И пока мы этого не сделаем, ни о каких сепаратных переговорах не может быть и речи. – Роммель налил в железные кружки кофе. Одну из них протянул собеседнику, – Угощайтесь. А со штабом Эйзенхауэра мы связались ещё две недели назад. Как видите, никакого результата. Ни отрицательного, ни положительного. Американцы молчат. Причин нежелания говорить с нами я вижу две. Первая: они не могут вести переговоры от имени своего правительства. Недостаточно полномочий. Но этот вариант выполним. Достаточно Рузвельту прислать своего эмиссара. Вторая причина: они ждут наших решительных действий.

– Вот. Это именно то, что от вас требуется. – полковник взял кружку, сделал маленький глоток. – Как вы из них пьёте? Они же горячие.

Роммель улыбнулся:

– Привыкли. Итак, каких действий вы от меня ждёте?

– Капитулируйте. А мы сделаем следующий шаг в Берлине.

– Совершите убийство? А осечка не произойдёт? Вдруг Гитлер останется жив? Чья голова ляжет на плаху? – Роммель отставил кружку, – Полковник, у меня есть сын. И вы знаете, как у нас относятся к семьям врагов Германии. Не хочу, чтобы он окончил жизнь в концлагере.

Хофаккер поднялся:

– Господин фельдмаршал, вы говорили, у нас будет долгая беседа. Однако, на этот раз вы ошиблись. Я ехал к герою нации, а встретился с ...

– Что ж вы замолчали, Цезарь. – Роммель во второй раз за встречу усмехнулся, – Хотели сказать: труса?

– Я не имею права вас так называть. Однако, ваши слова...

– Мои слова говорят только об одном, – резко перебил Хофаккера Роммель, – Я не отказываюсь поддерживать ваше движение. Но хочу использовать последний шанс убедить фюрера. И вы мне в этом поможете. Передайте фон Клюге письмо, – фельдмаршал кивнул на исписанный лист бумаги на походном столике, – И если он будет согласен, то пусть найдёт способ передать его Гитлеру. В случае отрицательного ответа, я готов рассмотреть ваш план своих действий на ближайшее время. Вплоть до капитуляции. Так что, господин полковник, вернитесь на своё место. Беседа, всё-таки, предстоит долгая.

Мартин Борман вышел из служебного «мерседеса», потянулся и медленным шагом направился к вилле. Сзади, в полуметре, шло охранное сопровождение. По всему периметру особняка находились скрытые сторожевые посты, следившие за безопасностью второго человека в НСДАП. Наблюдение велось круглосуточно. Иногда Борману хотелось прилечь на траву, прямо здесь, на лужайке. Вытянуть ноги, расстегнуть китель, и долго-долго лежать. Но «тень фюрера» себе такого позволить не могла.

Рейхслейтер поднялся на крыльцо, сделал отмашку охране, прошёл внутрь дома. Сегодня его ждала работа. В кармане кителя лежало письмо, пришедшее в канцелярию по правительственной почте. Именно оно заставило его покинуть службу раньше положенного срока.

«Партайгеноссе! Господин рейхслейтер! – говорилось в нём, – Занимая пост обер-бургомистра Штутгарта, я в последнее время имел немало встреч, по долгу службы, с людьми, наделёнными определённой властью в рейхе и партии, но по своему духу являющимися отщепенцами и первого и второго.

В конце прошлого, 1943 года, в моём городе состоялось совещание, в котором приняли участие близкий друг бывшего обер-бургомистра Лейпцига, и имперского комиссара по ценам доктора Карла Гёрделера, Пауль Хан, Ганс Вальц, представитель промышленника Роберта Боша, я и Ганс Шпейдель, человек из окружения фельдмаршала Роммеля. На этой встрече обсуждался арест нашего фюрера с последующим его осуждением германским судом. Также говорилось о том, что следует установить контакт с самим Роммелем, с целью изменения государственного строя и окончания войны.

На сборище этих преступников я попал совершенно случайно, и о данной беседе немедленно доложил в ведомство господина Кальтенбрунера, однако никакой реакции не последовало.

До весны 1944 года больше при мне подобные разговоры не происходили, однако, в конце июня у меня произошла встреча с Эвальдом Лезером, одним из директоров заводов господина Круппа. В беседе со мной тот, будучи осведомленным, о предыдущей встрече, пожаловался на то, что его отстранили от участия в правительстве будущей Германии, в котором с января

сорок четвёртого года ему, с его слов, было уготовано место министра иностранных дел. Когда же на мой вопрос: кто сместил его? Он ответил: Ульрих фон Хассель, и я ответил ему недоверием, то он показал весь список так называемого будущего правительства. По памяти, могу сказать, что в нём стояли имена Людвига фон Бека, Карла Герделера, Вильгельма Лейшнера, генерала Фридриха Ольбрехта, и ещё два десятка фамилий. На мой вопрос, когда же новое правительство собирается приступить к своим обязанностям, Лезер ответил, что в течении лета 1944 года.

Я вторично послал письмо господину Кальтенбрунеру, но, на этот раз решил дать информацию и в партию, потому что считаю себя в первую очередь.....»

Дальше Борман читать не стал. В январе 1944 года Штрёлина освободили от работы в Имперском руководстве НСДАП, где он служил в Главном управлении коммунальной политики. Теперь обер-бургомистр Штутгарта решил реабилитироваться перед выше стоящим руководством. Шаг похвальный.

Борман самостоятельно налил в чашку свежесваренного кофе. Рядом на блюде прислуга положила аппетитно прожаренный хлеб, однако он его не тронул.

О том, что в Берлине готовится смещение фюрера, не подозревали только круглые идиоты. Мартин Борман таковым не был. Его осведомители прекрасно справлялись со своей работой, и потому, он постоянно находился в курсе всего, что происходило в столице и в рейхе в целом.

Бормана не удивило то, что в Штутгарте знают о готовящемся перевороте. Но то, что на донос представителя власти гестапо совершенно не отреагировало – нечто новенькое. Кто, как не глава партийной бюрократии, не знал, как в рейхе относятся к бумаге. Простой клочок переработанной древесины мог изменить судьбу любого человека. Кальтенбрунер не отреагировал на донос. Он не выполнил свои прямые обязанности. Конечно, в НСДАП, точнее в его верхних слоях, прекрасно знали о пагубной склонности главы РСХА напиваться до бесчувственного состояния ещё до обеденного перерыва, введённого в традицию рейхсфюрером. Но такое письмо могло отрезвить кого угодно. При этом Кальтенбрунер, несмотря на пагубную склонность, отменный служака и прекрасный исполнитель. Он просто должен был ухватиться обеими руками за донос. Так что выходит, письмо прошло мимо него. У кого оно могло задержаться? Оставалось два варианта: Гиммлер и Мюллер. И у того, и у другого позиции очень сильны. (У второго за спиной гестапо, у первого – весь аппарат РСХА.) А это сила. Большая и очень убедительная сила. Если арест или гибель Гитлера состоятся, то позиции второго человека в партии, то есть его, Бормана, позиция, резко пошатнётся. Этого рейхслейтер допустить не мог.

Свой стремительный рост в НСДАП он начал ... с доноса на своего непосредственного руководителя Рудольфа Гесса, улетевшего в сорок первом году в Великобританию. Через два дня после исчезновения одного из основателей партии, Мартин Борман был назначен Гитлером на пост начальника партийной канцелярии, со всеми вытекающими последствиями. Занимая эту должность, Борман контролировал партийных руководителей на всех уровнях, и гаулейтеров рейха. Именно тогда, в мае 1941 года, он впервые вплотную познакомился с гестапо – Мюллером. Гитлер, пришедший вне себя от измены Гесса, приказал Гиммлеру «навести порядок в партийной канцелярии». Тот, естественно, дал соответствующее распоряжение Мюллеру. Гестапо рьяно взялось за чистку. Было арестовано более 700 человек. Сотрудники Гесса, его врачи, астрологи, оккультисты. Однако, первого помощника Гесса, Бормана, Мюллер не тронул. Даже, наоборот, в канцелярии остались все его люди. С того часа Борман стал «основным» человеком в НСДАП. Хотя, полная для него власть началась только тогда, когда он стал лично открывать различные партийные фонды, через которые рекой потекли партийные деньги. При этом, кроме Гитлера, мало кто в НСДАП догадывался о том, что солидная часть протекаю-

щего финансового потока оседала в виде золотого запаса за рубежом. Гиммлер догадывался. И неоднократно Борману об этом намекал.

Рейхслейтер ещё раз перечитал письмо, и, аккуратно сложив его, спрятал во внутренний карман. Ну, что ж, господин Мюллер, пора напомнить вам о себе.

Второй человек в партии отпил кофе и поднял трубку телефона:

– Гестапо? Говорит Борман. Соедините меня с Мюллером.

Через секунду хриловатый мужской голос доложил:

– Господин рейхслейтер, группенфюрер в данный момент находится на допросе. По какому номеру вам перезвонить, когда он освободится?

– Передайте, что я сам перезвоню через сорок минут.

Куркову снился расстрел.

Линию фронта он пересёк без проблем. «Зелёнка» свою роль выполнил. Признал в нём сокамерника. Потом бегство, стрельба с обеих сторон. Пришлось попетлять, словно зайцу. Не дай Бог, зацепили бы, а фрицы не подобрали. Так бы и истёк кровью.

У фашистов тоже всё прошло так, как предполагали Старков и Ким. Допросы. Днём и ночью. Били. Не давали спать. Грозили расстрелять. Потом успокоились, когда узнали, что имеют дело с «зеком».

А после приказали расстрелять троих. И все трое из его батальона.

В то утро Куркова вывели из блиндажа, дали в руки автомат, и показали на маленький строй. Сергей вскинул глаза и увидел сержанта Ложкина, из его разведроты. Фамилии второго солдата он не помнил, но знал в лицо. А вот замыкающим в строю стоял лейтенант Ступников. Из особого отдела. Тот самый лейтенант, который отвечал за «уход» Куркова за линию фронта.

Что же вы, мужики... – на глаза навернулись слёзы. Сзади в спину упёрся ствол пистолета:

– Стреляйте, Политов. Или становитесь рядом с ними. У вас есть выбор.

В тот момент Курков и не думал выбирать. Ступников, видимо, увидел в глазах разведчика решимость развернуться и дать последнюю очередь по немцам, а потому крикнул:

– Что ж ты, сука, Москву забыл? Зато она тебя помнит! Помнит тебя Москва! Стреляй, падла! – а зрачки двадцатилетнего лейтенанта потемнели от страха. Как же так, почти не жить, и умирать....

Курков нажал на крючок. Автомат выплюнул порцию свинца, и выпал из рук.

Солдат упал без чувств в ноги умерших. И земля в рот, чтобы не завывать....

– Встать! – пронзительный крик поднял Куркова с постели. В одном исподнем он вскочил с кровати и вытянулся перед несколькими офицерами, во главе которых стоял капитан Шталь.

– Капитан, а он что, действительно из России? – спросил один из пьяных офицеров.

– Я из Украины. – проговорил Курков.

– Молчать! – рявкнул Шталь. – Откуда бы ты ни был, всё равно для нас русская вонючая свинья!

Видимо, слова капитана, и вид сонного солдата сильно развлекли офицеров.

– Посмотрите на данный экземпляр. – Шталь находился в состоянии более сильного опьянения, чем вся компания, и от того его речь звучала несколько замедленно. – Сапиенс советикус. Двуногое, двурукое, безмозглое существо. В простонародье именуемое быдлом. Выполняет примитивные команды на уровне подсознания.

Компания разразилась смехом.

– Шталь, говорят, Отто поручил вам за ним наблюдать?

– Совершенно верно. Как оно жрёт, спит и испражняется.

– И каковы первые наблюдения?

– Он всё делает, как свинья.

Гогот прокатился по казарме. Курков спокойно обвёл компанию взглядом. Из них он знал двоих: самого Шталя, и ефрейтора Бохерта. Шесть пьяных лиц, практически похожих одно на другое, смеялись над глупой шуткой крестина.

– Мне тоже за вами интересно наблюдать, господин капитан. – голос Куркова перекрыл офицерский хохот, – Особенно в клозете. Как вы принимаетесь к русским испражнениям.

Шталь сорвался с места и с кулаками бросился на Куркова. Тот мгновенно ушёл в сторону, и пьяное тело капитана рухнуло между кроватей. Тяжёлая тишина обрушилась на казарму. Никто не понял, что произошло, но все видели: русский стоит, а капитан бесчувственно валяется на полу.

Один из офицеров попытался достать пистолет из кабуры. Удар в подбородок свалил его с ног: получай за Ступникова! Правой ногой Курков чуть не сломал челюсть обер-лейтенанта: за сибиряка Ложкина! Одновременно, схватив кисть руки гаупштурмфюрера, он заставил того, взвыть и упасть на колени: а тебе за неизвестного солдата, могилу которого никто никогда не найдёт!

Казарма проснулась, но никто из солдат в потасовку вступать не стал.

– Ещё одно движение, и я ему сломаю руку! – выкрикнул Курков и с силой нажал на кисть. Гаупштурмфюрер заорал не своим голосом.

Ефрейтор Бохерт, наконец, сумел дрожащими руками вытащить из кабуры пистолет и навести его на русского рядового.

– Прекратить! – голос Скорцени заставил головы повернуться в сторону входа. Штурмбаннфюрер стоял, заложив руки за спину, в пороходе, и из подлобья наблюдал за развернувшейся картиной.

Бохерт опустил пистолет. Все, тяжело дыша, смотрели на командира.

– Курков, отпустите руку Конрата. Не лишайте меня хорошего снайпера. – Скорцени прошёл в глубь казармы. – Неплохо отдыхаем, господа. Бохерт, если я не ошибаюсь, вы сегодня сменились с дежурства?

– Да, господин штурмбаннфюрер.

– В таком случае, у вас есть время собрать свои личные вещи. Завтра отправляетесь на восточный фронт.

Руки Бохерта плетью упали вдоль тела.

– Кто ещё хочет составить компанию нашему ефрейтору? – Скорцени обвёл взглядом компанию. – Никто? Тогда запомните: он – палец штурмбаннфюрера упёрся в грудь Куркова, – нужен мне, лично. И если у кого-то руки чешутся покататься с русскими, то первым же эшелоном поедет на передовую. Вопросы есть? Вопросы нет. Разойтись.

Скорцени повернулся к русскому:

– Что ж, я за себя рад. Кажется, я в вас не ошибся, господин рядовой.

Развернулся и пошёл к выходу.

Эльза не спала. Штольц пришёл домой поздно ночью, часов в двенадцать. Пройдя в спальню, он увидел, что жена лежит на кровати с книгой в руке. Маленькая. Хрупкая. Прозрачная.

Штольц положил пакет от Шелленберга на одеяло.

– Здесь лекарства. – он улыбнулся, – Теперь всё будет в порядке.

– От Вальтера? – голос Эльзы слабым эхом прошелестел по комнате.

– Да. Он тебе передаёт привет.

– Напрасно ты взял у него это. – рука с трудом отодвинула пакет от себя.

– Почему? – Штольц скинул пиджак, и присел рядом с женой.

– Вальтер ничего и никогда не делает просто так. У него расчёт на всё. За каждое движение. Он что-то от тебя хотел?

– Нет. – попытался солгать Штольц. – Да разве у меня, кроме тебя, что-то есть?

– Есть. – Эльза немного приподнялась на локте, чтобы лучше видеть лицо мужа в вечернем сумраке. – По вечерам ты куда-то уходишь. И не к женщине. Я чувствую. В последнее время стал сильно озабочен. Плохо спишь. Тебя что-то беспокоит. Вальтер дал лекарства именно по этой причине?

Штольц несколько минут молча сидел на кровати, не зная, что ответить. Затем прошёл в ванную комнату, умылся, вернулся в спальню, и только тогда ответил:

– Родная моя. – он прилёг рядом с женщиной, взял её маленькие руки в свои ладони, – Тебе нужно уехать. И не возражай. Выслушай меня. Скоро в Берлине произойдут кое-какие события. Плохие события. Тебе нельзя здесь оставаться. Тем более город постоянно бомбят. Я каждый день думаю о том, чтобы одна из этих стальных болванок не упала на наш дом. Самое лучшее место, где можно переждать, пока всё не закончится, у тёти Марты, в Гётенбурге.

Эльза слабо улыбнулась:

– А чем сейчас Гётенбург отличается от Берлина?

– Отличается. – убеждённо проговорил Штольц, – Там нет ни одного оборонного объекта. И он центр европейской культуры, как и Дрезден. Его бомбить не станут. И англичане, и русские наши враги, но не варвары.

– Нет, Карл. Я не поеду. Останусь с тобой. Если суждено умереть, то умрём вместе.

– Нет, родная моя, – Штольц нежно провёл рукой по щеке супруги, – Умирать я не собираюсь. И тебе не позволю. Но мне будет легче выполнить обещание, когда ты будешь находиться далеко от Берлина. В случае, если события, которые произойдут в столице, пойдут не по тому пути, как я ожидаю, мне будет проще выбраться одному, чем нам вместе. А потому, тебе нужно уехать раньше. И ты будешь ждать меня в Гётенбурге.

Эльза улыбнулась. Штольц поднялся и хотел, было направиться на кухню, но голос жены остановил его:

– Карл, Вальтер тоже в замешан в вашем деле?

Штольц решил, что дальше не стоит врать.

– Да.

– В таком случае, будь осторожен. Он не такой, каким себя представляет.

На что Штольц устало ответил:

– Я знаю.

Альберт Шпеер, министр военной промышленности Германии закрыл служебный дневник, в который только что внёс одну запись: «Странно, как я мог ошибаться раньше, но, оказывается, генерал Вагнер полный кретин. Или превосходный перестраховщик. Сегодня, во время совместного ужина в отеле «Берхтесгаденер-Хоф», он неожиданно заявил, будто не видит никакой критической ситуации на Восточном фронте. По его словам выходило, что нам сопутствуют временные неудачи, которые вскоре прекратятся. А все трудности, которые преодолевают наши войска, незначительны».

Шпеер прикрыл глаза. Труссы. Все мы трусы. – билась в голове одна мысль.

Буквально, две недели назад тот же самый Вагнер на совещании у Гитлера обрисовывал ту же самую обстановку, но в таких красках, что даже у Шпеера, знакомого с обстановкой на фронте, волосы на голове встали дыбом. И генерал вынес тогда приговор: Германия катится в пропасть. После его выступления, фюрер тут же закрыл совещание. Все покинули помещение. Остались только Гитлер и Вагнер. О чём у них шла беседа, неизвестно, но, её результат был на лицо.

Да, Гитлер умел работать с людьми. Сам Шпеер пришёл к нему молодым архитектором и дослужился до чина министра. Что ни о чём ещё не говорило. Гитлер мог сегодня похвалить твою работу, а завтра снять с занимаемой должности без объяснения причин. Нет, главное

достоинство фюрера состояло в том, что он умел убеждать. Гитлер мог, после долгих встреч, заставить противника поверить в свои убеждения, после чего тот становился верным союзником рейхсканцлера. Шпеер и сам не раз попадал под такое влияние. Но чтобы вот так, на сто восемьдесят градусов...

Министр откинулся на спинку кресла. Тупик. Полный тупик.

Два дня назад Шпеера посетил старый друг Карл Ханке, гаулейтер Нижней Саксонии. Обычно он приезжал весёлый, энергичный. Всегда находил слово, чтобы подбодрить старого товарища. На этот раз он выглядел подавленным, молчаливым, постаревшим.

Они пили вино. Ханке молчал. Тупо смотрел в пол, и пил. Много пил. А когда собрался уезжать, то неожиданно произнёс:

– Альберт, если тебе предложат посетить концлагерь, то придумай любые отговорки, но ни в коем случае туда не едь. Там страшно. Нет, я даже не могу подобрать слов, чтобы тебе объяснить, что там происходит. Это нужно видеть. Нет, этого нельзя видеть. Это нужно закрыть. Потому что... Альберт, что мы делаем?

Вот так он и уехал, оставив после себя вопрос: что же мы делаем?

Шпеер приблизительно знал, что творится в ведомстве Гиммлера. По слухам, и некоторым докладам. Но одно дело цифры и сплетни, а другое голос друга. Шпеер больше доверял другу.

Куранты пробили два часа ночи. Пора спать. На завтра назначена встреча с генералом Фроммом. Придётся посвятить день резервистам. А теперь спать.

Курков оглядывался по сторонам.

– Что, господин солдат, никогда раньше не бывали в ресторане? – Эрих Шталь, сегодня в форме капитана вермахта, крутил в пальцах серебряную вилку, выписывая замысловатые фигуры.

– От чего же? У нас, в России имеются подобные заведения. И ничем не хуже, чем у вас. Только сейчас они закрыты. Война.

– Спасибо за напоминание, господин воришка.

– Отставить. – Скорцени бросил на стол меню. – Вам обоим скоро представится возможность проверить свои мускулы. И даже значительно быстрее, чем предполагаете.

– Так выпьем за наши мускулы! – капитан Фихте вскинул руку с бокалом, наполненным красным вином. – За наши крепкие мускулы!

Курков поддержал компанию, но тут же поставил бокал на место. Вино оказалось терпким и очень вкусным.

– Угощайтесь, Курков. Может в вашей Московии и есть рестораны, подобные этому, но таких поваров, как в «Бристоле», вы там не встречали. – произнёс капитан Радль, насколько понял Курков, друг капитана Шталя.

– Когда мы были здесь в последний раз, Шульц приготовил великолепные свиные хрящики. – Шталь повязал салфетку под подбородком, – Но у него оказался очень длинный язык. – он быстро взглянул на русского, – И, к сожалению, он уже нас ничем не порадует.

Курков окинул взглядом сидящих вокруг него офицеров. С некоторыми он успел познакомиться. Например, с капитаном Фихте, который недавно вернулся из Польши, и сегодня ночью получил удар в скулу. Что он делал в Варшаве, узнать было невозможно, хотя всюду тот выдавал из себя говоруна и компанейского парня. В цивильном костюме пришёл майор Фалькерзам. Близкий друг Скорцени. Они вдвоём стояли у истоков таинственного батальона «Великая Германия», о котором некоторые из диверсантов упоминали в казарме, в беседах. Справа расположился капитан Хеллмер, пожалуй, единственный из всех, кто спокойно относился к присутствию русского. Кстати, именно по его просьбе Скорцени взял солдата в ресто-

ран. Капитан Радль, сидящий рядом со Скорцени, постоянно осматривался по сторонам, выискивая красивеньких девиц. Из всего окружения Куркова волновал один Эрих Шталь.

Капитан, буквально, клещами вцепился в русского. После вчерашних событий, он повсюду следовал за ним, совершенно не скрываясь, и всем своим видом показывая, что не верит русскому. Это раздражало и одновременно пугало. Следовало срочно дать знать о себе «Берте». Но для этого следовало покинуть казармы. Сегодня утром Скорцени, в присутствии Сергея, дважды сказал о том, что в скором времени русский террорист получит инструкции и отправится на задание, перед тем пройдя тренировку на базе замка Фриденшталя. Следовательно, следовало поторопиться. Тем более. Сегодня был день связи.

– О чём задумались, Курков? – Скорцени поглощал пищу быстро, механически. Как животное, которое не утоляет голод, а вталкивает в себя еду про запас.

– Я бы хотел сходить в церковь.

Над столом нависла тишина. Шталь расхохотался.

– Наш новый друг верующий? – Фихте по-новому, с удивлением, посмотрел на русского. – А я думал, что всем большевикам Сталин запретил верить в Бога.

– Меня в детстве крестила мать. В католическом храме. Тогда ещё Советского Союза не было.

– У меня, лично, такое ощущение, что Советский Союз был всегда. – Шталь добавил вина в свой бокал и осушил его в два глотка, – И каждый первый в нём – шпион. Верно, Курков?

– Точно так же, как в Германии каждый первый – сотрудник гестапо.

– Что... – Шталь вскочил с места и вцепился в отвороты кителя Куркова.

– Сидеть. – рявкнул Скорцени. – Здесь вам не казарма.

– Так утверждает Советская пропаганда. – Сергей opravил обмундирование.

– Bravo! – Хеллмер похлопал русского по плечу, – Ай да московский медведь. Эрих, в лице этого молодого человека вы обрели достойного противника.

– Благодарю за комплимент, но я не хочу быть врагом кого-либо из вашей команды, господин капитан. – тут же отреагировал Курков.

– У вас, мой друг, на это не хватит времени. – Скорцени окинул взглядом присутствующих, – Впрочем, сегодня можете покинуть нас. Вы хотели помолиться? Лютиц, мой адъютант, объяснит вам, где это можно совершить, и как туда добраться. У вас четыре часа. В девятнадцать ноль – ноль вы должны быть в казарме.

Когда Курков покинул отдельный кабинет, который занимали офицеры, Скорцени в гневе навис над Шталем:

– Эрих, если бы я не знал вас, как боевого офицера, то принял бы за тыловую крысу, сводящую счёты с первой попавшейся жертвой.

– Мой командир, я не верю ему.

– А кто тебя заставляет верить? И я ему не верю. Скажу больше. В скором времени ни я, ни ты его не увидим. Но сейчас он мне нужен. Так что, терпи.

– Он работает на Сталина! Я уверен в этом.

– И хорошо. – Скорцени прищурился. Шталь, глядя на него, понял: командир задумал новую, дьявольскую, как он говорил в таких случаях, игру. – Если наш друг работает на НКВД, или как там называют их службу безопасности, то мне это только на руку. – штурмбаннфюрер поднял бокал, – Прозит!

Шталь пить не стал:

– Простите, господа, но я вас тоже покину. Боюсь, наш русский гость может потеряться в уличных лабиринтах Берлина.

Штурмбаннфюрер промакнул рот салфеткой и похлопал ладонью по столу:

– Только никакой самодеятельности, Эрих.

– Добрый день, господин Гизевиус!

– Я не могу назвать этот день добрым, в отличии от вас, господин Мюллер.

– Чувство юмора нас ещё не покинуло? – гестапо – Мюллер осмотрел со всех сторон сидящего на табурете дипломата, – Что не скажешь о внешнем лоске. Как вам наши апартаменты? Признаюсь, поначалу хотел определить вас в общую камеру. Хотя и уголовники, мародёры, два убийцы, но всё-таки, живое общение. Честно признаюсь, испугался, что наша беседа могла бы тогда не состояться.

– За что меня арестовали?

Мюллер изобразил на лице удивление:

– Вас, человека с дипломатической неприкосновенностью, арестовали? Помилуй бог, это простое задержание. – от улыбки Мюллера у Гизевиуса по коже прошёл мороз, – Временное задержание. По подозрению в измене рейху.

– Что за бред. – Гизевиус даже не попытался вставить нотки гнева. Его слова являлись простым затягиванием времени. – Я не понимаю, о чём вы говорите.

– Бросьте. Всё вы прекрасно понимаете. – Мюллер выглянул в окно, затем вновь повернулся к арестованному, – Господин дипломат, теперь только от ваших ответов, замечу правдивых ответов, зависит, выйдете вы на волю, или будете повешены в своей одиночной камере. Времени на сопли и враньё у меня нет. Итак, возвращаетесь в камеру? Или?

– У меня есть время подумать?

– Значит петля. Гюнтер! – выкрикнул Мюллер.

– Нет. – плечи Гизевиуса затряслись. Шеф гестапо в ожидании наблюдал за конвульсиями арестованного. Когда истерика прекратилась, он продолжил допрос:

– Прекрасно. Меня интересует, о чём вы общались прошлой ночью, с 12 на 13 июля с полковником Штауффенбергом.

Всё, обречённо подумал Гизевиус, они обо всём проинформированы. Они даже знают о нашей тайной встрече с графом. Проклятая страна, где доносчик сидит на доносчике.

– Кажется, вы передумали отвечать?

– Мы оговаривали, – каждое слово произносилось с большим трудом. Гизевиус понимал, своим признанием он подписывает себе и другим смертный приговор. Но, где-то глубоко внутри у него, теплилось чувство, что ещё не всё потеряно. – Смещение фюрера с поста главы рейха. И партии.

– Каким образом?

– Умерщвление.

На лице шефа гестапо ничего не отразилось.

– Продолжайте.

– Дело в том, что инициатором покушения на фюрера является граф Штауффенберг. Мы его в этом не поддерживали, но...

– Кто: мы? – перебил Мюллер.

– Оппозиция.

– Кто ещё входит в состав вашего кружка?

– Генерал – фельдмаршал Ключе...

– Мудрый Ганс?

– Да. Так его называют в кругах вермахта.

– Кто ещё?

– Профессор Йенсен, Отто Кип из иностранного отдела ОКВ, Карл Гердлер, советник концерна «Бош»....

– Пока оставим имена в покое. Возвращаемся к деталям. Как полковник Штауффенберг собирается убить фюрера?

– С помощью бомбы.

– Когда?

– Он это едва не сделал два дня назад.

Вот теперь Гизевиус мог, если бы не был озабочен самим собой, полностью насладиться эффектом неожиданности.

У гестапо – Мюллера перехватило дыхание. Два дня назад чуть было не произошло убийство Гитлера, а гестапо узнаёт об этом, случайно, вскользь, спустя сорок восемь часов! Мюллер вновь отвернулся к окну:

– Как это должно было произойти?

– 11 июля он, то есть граф Штауффенберг прибыл на совещание в ставку фюрера в Берхтесгадене. Бомба находилась у него в портфеле. Всё было готово к устранению фюрера. Но в последний момент граф передумал.

– Причина?

– Покушение планировалось не только на фюрера. Но в этот день на совещании не было ни Геринга, ни Гиммлера.

Группенфюрер резко развернулся:

– Значит, по решению оппозиции, покушение должно произойти и против министра авиации, и против рейхсфюрера?

– Совершенно верно. Но, рейхсфюрера не обязательно. Только Геринга.

– На какой день намечена следующая акция?

– Теперь не знаю. Было принято решение, о том, что члены оппозиции встретятся в ближайшее время, и обсудят данный вопрос.

– О чём ещё шёл разговор со Штауффенбергом?

– Обсуждались переговоры с англо – американцами. Оба пришли к выводу, пока мы не предпримем существенных действий, никто из них на отдельные переговоры с нами не пойдёт. Как сказал граф: всё будет зависеть от того, каким образом будет завершён заключительный акт – изнутри или извне.

Эмоции. Эмоции. Группенфюрер почувствовал, как от нервного перенапряжения у него заломили виски.

Мюллер открыл дверь:

– Гюнтер! Гюнтер, чёрт бы вас побрал!

Адъютант стремительно вбежал на крик начальника.

– Арестованного в камеру. Дать ему бумагу, карандаш, ручку, или что там у вас пишет... Поставить к нему усиленную охрану. И не тревожить меня двадцать минут. Слышите, Гюнтер, двадцать. Не десять, и не пятьдесят. И принесите мне таблетки от головной боли.

Гизевиуса увели. Мюллер достал из шкафа бутылку коньяка, бокал, наполнил его до половины. Дверь приоткрылась.

– Гюнтер, вы идиот, или не знакомы с часами?

– Ваши таблетки, господин группенфюрер, – адъютант неуверенно указал на телефон, – и вам звонит рейхслейтер Борман.

Мюллер в сердцах мысленно выругался, опрокинул в рот содержимое бокала вместе с лекарством, потянул носом воздух и поднял трубку:

– Мюллер слушает.

Курков вышел из костёла Святого Иосифа, огляделся вокруг, и направился к скамейке, стоящей невдалеке от небольшого озера, метрах в двадцати от здания церкви.

Ждать пришлось минут сорок.

Подошедший к нему человек оказался стариком, лет семидесяти, в старом, но чистом поношенном костюме, на голове шляпа, с потёртыми полями, и с небольшой сумкой в руке.

– Простите, господин солдат, у вас не найдётся несколько монет для моей жены Берты. Она очень больна.

Курков хотел, было вскочить, сказать, что он рад встрече, но старик перебил его:

– Засуньте руку в карман, делайте вид, будто ищете деньги. За вами следят. Не гестапо: очень не профессионально. Скорее всего, ваш сослуживец. Наклоните голову и скажите, где вы служите?

Курков выполнил указание:

– У Скорцени.

– Дайте мне деньги. Мы вас найдём. Спасибо, господин солдат.

Старик, откланявшись, шаркающей походкой направился к следующей скамейке.

– Стоять! – тут же услышал Курков, – Старик, это тебя касается.

Шталь выскочил из кабины армейского грузовика, на который до тех пор Курков даже не обратил внимания, догнал мужчину и, схватив того за руку, развернул к себе:

– Я сказал: стоять! Показывай, что у тебя в руке.

Связной недоумённо развернул ладонь:

– Господин офицер, мне только что дали два пфеннига. Господин офицер, у меня больная жена, наш дом разрушен. Мы вынуждены жить у сестры жены. Я профессор Штельцер, Теодор Штельцер. Вы, конечно, не слышали обо мне, но среди ботаников меня хорошо знают. Если нельзя, то я верну деньги господину солдату, я ведь не знал...

– Пошёл вон. – Шталь откинул руку старика.

– Простите, но я вас не понимаю. Вы остановили меня...

– Пошёл вон, я тебе сказал.

– Но, господин офицер...

Курков упал на скамейку и зашёлся в хохоте. Вот теперь действительно, нужно было почувствовать себя артистом.

Шталь наклонился над Курковым:

– Перестаньте смеяться.

В ответ он получил новую порцию смеха. Шталь посмотрел в спину удаляющегося старика и, сжав кисть правой руки в кулак, коротким, резким движением ударил Куркова по лицу. Разбитая губа окрасилась кровью.

– Давненько я в морду не получал. – Курков сплюнул на землю, – Только слабовато бьёте, господин капитан. Губу вот разбили, а зубы целы. Не так надо бить...

Удар кованого армейского сапога пришёлся под правое колено. Шталь охнул и упал на песчаную дорожку. Курков наклонился к нему и произнёс на русском языке:

– Руки о тебя пачкать не хочется, гнида.

И нанёс удар ногой в туловище офицера. Немец охнул и свернулся от боли калачиком. Сергей посмотрел по сторонам.

Старика ушёл. Более до них, казалось, никому не было дела.

Вот и свиделись. – подумал Курков, сплюнув в сторону Шталя. – Теперь осталось ждать. Раз сказали, что найдут, значит найдут.

Даже не бросив взгляда на стонущего капитана, он пошёл в противоположную сторону, к автобусной остановке.

Проезжая улицами Берлина, в окне общественного транспорта Курков видел, как берлинцы пытались хоть как-то привести свой город в порядок. Старики, женщины и дети убирали с проезжей части улицы и с тротуаров обломки бетонных плит, кирпича, камни, битое стекло, обгоревшее дерево – следы недавнего авианалёта.

Прямо, как у нас. – Куркову, глядя на эту картину, жутко захотелось закурить, причём, затянуться родной, обжигающей мохоркой. – И ничем-то мы особо не отличаемся. А вот попа-

дётся такой, как Шталь и... Впрочем, и у нас своих Шталей хватает. Даже с перебором. Ничего, как-нибудь, и ними справимся.

Когда автобус подъехал к зданию Потсдамского вокзала, времени до конца увольнения оставалось два с половиной часа. Но Курков решил вернуться в казармы.

Старков кинул старый, прожжённый в двух местах, ватник на землю и сел на него. Ким прилёг рядом. Невдалеке водитель, обнажив торс, возился с виллисовским движком. Кругом стояла тишина. Даже не было слышно пения птиц.

– Ничего, прилетят. – старик, прищурившись, посмотрел на солнце, – Смотри-ка, июль, а жары нет.

– Вы меня сюда привезли о жаре поговорить, Глеб Иванович?

– Не спеши. Дай насладиться покоем. – Старков достал из полевой сумки бумажный свёрток, флягу. Вскоре перед Кимом лежал роскошный обед: два ломтя тяжёлого чёрного хлеба, три луковицы, несколько ломтиков сала. Во фляге плескался разведённый спирт. – Давай, Евдоким, помянём жену мою, Клавдию.

Ким отпил из фляги, закашлялся.

– Вот, молодёжь пошла. – Старков с уважением прикоснулся к сосуду, занюхал хлебом.

– Глеб Иванович, всё хотел вас спросить, да вот повод только сегодня появился. Как вы вдовцом стали?

– А в тридцать девятом. Ты ешь, давай, после водки организм пищу требует. – сам подполковник ел мало, Ким это давно заметил. – В том году у нас полный провал произошёл. Ежова помнишь?

– А как же, враг народа.

– И ещё какой. Он ведь всю нашу зарубежную резидентуру под корень ликвидировал. Людей отзывали на Большую Землю, после они пропадали. Лишь единицы смогли вернуться в строй с приходом Берии. Которых реабилитировали. Хотя, были среди них и те, кто отказался возвращаться в Союз. «Отказники», ты должен был слышать о них.

Ким утвердительно кивнул головой.

– Вот из-за одного такого «отказника» меня и арестовали. Полгода просидел в лагере. Посадили в мае, а в июле Клава умерла. Соседи говорили, сердце не выдержало. Да и у кого бы оно выдержало: знать, что твой муж враг народа. Сгорела, одним словом. Одному рад, что не успели её отправить на Соловки.

– Так, может, тогда бы и выжила? Или вместе с вами вернулась?

– У нашего всесоюзного старосты жену вернули? Вот то-то и оно.

– Как, – Ким растерянно посмотрел на старика, – У Михаила Ивановича Калинина жена.... Не может быть.

– Только помалкивай. Болтать об этом не следует. – старик откинулся на спину, – Вообще-то я тебя сюда не затем привёз, чтобы рассказывать свою семейную жизнь. Вчера ночью меня вызывал Лаврентий Палыч. Интересовался, что мы сделали для того, чтобы предупредить Гитлера о покушении.

– Вы же знаете, отправили сообщения и в Германию, и в Англию. Думаю, хотя бы один из резидентов да смог найти возможность передать информацию по назначению.

– А если нет? Вот ты, будь на их месте, передал бы Гитлеру, о том, что его собираются убить? Молчишь? Вот о чём я и говорю.

– Из семи человек один да должен был выполнить приказ.

– Один— да. Только куда он передал информацию? Гиммлеру? Мюллеру? Кальтенбрунеру? Любой из этой троицы обязан отреагировать на подобного рода сообщение. Тогда, почему нет никакой реакции? Геббельсу передали? Почему молчит немецкая пропаганда?

– Прошло всего четыре дня.

– Не всего, а уже!

– Может, выжидают подходящий момент? – сделал предположение Ким.

– Не тот случай. Время уходит. – Старков повернулся к собеседнику. – «Вернеру» передали информацию?

– Конечно.

Старик вернулся в исходное положение:

– Не нравится мне в последнее время тишина, образовавшаяся вокруг нас. Очень не нравится. Ощущение, будто все что-то знают, и молчат. – старик резко переменял ход разговора, – О чём ты говорил с Шиловым перед отправкой?

– Да так, – Ким повёл плечами, – В основном о работе, о том, как он должен себя вести, что делать.

– Как должен себя вести... О его прошлом общались?

– Конечно. Вернётся, всё ему спишется, вы же сами обещали.

– Обещал. А вот теперь сомневаюсь, что смогу выполнить обещанное. Да и он, я думаю, тебе не поверил.

– С чего вы так решили?

– Не решил. Шилов – мужик тёртый. Тюрьма, брат, она особая школа. Кто в ней побывал, тот розовые очки на всю жизнь потерял. Будь я на его месте, не поверил. «Вернер» молчит о прибытии Шилова. А ведь тот давно должен был объявиться.

– А если не смог выйти на связь?

– Или, как все, выжидает подходящий момент? Знаешь, капитан, интуиция меня никогда не подводила. И сейчас она мне напевает, что странная сложилась ситуация. Сплелась она ненормально чётко. И вовремя. Как по движению дирижёрской палочки. И всё в тумане. А я терпеть не могу туман. Шилов, Шилов. Может, сукин сын, тоже сейчас лежит на лужайке, смотрит в небо и усмехается, как он нас ловко провёл.

– Не думаю, Глеб Иванович. Не подонки они. Есть у него стержень, какой-то он особенный. Сильный. Такому лучше к стенке встать, чем дать себе на горло наступить.

– Думаешь? Что ж, выхода всё равно нет. Будем ждать.

Мюллера подержанный «Хорьх» подобрал на повороте, в том месте, которое указал по телефону Борман. Шеф гестапо редко пользовался машиной. Чаще предпочитал общественный транспорт и пешеходные прогулки. Одни в управлении, по этой причине, считали его скрягой. Другие видели в этом солидарность с бедствующим в военное время населением. Не правы были все. Мюллер, благодаря пешим прогулкам, прекрасно знал город, как пальцы своей руки. Изучил все улицы и переулки, и теперь с закрытыми глазами мог уйти от преследования, или наблюдения. Именно, и только из этих соображений Гестапо – Мюллер вёл подобный образ жизни.

Перед тем, как сесть в авто, группенфюрер ещё раз проверился. Всё чисто.

Рейхслейтер встретил его в своём кабинете:

– Господи, группенфюрер, в гражданском платье вам значительно лучше. Что будете пить? Ах да, простите, конечно, коньяк. Все асы той войны предпочитают французский коньяк.

– Если, конечно, он есть в наличии. Господин рейхслейтер, ваш звонок застал меня врасплох. Мы ведь должны были увидеться через четыре дня.

Борман повернулся к шефу гестапо спиной, разливая напитки. Тот, в свою очередь, смотрел в спину второго человека в рейхе. Плотное широкое тело Бормана, его тёмные с сединой, зачёсанные назад волосы, прикрывающие мощный затылок раздражали гестаповца. Впрочем, тот так в душе относился ко всем старым наци, к тем, кого арестовывал в двадцатых, сажал в камеры в начале тридцатых, и чьи приказы выполнял, начиная с тридцать третьего года.

Тесный контакт Бормана с Мюллером произошёл в июне – июле сорок третьего. В преддверии намечающейся Курской битвы Мюллер вышел на высшее руководство рейха с инициативой проведения радиогры с Москвой, посредством провалившейся «Красной тройцы», советской разведсети, работавшей в Германии, Швейцарии, Бельгии и даже Великобритании. Гестапо вошло в контакт с абвером Канариса, и вермахтом, чтобы переправлять русским крепкую и убедительную дезинформацию. Однако, радиогра просуществовала, в том виде, в каком задумывалась Мюллером, недолго. В середине июня Канарис отказался оказывать дальнейшую помощь гестапо, обосновывая свои действия мнением, будто Москва разгадала планы противника. Мюллер вынужден был доложить о провале своей работы, при этом сделав выводы, мол во всём виноваты межведомственные противоречия между СС и СД. Кальтенбрунер отреагировал несколько неадекватно и неожиданно для Мюллера, доложил выкладки шефа гестапо не Гиммлеру, своему непосредственному руководителю, а... Борману.

Как после анализировал Мюллер, Кальтенбрунер поступил так потому, что Гиммлер не стал бы выяснять отношения с адмиралом, а нашёл козлов отпущения в своём огороде. Борман же к тому моменту уже имел непосредственное влияние на фюрера, и, в случае чего, мог прикрыть последнего. К тому же, Гиммлера в те дни на месте не было. А решать вопрос следовало срочно. Как бы то ни было, шеф службы безопасности связался с рейхсканцелярией.

Борману, любителю интриг, приглашение в игру понравилось. Он поддержал Кальтенбрунера, и в начале июля выложил фюреру свою версию информации, убедив Гитлера дать «добро» на дальнейшее проведение радиогры. Так Мюллер получил сильного покровителя.

В течении года шеф гестапо раз в неделю встречался с рейхслейтером в тех местах, которые заранее согласовывались, и передавал последние сведения о ходе игры. И не только. До сих пор каждый из них был доволен действиями друг друга.

– Причина, по которой я пригласил вас в срочном порядке к себе, не терпит отлагательств. – Борман поставил перед Мюллером бокал. Сам сел напротив. – Я хочу созвать съезд гаулейтеров, и мне необходима ваша помощь.

– Вы же знаете, господин рейхслейтер, я с радостью помогу, но съезд, такое мероприятие, которое происходит только по личному указанию фюрера.

– Такое указание будет.

Гестапо – Мюллер не сомневался.

– Где хотите собрать людей? – поинтересовался группенфюрер.

– Здесь, в Берлине. Мне будет нужна ваша помощь в организации мероприятия, ну и, естественно, проведение мер по безопасности.

– Схема отработанная, так что можете спокойно на нас рассчитывать. А на какой день назначаете проведение съезда?

– А вот на этот вопрос, мой дорогой Мюллер, ответить должны вы.

Шеф гестапо напрягся. Такого оборота событий он не ожидал.

– Простите, господин рейхслейтер, я в некотором недоумении...

– Перестаньте, Мюллер. Сейчас в вашей голове проигрывается целая цепь ответов, и вы ищете правильный для меня, и необходимый для себя. Даю подсказку, на какой день назначено покушение на фюрера?

Мозг работал чётко, без какого-либо намёка на панику. О нём доложили Борману. Кто? Что знает рейхслайтер о готовящемся покушении? Почему именно сегодня, когда он допрашивал Гизевиуса, Борман вызвал его к себе? Кальтенбрунер? Отпадает. К двенадцати часам, когда Мюллер видел его в последний раз, пьяный шеф еле стоял на ногах. Адъютант, трое из тюремной охраны, следователь по особо важным делам Клеппнер, доставивший Гизевиуса к нему в кабинет...

Борман внимательно наблюдал за лицом Мюллера. А ведь умеет, подлец, держать себя в руках:

– Перестаньте придумывать несуществующие версии. – хозяин дома вновь наполнил бокалы, – Информация пришла не из вашего окружения. Стечение обстоятельств. Итак, что вам известно о покушении на нашего фюрера?

Слушая Мюллера, Борман неожиданно понял: его нисколько не трогает то обстоятельство, что фюрера к концу лета может не стать. Последний год дался рейхслейтеру с большим трудом. Не зря его в рейхе прозвали «тенью фюрера». Никто, кроме него и ещё десятка лиц, не знали, насколько плохо здоровье Гитлера. И с каждым днём, чем больше оно ухудшалось, тем сложнее и сложнее становилось находиться рядом с ним. Борман неоднократно ловил себя на мысли, что ненавидит Гитлера, с его наступающим старческим маразмом и каким-то детским эгоизмом. Конечно, об убийстве он не помышлял, но и, подвернись случай, особых помех в данном деле проявлять бы не стал.

– Новая дата покушения пока неизвестна, – между тем продолжал Мюллер, – Однако, в долгий ящик откладывать покушение заговорщики не станут. Гизевиус уверен, всё произойдёт в первых числах августа.

Борман задумчиво покрутил пуговицу кителя:

– Так вы говорите, они создали новое правительство?

– Совершенно верно. Как и то, что у них имеется мнение, распустить партию.

– Скажите, Мюллер, вы когда-нибудь были безработным?

Вопрос риторический, промелькнуло в голове Мюллера, а это значит, началась моя обратка.

– Да, сразу после той войны. Я ведь, как вы помните, был лётчиком, а после заключения мира наш брат стал никому не нужен.

– После войны многое, что становится ненужным. Ещё один вопрос: вам известно, какими финансовыми активами владеет партия?

– Могу только догадываться.

– Так вот, группенфюрер, если вы хотите не только догадываться, то держите меня в курсе всех событий. Как делали это раньше.

Мюллер понял, он ещё в команде.

– В таком случае, господин рейхслейтер, стоит поделиться с вами собственными размышлениями. На днях меня посетил Шелленберг. Причина: попытка найти компромисс в наших совместных действиях.

– Шелленберг – преданный человек Гимmlера. – Борман расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Жарко. Мюллер тоже хотел бы повторить такой жест, но, в присутствии рейхслейтера, не мог себе этого позволить. – А вот вы, Мюллер, таким человеком не являетесь. Вас держат в аппарате не за преданность, а за профессионализм. Однако, как это ни странно, именно к вам приходит преданный человек рейхсфюрера. Какие выводы вы сделали?

– Либо Шелленберг решил порвать с Гимmlером. Либо Гимmlер что-то задумал. Во второе я верю больше.

– В таком случае, нужно узнать как можно больше обо всём, что происходит в вашей структуре. Я имею в виду РСХА.

– Поставить «прослушку»?

– Да. Но этим займются мои люди. Вы продолжайте работать, как ни в чём не бывало. И, естественно, держать меня в курсе событий. Как намерены поступить с Гизевиусом?

– Его утром выпустили. Под нашим наблюдением.

– А не боитесь, что он может рассказать заговорщикам о том, что произошло?

– Нет. Гизевиус дал письменные показания и подписал договор о сотрудничестве. К тому же, выступление мятежников и их победа, его единственная возможность сохранить себе жизнь. Он не глуп. Прекрасно понимает, наши люди найдут его где угодно.

– Что ж, вам виднее. – подвёл итог встречи Борман.

Мюллер хотел, было, подняться и уйти, но новый вопрос остановил его:

– Скажите, Генрих, к вам поступило донесение из Штутгарта? – Борман сделал ударение на словах «к вам».

– Нет, господин рейхслейтер. Вся почта у нас сортируется. В зависимости от того, кто выслал письмо.

– Гаулейтер города.

– В таком случае, конверт вскрывал рейхсфюрер. Лично.

– Господин Гизевиус, где вы пропадали? – граф Штауффенберг проводил дипломата в гостинную, – Мы два дня искали вас. Хозяйка квартиры сказала, будто вы покинули её гнездышко рано утром. Честно говоря, некоторые из нас стали побаиваться, что вас арестовали.

– Простите, господа, за беспокойство, но всё гораздо прозаичнее. Я имел встречу с представителями абвера, и могу вам сказать, у нас появились новые сторонники. К сожалению, пока, я отмечаю слово «пока», и не могу вам сказать, кто. Но, в ближайшем будущем я вас обязательно сведу с ними.

Гизевиуса вывели из гестапо ранним утром. В закрытой машине. Перед тем, приведя внешний вид „Валета” в пристойное состояние. У дипломата до сих пор перед глазами стояла крепкая низкорослая фигура Мюллера. Его голос бил в виски, тупой болью отдаваясь в затылке:

– Сейчас мы вас отпустим. Встречайтесь со своими друзьями. Контактируйте с ними, как можно больше. Нас интересует время и место проведения акции. Время и место. И без глупостей. Мы держим под контролем каждый ваш шаг. И ещё. Не вздумайте вести свою игру. Не советую...

– Простите, – Гизевиус потянул узел галстука, – У вас воды не будет?

– Господин дипломат, да на вас лица нет. – Бертольд Штауффенберг, младший брат полковника, сбегал за стаканом воды, – Может вас отвезти домой?

– Нет, нет, всё в порядке. Мне уже лучше.

Гизевиус огляделся. В доме Штауффенбергов собрались самые близкие друзья: фон Тротт, фон Хофаккер и Фриц Шуленбург.

– Господа, не будем терять время. – Штауффенберг – старший постучал карандашом по стакану, – Прошу дать мне слово. К сожалению, вынужден констатировать факт, что на всех фронтах у нас катастрофическое положение. И если на Западном фронте мы ещё можем надеяться на успех, то на основном, Восточном, нас ожидает полное крушение. Гитлер перестал контролировать ситуацию. Германия переполнена остербайтерами, которые могут устроить настоящее партизанское движение внутри страны, и тем самым развалить наше государство изнутри. Мы не можем подобного допустить.

– Ваше предложение, Клаус, – задал вопрос Шуленбург.

– Возвращаемся к исходной позиции. Нам нужно срочно начать переговоры на Западном фронте.

– Начинали. – вставил слово Хофаккер, – Как вы знаете, я недавно был у фельдмаршала Роммеля. Так вот, переговоры пока невозможны. По крайней мере, до тех пор, пока жив фюрер. Или пока он не смещён со своего поста.

– К тому же следует поработать на самих фронтах. Немногие командующие поддерживают нас. – добавил Фриц Шуленбург.

– Они нас поддержат, господин обер-лейтенант. – Штауффенберг уверенно жестикулировал. – Как только поймут, что у власти не фанатики от НСДАП, а вермахт, тут же перейдут на нашу сторону. А вы им в этом поможете. Когда вы собираетесь убыть во Францию?

– Сразу же после акции. Я договорился со Штюдпнагелем, чтобы он сохранил моё место.

– Кстати, – высказался полковник Хофаккер, – Роммель призвал фюрера к пересмотру своих взглядов по отношению к Западному фронту.

– И каков результат? – поинтересовался Штауффеберг.

– А вы как думаете?

– Вот нам и ответ, на вопрос, как действовать дальше. – бывший посол Германии в СССР, старый дипломат Шуленбург окинул взглядом присутствующих, – То, что Гитлера следует смещать с постов, сомнению не подлежит. Но, помимо этого, я бы, всё-таки, предложил наладить контакты с Советами.

Гизевиус отметил, что особых возражений это предложение не вызвало. Значит, оно обсуждалось ранее. Без него.

– Извините, – «Валет» попытался говорить спокойно, – Но когда мы собирались в последний раз, речь шла о продолжении ведения военных действий на Восточном фронте. В противном случае нас могут не понять в Штатах и Великобритании.

– Совершенно верно. Пока вы отсутствовали, произошли некоторые изменения. На фронте сложилась неблагоприятная моральная атмосфера. – ответить решил Хофаккер, – Если вы считаете, что солдат, который плохо воевал с американцами, будет хорошо сражаться против русских, то глубоко заблуждаетесь. Солдату глубоко безразлично, с кем он воюет, поверьте мне. А тот факт, что наши люди первыми подали инициативу о переговорах с представителями американского командования, а те проигнорировали нас, говорит о том, что мы по-прежнему являемся их врагами. А потому, мы не видим разницы, с кем приостанавливать военные действия. Главное – целостность Германии. Если русские согласятся оставить рейх в границах тридцать девятого года, лично я не вижу никаких препятствий для ведения с ними переговоров.

– Кстати, – вмешался брат Штауффенберга, Бертольд, – В данном отношении нам может помочь и генерал Кестринг. Он был в своё время военным атташе в Москве. Думаю, к его мнению там должны прислушаться.

Гизевиус мысленно выругался. Такую информацию следовало срочно переправить в Швейцарию, Даллесу. Но у него не было технических средств для этого. Как и не было, пока, связника.

– Дальнейшие обсуждения и переговоры, как результат будущего диалога, начнём непосредственно после гибели Адольфа Гитлера. – как бы поставил точку в диалоге граф Штауффенберг и посмотрел на часы, – То есть после 20 июля. Через четыре дня.

– Простите, – Гизевиус почувствовал, будто земля уходит у него из-под ног. – Почему именно 20 июля?

– Дальше откладывать не имеет смысла. – Штауффенберг одной рукой открыл портфель, положив его на стол, и спрятал в нём рукописные документы. – На 20-е фюрер назначил расширенное совещание. На нём должен присутствовать и я. С докладом о положении в резервной армии. Всё, господа. Следующая встреча в день покушения в штабе резервистов. Да поможет нам Бог!

Капитан авиаэскадрилии ВВС Великобритании Джон Оуэнс протиснулся в кресло пилота, пристегнул ремни, окинул взглядом приборную доску.

– Кэп, – над ним неожиданно склонился штурман Рисс. – странная сегодня инструкция к вылету.

– А что странного? – капитан кинул взгляд на карту, – Разбомбить автоколонну. Ничего странного. Война. А на войне бомбят вражескую технику.

– Но, сэр, нам впервые указывают точные координаты передвижения колонны. И время. И точное указание, что бомбить...

– Чёрт побери, Рисс, должна же и разведка хоть что-то делать? Не нам одним войну выигрывать.

Штурман хотел, было, добавить ещё пару слов, по поводу своих сомнений, но махнул рукой: в конце-концов, задание есть задание.

– Вальтер, я узнал то, о чём ты просил.

– Когда?

– 20-го.

– Спасибо, Карл. Я не забуду твоей помощи.

Шелленберг хотел ещё добавить несколько слов, но Штольц положил трубку. Связь прервалась.

Колонна из двенадцати машин медленно передвигалась в сторону деревушки Сент – Фуа – де – Монтгомери. Небо поражало прозрачностью и голубизной. Солнце нещадно палило, прогревая автомобили до уровня жаровни. Дышать становилось всё тяжелее. Пот застилал глаза.

Фельдмаршал Роммель, выглянув в окно, прочитал дорожный указатель.

– Вирмер, – обратился он к адъютанту, – Вам не кажется нелепым, что мы воюем против Монтгомери, а вот теперь проезжаем мимо поселения названного в его честь?

– Скорее всего, это Монтгомери назвали в честь этой деревни.

Командующий рассмеялся:

– Мне импонирует ваше чувство юмора, Вирмер.

– Благодарю вас, господин фельдмаршал. Юмор – единственное, что сохранилось во мне от того юноши, которого любили мои родители.

– Война, Вирмер. С ней всё меняется.

– Я не спорю, господин фельдмаршал. Но война меня очень сильно изменила. К сожалению, я стал жесток. И потому считаю своим долгом, так как идёт война, отомстить тем людям, которые лишили меня и дома и семьи. Не знаю как кто, а я буду сражаться с англичанами и американцами до победного конца.

– Но победить могут и янки.

– В таком случае, погибну я. И не просто погибну, а заберу с собой хотя бы одного американца.

Роммель продолжать беседу не стал. Следующие десять минут они ехали в полной тишине. Только рёв двигателей, и пыль на дороге.

Фельдмаршал снял фуражку, вытер потный лоб. В таком свете он увидел адъютанта впервые. Вот тебе и тихоня. А ведь за последние полгода через мальчишку прошло много человек, которые несли отличные от него убеждения. И некоторые из них не боялись при нём открыто высказывать свои мысли. Арестов не было, так что, вполне может быть, Вирмер вёл себя поджентельменски. А если нет? Если арестов пока не было?

– Вирмер, скажите, кем вы будете после войны?

– Наверное, отдам себя в лоно церкви. Впрочем, пока окончательно не решил.

– Решили стать монахом? Это нечто новенькое.

– Отец хотел, чтобы его сын стал священником. А я, как видите, выбрал совершенно противоположный путь. О чём сейчас жалею.

– Жалеете о том, что сражаетесь за родину?

– Нет. Жалею о том, что плохо слушал своего отца. А он мне говорил: не верь людям. Верь Богу. Люди беспомощны. А Бог всемогущ. Люди подвержены слабостям. А Бог нет. Люди изменчивы. А Бог не предаст никогда.

– Станный у нас с вами происходит разговор. Что вы подразумеваете под тем, будто люди изменчивы?

– Я подразумеваю предательство.

– По отношении кого к кому?

– К примеру, военных к своему долгу, своей родине, рейху!

– Ну, – протянул фельдмаршал, – по отношении к долгу, родине, я могу понять, но вот рейху... Вы ведь, Вирмер, наверняка, под словом рейх подразумеваете фюрер и партия. Так ведь?

– Предположим.

– В таком случае, простите меня за небольшую лекцию, но я ещё не знаю ни одной партии, которая бы смогла пережить родину. А уж тем более человека. В Германии я могу вам назвать десятки партий, которые существовали в двадцатых годах, и имена сотен людей, которые были им беззаветно преданы. И где эти партии сегодня? Где преданные этим партиям люди? Они пропали, канули в лету, оказались поруганными такими же преданными людьми. Предательство... Измена, мой дорогой Вирмер, вещь тонкая. Жена изменяет мужу, а на самом деле она с ним просто не может жить. Вправе ли мы её судить?

– Это совсем не то...

– Но корни одни. Впрочем, давайте прекратим этот спор. По крайней мере, отложим его на будущее.

Адъютант отвернулся к окну.

Так, – Роммель уже принял решение, – сразу по приезду нужно будет проследить за молодым человеком.

Офицер, сидящий рядом с шофёром, вскинул руку:

– А что там впереди летит?

Водитель оторвал взгляд от дороги:

– Господи!

Оунс направил свой самолёт на немецкую автоколонну. Первая бомба накрыла последнюю машину, тем самым, преграждая путь к отступлению.

Следующие авиамашины принялись методично накрывать автомобили смертельными снарядами. Из горящих машин люди выпрыгивали в разные стороны, пытаясь отбежать как можно дальше в поля, но пулемётные очереди истребителей сопровождения доставали их, превращая тела в кровавое месиво.

– Штурман, что вы там говорили про инструкцию? – спросил Оуэнс, заводя бомбардировщик на второй круг.

– Кэп, – перекрикивая рёв двигателей, прокричал Рисс, – нам приказано накрыть легковую машину. В колонне она третья. Уничтожить всех её пассажиров.

– Приказ есть приказ! – философски заметил Оуэнс и направил самолёт на «хорьх» фельдмаршала Роммеля.

Мюллер крикнул в приоткрытую дверь:

– Гюнтер, пригласите ко мне Губера, Пиффрадера, Гейслера и Мейзенгера. Срочно.

Всё. Работа началась.

Только что по телефону Гизевиус передал самую свежую информацию: нападение на фюрера состоится 20 июля.

Мюллер, положив после разговора трубку на телефон, ещё некоторое время в раздумии смотрел на аппарат связи. Звонить Гиммлеру, или нет? Нет, после долгих размышлений, решил-таки он. Если люди Бормана успели установить «прослушку», его сообщение рейхслейтер может воспринять, как измену. А потому, рисковать не стоит. Самому Борману он сообщит о дне покушения с нейтрального аппарата в одном из полицейских участков. И только после того, как даст задание своим людям.

Шеф гестапо не мог знать о том, что Гиммлер уже знал о времени покушения. Час назад Шелленберг сообщил главе РСХА последнюю информацию, которую, в свою очередь узнал за три часа до встречи от Штольца.

– Гюнтер, – Мюллер крикнул и стукнул кулаком по столу. – Вы передали мою просьбу?

– Да, господин группенфюрер. – помощник резво показался в двери, – Разрешите доложить. Только что поступило сообщение. Тяжело ранен фельдмаршал Роммель.

– И что? – иногда Гюнтер был невыносим, – Мне поехать во Францию, положить ему примочки на голову? Вы передали мою просьбу?

– Да, господин группенфюрер.

– Свободны. И прикройте, в конце концов, эту чёртову дверь.

Очень хотелось есть. Мюллер давно отвык от нормальной домашней пищи. Женился он в двадцать четвёртом году, на Софи Дишнер, дочери книгоиздателя. Из-за её папашки, оппозиционера Гитлера, в своё время, в тридцать третьем, у него были проблемы. У них родились сын и дочь. После в семье начались раздоры. Если бы не католическая вера, давно развёлся бы. К тому же, другие женщины его, особенно с годами, возбуждали больше, чем жена. Особенно нравилась бывшая секретарша, Барбара Хельмут. Тугая бабёнка. Если бы не война, то за стеной сидела бы она, а не тугодум Гюнтер.

– Хайль Гитлер!

Мюллер вскинул голову.

– А, Губер. Присядь, сейчас подойдут остальные, и начнём разговор.

– Ты плохо выглядишь, Генрих. – старые сослуживцы Мюллера, которых он перевёл в Берлин из Мюнхенской полиции, без свидетелей всегда называли его по имени. Так требовал сам группенфюрер. Старая гвардия должна верить в него безгранично, и для своего парня, каковым они его считали, разобьются в доску, но выполняют всё невозможное.

– Мог бы и промолчать. Я каждое утро смотрю в зеркало.

– Проклятая работа. – Губер похлопал себя по карманам, – Совсем не хватает времени не то, что отдохнуть, а даже выкурить сигарету.

– Ты же бросил курить.

– Мог бы и промолчать.

Дверь приоткрылась, и в кабинет проник Гейслер.

Мюллер усмехнулся. С каждым из тех, кто сейчас заполнит его кабинет, он проработал не один год. Знал всех, как облупленных. И как профессионалов, которые из под земли умеют добывать информацию, и сколько им понадобится на это времени. Но, самое главное, все они будут держать язык за зубами, прекрасно зная цену каждому слову.

Наконец, пришёл последний из приглашённых.

– Кто из вас лично знаком с полковником Штауффенбергом? – Мюллер окинул взглядом присутствующих.

– Я. – откликнулся Пиффрадер. – Точнее знаком не столько с ним, сколько с его братом.

– Отлично. Гейслер, подбери две группы для внешнего наблюдения. Объект – Штауффенберг. Они должны постоянно докладывать о всех передвижениях полковника. В любое время суток. Пиффрадер, с третьей группой организуешь наблюдение за Троттом и Хофаккером. Надеюсь, кто эти люди, напоминать не надо?

– Генрих, я всё понял.

– И не вздумай попасть на глаза Бертольду, брату полковника. Мейзингер, организуй постоянное наблюдение за Бендлерштрассе 36.

– За штабом резервной армии генерала Фромма?

– А тебя что-то удивляет в моём приказе? – Мюллер прищурился, – Откуда появилась эта нездоровая привычка задавать вопросы?

– Просто...

- А ты засунь своё «просто» глубоко в карман и не доставай его долго – долго.
- Хорошо, буду молчать. А они не будут.
- Кто они?
- Резервисты. Если заметят «наружку».

– А ты сделай так, чтобы не заметили. – Теперь Мюллер поморщился. Во время вот таких срывов моментально реагировал желудок: тупая боль сжимала его, иногда доводя до слёз. – Губер, проверь нашу охрану на телеграфе, радиостанциях, вокзалах. Если заметишь что-либо привлекающее внимание, немедленно сообщи. Всё. Приступайте к работе. – как только все поднялись, Мюллер продолжил, – И ещё. Никто не должен знать о ваших действиях. И особый упор я делаю на слове «никто».

Хозяйка квартиры провела к Гизевиусу гостей: полицай – президента Гельдорфа, и начальника V управления РСХА Артура Небе, криминальная полиция. Оба входили в состав антигитлеровской оппозиции.

– Что-то произошло? – «Валет» прикрыл дверь, и посмотрел на гостей. – Мы же договорились, никаких встреч до завтрашнего дня.

– Извините, Ганс, но дело требует вашего рассмотрения. – Гельдорф присел на стул. Небе, немолодой, но довольно привлекательный мужчина, остался стоять вместе с хозяином. – Рассказывайте, Артур.

– Дело вот в чём. – Небе развернулся к хозяину комнаты, – По долгу своей службы, мы занимаемся, помимо простых расследований, и тем, что изучаем последствия разного рода взрывов. Так вот, в нашей лаборатории недавно пришли к выводу. Стопроцентно, во время взрыва уничтожается всё, что находится в радиусе нескольких метров от эпицентра взрыва. Но, в трёх из семи случаях, тот предмет, или живое существо, что находилось в самом эпицентре, остаётся неповреждённым.

– Как это понимать? – до Гизевиуса с трудом доходила информация.

– А так, наш дорогой друг, – вставил слово Гельдорф, – что если завтра полковник поставит портфель прямо под ноги, или рядом с Гитлером, то тот может остаться в живых.

Господи праведный, – сердце «Валета» едва не остановилось, – Этого ещё не хватало.

– И что же теперь делать?

– Выход один. Взрыв должен произойти в закрытом, бетонном помещении. Тогда, по данным экспертов, результат полностью положительный. – сделал вывод Небе.

– Но Гитлер, в последнее время, проводит совещания в деревянном строении, на поверхности. Считайте, на свежем воздухе. А, значит, результат взрыва может быть непредсказуемым. – Гельдорф осмотрелся. Ему очень хотелось пить.

– И что же вы хотите услышать от меня? – Гизевиус посмотрел на Небе.

– Вам следует срочно встретиться с генерал – полковником Бекем, чтобы тот организовал завтрашнее совещание под землёй. В недавно построенном бункере. – ответил криминалист.

– Но как он это сделает?

– Понятия не имею. Но генерал должен выполнить данное условие. Иначе, вся акция теряет смысл.

– Жалко только Штауффенберга. – Гельдорф достал из шкафа бутылку вина, открыл её и сделал несколько глотков прямо из горлышка, – Если Гитлер не выпустит его из зала совещаний, он погибнет вместе с ним.

Или бомба не взорвётся, и Гитлер останется, жив, – меряя всех по себе, подумал о полковнике «Валет».

«Моя девочка.

К сожалению, мы живём не волшебной стране, а мире, где идёт борьба за выживание, Борьба вполне естественная, а потому чрезвычайно жестокая и кровопролитная. Не на жизнь. На смерть. И моё единственное утешение в этот суровый час – это ты, моя любовь! Самая любимая, самая необыкновенная, лучшая из всех! Душечка моя, помни, я всегда с тобой и с детьми, какие бы дни не настали.

А потому, умоляю тебя: срочно отправь детей в Аусзее. Но, сделай это тихо, без лишнего шума. Не хотелось, чтобы после, по всем углам, языки соседей трепали о том, будто мы, в такое тяжёлое время, используем служебный транспорт в личных целях. И постарайся поскорее сдать в аренду дом в Шварцваальде. Только не продешиви.

Странно, конечно, что, после объяснений в любви приходится затрагивать простые, мирские проблемы. Но, иначе нельзя. Не грусти, любимая.

Твой М.»

Борман заклеил письмо. Завтра утром оно будет у Герды. Вальтер об этом позаботится. Главное, чтобы жена, эта бестолковая корова, сообразила, что он имел в виду в предпоследнем абзаце, и не забыла выполнить инструкцию. А теперь спать. С завтрашнего утра наступают сутки напряжённого труда.

– Генрих, Штауффенберг покинул свою квартиру в Ванзее.
– Один?
– Нет, с братом.
– Чем поехали? Пошли пешком? Куда? Мне что, из тебя по слову вытягивать нужно?
– Никак нет, группенфюрер. Сели в легковой автомобиль штаба резервной армии. Едут в сторону Берлина. Следовать за ними?
– Оставайся на месте. Может, к тебе ещё гости пожалуют.

– Ты не боишься? – Бертольд с волнением смотрел на брата.
– Нет. Хотя, пожалуй, есть чувство беспокойства. – полковник повернулся к брату, – Если что-то пойдёт не так, как мы планировали, постарайся исчезнуть из Германии.

– Перестань. – открылся Бертольд слабой улыбкой, – Во-первых, у нас получится. А во-вторых, ты сам знаешь, из нашей страны исчезнуть можно лишь одним путём. Так что, у нас только один шанс выжить: убить его.

– Пожалуй, ты прав. – Штауффенберг постучал по стеклу, разъединяющем водителя от пассажиров на заднем сиденье. – Притормози.

На тротуаре стоял офицер в форме обер – лейтенанта. В правой руке он держал объёмный портфель.

– Вот и Хефтен.

Офицер сел рядом с водителем. Стекло с лёгким шорохом ушло за спинку сиденья.

– Крюгер, – обратился граф к шофёру, – На аэродром Рангсдорф. И побыстрее. Похоже, мы опаздываем.

Мюллер приподнял матовую бутылку из-под коньяка и посмотрел сквозь неё на свет. Пусто. Пришлось достать из «секретного» шкафа штоф водки, предназначенный на непредвиденные случаи, вроде нынешнего, и налил в бокал.

Чёрт, – подумал он, – Кажется, я уподобляюсь Кальтенбрунеру. Ещё не хватало стать алкоголиком.

Телефонный звонок не дал ему сделать глотка.

– Генрих, к Штауффенбергу подсел в машину его адъютант обер – лейтенант фон Хефтен. В руках у него портфель.

– Куда поехали? В штаб?

– Нет. За город.

Мюллер положил трубку на рычаг, повертел бокал в руке и вылил водку в раковину. Началось. Через полчаса Штауффенберг вылетит в Восточную Пруссию. Теперь нужно не пить, а действовать.

Скорцени, стоя перед зеркалом, брил лицо, насвистывая незатейливый мотивчик. Шталь приоткрыл дверь ванной комнаты:

– Вызывали?

– Да, мой дорогой Эрих. Во второй половине дня мне необходимо по делам вылететь в Вену.

Штурмбаннфюрер промокнул лицо полотенцем, удовлетворённым взглядом оценил свою работу.

В Вене он должен был согласовать некоторые детали операции против Тито. Два месяца назад группа парашютистов Скорцени едва не захватила руководителя югославского сопротивления в Боснии. Но тот успел скрыться, бросив на произвол судьбы двух британских офицеров связи, которые работали на него. Теперь первый диверсант рейха планировал вторую попытку обезглавить боснийских партизан.

– А тебя я вызвал для того, чтобы предупредить: завтра утром ты отправляешься в части Роммеля. Во Францию.

– На фронт?

– Совершенно верно.

– Но, Отто, я не понимаю, чем провинился перед вами.

– Лично передо мной ничем. Кстати, тебе повезло значительно больше, чем ефрейтору Бохерту. – Скорцени впился взглядом в глаза подчинённого, – Я не потерплю, чтобы в моей команде не выполнялись мои приказы. Я говорил тебе не трогать русского?

Шталь вскинул подбородок:

– Штурмбаннфюрер, я виноват за срыв, но в тот момент не смог себя сдержать...

– Я тебе говорил, не трогать русского? Я говорил, что он мне нужен?

Шталь склонил голову:

– Да, господин штурмбаннфюрер.

– Вот потому, – снова перешёл на спокойный тон Скорцени, – я и отправляю тебя на фронт.

– Разрешите идти?

Скорцени положил руку на плечо сослуживца:

– Эрих, мне нужно ещё две недели, чтобы подготовить этого молодца для той работы, которую он должен выполнить. А ты мне мешаешь. Сразу, как только русский отправится выполнять задание, ты вернёшься обратно. Я всё сказал. Хайль!

На аэродроме Штауффенберга ждал самолёт «Хенкель-111». На его борту полковника ожидал генерал – майор Штиф, ответственный за строительные и ремонтные работы в ставке фюрера. Он сидел на последней скамье, в хвосте машины, разложив на коленях салфетку, на которой разложилась немудрёная снедь, и металлическая фляжка с коньяком.

– Карл, – Штиф говорил нечётко, ему явно мешали пища и спиртное. – Вы не против, если я позавтракаю? Дома, представьте себе, не успел. А в ставке нам будет не до того.

– Какие вопросы, генерал. А я, если вы не возражаете, немного посплю.

Штауффенберг положил портфель себе на колени, откинулся на деревянную спинку сиденья и закрыл глаза.

Хефтен хотел, было, повторить жест командира, но тут же передумал, и засунул портфель под соседнее сиденье.

Боковой люк захлопнулся, двигатели взревели, и самолёт вырулил на взлётную полосу.

– Бертольд Штауффенберг приехал в штаб резервной армии.

– И...

– Всё.

– Что всё? – Мюллер готов был раздавить в руке телефонную трубку, – Мейзингер, меня всегда восхищало твоё красноречие, но сейчас не тот случай. С кем приехал? С чем приехал? На чём приехал?

– Один. Генрих, он приехал один и пустой. На машине Штауффенберга.

– То есть в руках у него ничего не было?

– Совершенно верно.

– Вот, это именно то, что я и хотел от тебя услышать.

Мюллер нажал на рычаг, вытер со лба и шеи пот. Чёртова жара. Настоящее пекло. Палец уткнулся в диск набора, накрутил телефонный номер. Когда на том конце провода ответил знакомый голос, группенфюрер произнёс:

– Карл выехал. Он везёт посылку.

Пролетев почти 560 километров, самолёт приземлился в Растенбурге в 10 часов 15 минут. Время прилёта зафиксировал комендант аэропорта.

До совещания оставалось два часа.

– Карл, – Штиф выпал из люка, не успев встать на ступеньку откидной лестницы, и уронив на землю портфель и фуражку, – Я плохо себя чувствую, Карл. Вы не подбросите меня? А то я не вижу своей машины.

Штауффенберг, поставив ногу на первую ступеньку трапа, брезгливо поморщился:

– Садитесь на переднее сиденье. Да не вздумайте загадить мне машину.

– Благодарю вас, полковник. – Штиф подхватил свои вещи и поплёлся к стоящему неподалёку автомобилю.

– Что с ним? – Штауффенберг спрыгнул на землю. Следом за ним спустился Ганс Баур, личный пилот Гитлера, прилетевший вместе с ними в ставку фюрера.

– Перебрал слегка. А вы что за щёку держитесь?

– Зуб. Вторые сутки болит. – Баур поморщился. – Ничего – ничего, а потом как дёрнет! Кошмар.

– Сходите к врачу.

– Да вот, собираюсь. Времени не было. Тут в последние дни занимались усилением охраны. Провели несколько тренировочных диверсионных актов. Проверяли бдительность персонала. Видно там зуб и застудил.

Штауффенберг прижал портфель крепче рукой.

– Может, поедете с нами?

– Да нет, благодарю. Дантист есть и в нашей медчасти.

Пилот махнул рукой в знак приветствия и направился к серому, бетонному сооружению, в котором располагалась служба управления полётами.

Штауффенберг задумчиво проводил того взглядом. Похоже, слухи, или информация о попытке покушения дошли и сюда. Ну, что ж, обратного пути всё равно нет.

Гиммлер лежал на кушетке. Над ним колдовал доктор Керстен, личный врач рейхсфюрера.

– Как вы думаете, Феликс, – Гиммлер говорил с закрытыми глазами, – кто является главным врагом рейха?

– Коммунисты.

– Это не ответ. Вы просто кинули мне слово, даже не подумав. – рейхсфюрер скрестил перед собой руки, устраиваясь поудобнее. – Коммунисты – не враги, а отбросы нации. Настоящие враги – аристократы. Те, кто вроде бы поддерживает нас, а на самом деле ведут себя, как предатели.

– Кого вы имеете в виду?

– Многих. Их сотни, если не тысячи. Они не воюют на фронте, и не сидят в штабах. Они протирают штаны в старых городских корпорациях. В своих имениях, на своих заводах, в компаниях, конторах. После войны мы обязательно проведём тщательную чистку. И посмотрим, кого оставить в рейхе, а кого изгнать, реквизировав, естественно, его капиталы.

Доктор Керстен тщательно втирал специальные масла в вялое тело Гиммлера.

– Но, господин рейхсфюрер, многие из них всё-таки исполняют свой воинский долг на фронте.

– Единицы. И я и не упрекаю тех, кто выдержал проверку на честь и доблесть. – Гиммлер повернулся в сторону врача, – Но мне также известно, что солдаты из этого класса очень неохотно идут в бой. Большая часть офицеров данного сословия настроена против национал – социализма. Предатели, готовые в любую минуту вставить нам нож в спину. Мы пока их терпим, потому, что, вынуждены. Но это недолго. После войны они потеряют право на жизнь.

Гиммлер приподнялся, накинул на себя рубашку.

– Господин рейхсфюрер, – обратился к нему доктор, – Мне нужно с вами поговорить.

– Опять по поводу ваших евреев?

– Да. – Керстен судорожно сглотнул слюну.

– Послушайте, Феликс, я не в состоянии понять, почему вы так заботитесь о них? Думаете, хоть один из этой братии отблагодарит вас?

– Нет, я так не думаю. Точнее, думаю не об этом. Понимаете, мне сообщили из Швейцарии, что в Цюрихе появилась группа людей, далеко не бедных людей, прошу заметить, готовых провести с вами, господин рейхсфюрер, выгодный обмен на заключённых из концлагерей. Их, то есть некоторых заключённых, нужно будет всего лишь переправить под Швейцарию. И всё. И никто не узнает о данной сделке. – Гиммлер принялся ногами нащупывать тапочки. – Я вас умоляю, выслушайте меня.

– Вот что, господин доктор, – Гиммлер прищурился, и Керстен понял, он выбрал не тот момент для беседы. – Вы и я принадлежим абсолютно к разным мирам. Вы восхищаетесь евреями, поднявшими, как опять же вы утверждаете, всемирную науку и торговлю. А мне противно их видеть, разгуливающих по Баварским горам в кожаных шортах. Я же не разгуливаю в кафтане и с пейсами? Всюду, где появляется еврей, он пытается стряпать свои мелкие, но очень выгодные делишки. Я не имею ничего против капитала, как такового, но имею очень многое против его еврейского варианта. Что интересует наших владельцев заводов? Их интересует сначала Германия, а уже после личный интерес. А что интересует еврея? Только личная нажива.

Гиммлер замолчал, накинул на худенькие, костлявые плечики халат, и уже на выходе, в дверях, закончил мысль:

– Поверьте, доктор, они ещё и вас обвинят, в том, что вы принимали участие в их освобождении. И не просто обвинят. Окунут в дерьмо. Будьте здесь, Феликс, вы мне ещё можете понадобиться.

Через полчаса, сев в машину, рейхсфюрер скомандовал водителю:

– В Биркенвальд. И не торопись. Мы там должны быть в 12 часов.

Совещание началось в 12.30 в только что отстроенном бункере. Первоначально фюрер назначил его проведение на 15.00, но в связи с приездом Муссолини, перенёс на новое время. Об этом Штауффенберг узнал от коменданта «Вольфшанце», когда докладывал о своём прибытии. К тому же, полковнику сообщили, что совещание впервые будет проводиться в только что отстроенном бункере.

По пути в зал совещаний Штауффенберг, проходя по бетонному, узкому коридору, заглянул в комнату стенографистки, под предлогом, будто хочет её поприветствовать. Никто из группы направляющихся на встречу с фюрером лиц, не обратил на поведение полковника никакого внимания.

В комнате, по счастливой случайности, никого не оказалось. Граф поставил портфель на стол, откинул клапан, заглянул вовнутрь и установил часовой механизм на 12.50.

– Ну, что, Карл, нам вас долго ждать? – послышался из-за двери приглушённый голос полковника Брандта, заместителя генерала Хойзингера, тоже прилетевшего на совещание.

– Уже иду. – Штауффенберг закрыл портфель и поспешил за офицерами.

Группа спустилась на третий «уровень», где расположился новый зал совещаний главного командующего.

Фюрер с нетерпением притоптывал перед массивным столом с картами.

Штауффенберг быстро оценил обстановку. Справа от Гитлера основательно расположился фельдмаршал Кейтель. О чём можно было судить по блокноту, который тот раскрыл перед собой на карте. Следом за ним по кругу стола встали генерал Хойзингер со своим помощником Брандтом, генерал Кортен, начальник оперативного штаба руководства ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, начальник управления личного состава сухопутных войск, генералы Буле, Боденшатц, вице-адмирал Путкамер. Справа, вдоль стены, сидели стенографисты с шифровальными блокнотами.

Штауффенберг пристроился рядом с полковником Брандтом, поставив портфель под стол.

– Мой фюрер, – спросил адъютант Гюнше шёпотом, – А может, всё-таки, перенести совещание в летний барак? Как обычно.

– Нет, будем работать здесь. Фельдгигель решил провести ремонт в летней резиденции. – Гитлер окинул помещение прищуренным взглядом, – Правда и здесь ещё ощущается запах краски, но час можно и потерпеть. Итак, господа, не будем терять время. Я попрошу говорить коротко и по существу. Начнём с обстановки на Восточном фронте.

Доклад начал Хойзингер. Обстановка, как понял Штауффеберг, была критическая.

После июньского наступления русских, восстановить фронт никак не удавалось. Мало того, советские войска начали наступление на Восточную Пруссию. За несколько дней до совещания начались новые бои в районе группы армий «Северная Украина».

Хойзингер начал свой доклад с сообщения о том, что новое наступление развернулось по всему фронту более, чем на 200 километров. Русским удалось вклинуться в оборону немцев и прорвать на всю глубину «позиции принца Ойгена», что находились восточнее Львова.

Гитлер стоял в привычной для себя позе: склонившись всем корпусом над столом и разглядывая карту.

Штауффеберг нащупал концом сапога портфель, придвинул его ближе к фюреру.

– Бои ведутся на подступах ко Львову. – продолжал доклад Хойзингер.

Дверь в зал совещаний приоткрылась. В проёме появилась фигура начальника ставки Гитлера, полковника Фельдгигеля, тоже участника заговора. Условным знаком он показал Штауффенбергу, что того срочно вызывают к телефону.

– Простите, – Штауффеберг наклонился к уху Кейтеля, – С вашего разрешения я выйду, нужно сделать звонок генералу Фромму.

Кейтель утвердительно кивнул.

Гюнше проводил полковника взглядом и продолжил следить за карандашом, который использовал вместо указки Хойзингер.

– Какие меры мы будем предпринимать в районе Львова? – Гитлер, не надевший на этот раз очки, близоруко склонился над картой. – Покажите мне детально, где расположены наши позиции?

Рука генерала скользнула по карте:

– На данном участке фронта....

Взрыв оборвал выступление командующего. Адьютанта Гитлера Гюнше мощной ударной волной отбросило к противоположной стене, где от удара головой о бетонную перегородку, тот потерял сознание. Очнулся он от криков и боли. Приоткрыв глаза, адъютант фюрера сначала увидел темноту. В помещении стоял густой удушающий дым. Лёгкие с трудом находили в нём воздух. Вентиляция не работала. Гюнше, опираясь левой, здоровой, рукой о стену, с трудом поднялся. Ноги не слушались. Правая рука плетью висела вдоль тела. Сломана, – понял адъютант. – Фюрер, где фюрер? Он попытался сделать шаг, закачался. Дышать стоя было невозможно. Да и ничего не видно. Пришлось опуститься к полу. Попытался ползти. Получилось. Вокруг лежали обломки мебели вперемешку с фрагментами человеческих тел. Гюнше стошнило. Дышать стало легче. Откинув чью-то окровавленную ногу в сапоге, кажется полковника Брандта, Гюнше пополз к тому месту, где, как он предполагал, должен был находиться фюрер. Под руками неожиданно зашевелилось и застонало. Адьютанту показалось, что это было тело Кейтеля. Его он узнал по остаткам кителя. Лицо генерала превратилось в грязную маску, то ли от крови, то ли от копоты. Гюнше наклонился к груди офицера. Сердце билось, но глухо и тяжело. Дальше лежало второе тело. Кажется, вице-адмирала. Переползая через него, адъютант фюрера, с силой сжал зубы от боли, дал себе несколько секунд для отдыха, и, преодолевая острые толчки боли, пополз дальше. Следующий обрубок тоже дышал. Гюнше приблизился к нему. По щекам молодого офицера потекли слёзы бессилия.

Перед ним лежало тело Гитлера. Живое. Нервное. Оно дёргалось, конвульсивно распрямляясь, елозя по полу двумя оставшимися пальцами правой руки. Из грудной клетки со свистом, неровными толчками проскакивал воздух. Ниже от груди китель почернел от крови. Тёмные с сединой волосы полностью закрыли глаза.

Гюнше наклонился над фюрером и в ужасе прикусил губу.

Взрывом Гитлеру оторвало левую руку, из обрубка толчками хлестала кровь, закрашивая осколки ослепительно белой кости. Опустив взгляд ниже, адъютант увидел, что у фюрера нет и обеих ног. Гюнше, всхлипывая от слёз, прибрал волосы на голове Гитлера. Теперь можно было рассмотреть и другие ранения. Мягкую часть лица с левой стороны иссекло осколками, выбив глаз. Повреждённой также оказались челюсть и гортань. Судя по всему, осколками бомбы повредило и брюшную полость фюрера. Всё тело Гитлера буквально плавало в крови. Правый глаз, не отрываясь, смотрел на Гюнше, и от этого взгляда адъютант цепенел. Его тошнило. Голова налилась тяжестью и вот-вот готова была разорваться от боли.

Неожиданно потянуло свежим воздухом. Видимо, сумели открыть заклинившую при взрыве дверь. Наконец-то, – подумал Гюнше, и потерял сознание.

Едва Штауффенберг, Хефтель и Фельгибель покинули бункер, внутри бетонного саркофага раздался гулкий, мощный взрыв. Земля под ногами заговорщиков содрогнулась. Тут же послышался тревожный визг сирены.

– Дело сделано. – граф кивнул в сторону автомобиля, – Пора возвращаться в Берлин. Полковник, – на ходу обратился к начальнику ставки, – Как только что-то прояснится, немедленно дайте знать. Но в том случае, если Гитлер мёртв. Если остался жив, не выдавайте себя. Связь только в экстренном случае.

Офицеры вскочили в машину, которая через две минуты остановилась у офицерского караула. Хефтель нервно смотрел по сторонам.

– Успокойся. – Штауффенберг похлопал заговорщика по колену и выглянул в окно, – Что случилось, капитан? – как можно более спокойным тоном обратился к начальнику контрольно – пропускного пункта.

– Пока не знаю. – офицер недоумённо развёл руками, – Похоже был взрыв.

– Опять, наверное, тренировочные диверсии? Не надоело ещё?

– В общем, да. – смущённо отозвался капитан, и тут же испуганно посмотрел на Штауффенберга.

– Послушайте, капитан, у нас срочный вызов. Нужно незамедлительно вылететь в Берлин. Если у вас имеются вопросы, свяжитесь с ротмистром Меллендорфом. Он вам подтвердит наше разрешение.

Через десять минут Штауффенберг и Хефтель садились в самолёт.

Гиммлер, облокотившись о подоконник, не отрываясь, смотрел на озеро, находившееся неподалёку от его ставки Мауэрзее. Сейчас он стремился достигнуть одного: не думать о том, что происходит в ставке фюрера. Что сделать было довольно трудно.

Гиммлер специально вылетел в Мауэрзее, до совещания, чтобы находиться как можно ближе к Гитлеру: ставка рейхсминистра располагалась всего в ста километрах от «Вольфшанце». Три часа пути. И возможность собственноручно повлиять на происходящие события, если они начнут выходить из-под контроля.

Неожиданно в памяти Гиммлера всплыл недавний разговор с Керстеном.

А может доктор действительно прав, – подумал рейхсфюрер, – и наше поражение не за горами? А через этих грязных евреев можно навести существенные мосты с верхушкой нейтралов. Американцы, по непонятной причине, на переговоры идут неохотно. Или неохотно идут только с ним? Шелленберг утверждает, будто союзники все равно сдадут свои позиции. Но когда? На Восточном фронте творится, чёрт знает что. А на Западном никаких перемен. Все в ожидании.

– Мой рейхсфюрер, – личный водитель Гиммлера, штурмбаннфюрер Лукас, пробежал метров пятнадцать от узла связи до спального вагона рейхсфюрера, ворвался в помещение и вытянулся перед начальством, прервав тем самым размышления шефа, – Телефонировали из ставки. На фюрера совершено покушение.

Гиммлер еле сдержал эмоции:

– Фюрер жив? – задал сорвавшимся голосом самый главный вопрос Гиммлер.

– Пока да, но в очень тяжёлом состоянии.

– Что с ним?

– Подробности не сообщили. Просили, чтобы вы срочно явились в ставку.

Вот он, момент истины.

– Приготовьте машину и свяжитесь с Кальтенбрунером. Пусть вышлет криминалистов. Срочно.

Доктор Керстен узнал о покушении одним из первых, опять же благодаря Лукасу. Он тут же накинул на себя пиджак и прошёл в кабинет Гиммлера.

Рейхсфюрер стоял у стола, и нервно, как догадался доктор, просматривал какие-то бумаги. Одни рейхсминистр безопасности тут же рвал на мелкие клочки и бросал в огонь камина, расположенного в глубине кабинета. Другие складывал в отдельную стопку. Сейчас грозный Гиммлер напоминал, скорее, не одного из лидеров рейха и партии, а заговорщика, которому только что сообщили о том, что его планы раскрыты и нужно срочно «прятать концы в воду».

– Что-то произошло, господин рейхсфюрер? – доктор произнёс первое, что пришло на ум.

Гиммлер, не отрываясь от занятия, ответил:

– На фюрера совершено покушение.

– Он жив?

– Да. Но в крайне тяжёлом состоянии.

– Кто совершил нападение?

– Пока неизвестно.

– И что же теперь будет?

– Вы меня удивляете, доктор. Я схвачу всю эту банду реакционеров. Соответствующий приказ будет отдан в ближайшие полчаса.

– Но кого вы собираетесь арестовывать? Вы уверены, что знаете преступников? Надеюсь, вы не схватите невиновных?

Гиммлер упаковал оставшиеся бумаги в одну папку, засунул её в свой портфель:

– Послушайте, доктор. Перестаньте пекся о судьбах всего человечества. Подумайте о себе.

– Господин рейхсфюрер, – Керстен загородил собой дверь, – Помните, полтора года назад вы показали мне отчёт о болезни фюрера. Вы же как никто другой знаете положение вещей. А потому нет ничего лучше, чтобы он погиб. Гитлер – живой труп. Взгляните на происшедшее под этим углом, прежде чем запустить машину по уничтожению тех людей, которых вы называете предателями.

Гиммлер оттолкнул доктора:

– Керстен, единственное, в чём вы правы, так в том, что фюрер сейчас действительно живой труп. И кто-то за это должен ответить. Так что, то, о чём вы меня просите, остановить невозможно. Машина, как вы выразились, запущена. Теперь ваша задача не попасть под её шестерёнки.

И всё-таки Мюллер напился. Стресс дал о себе знать. Впрочем, по его внешнему виду это было незаметно.

Всё утро к нему в кабинет поступали звонки о том, что происходит в Берлине. В целом картина оставалась спокойной. Единственное, что могло беспокоить, обстановка на Бендлерштрассе. Впрочем, и она находилась под контролем.

В двенадцать часов дня к нему заглянул Кальтенбрунер. Любимец Гиммлера молча устроился в кресле напротив группенфюрера, и попытался сконцентрировать ослепевший взгляд на галстук подчинённого.

Опять набрался, – догадался Мюллер.

– Хайль Гитлер, группенфюрер. – действительно, язык с трудом подчинялся руководителю службы безопасности.

– Хайль. – Мюллер не стал называть своего непосредственного шефа по званию. Посчитал, с того достаточно и приветствия.

– Я не вижу на вашем галстук «Железного Креста». – Кальтенбрунер попытался указать на нужное место в костюме пальцем, но рука ослабела, и упала на стол. – Честно заработанного вами Креста.

– Я не папуас, чтобы носить безделушки на шее.

– Высший орден рейха для вас безделушка? Мюллер, я вам завидую. Такие речи может себе позволить произносить только человек из касты неприкасаемых. Группенфюрер, вы уже стали неприкасаемым? Ах, да, вы же теперь входи в кабинет рейхсфюрера. А там гляди, и в кабинет самого фюрера нащупаете дорожку.

– Вы пьяны. И несёте полную чушь.

– Да, я пьян, а вы карьерист. Мюллер. – Кальтенбрунер замолчал. Группенфюрер решил, что на этом разговор закончился, но шеф неожиданно продолжил, – А ведь вы ненавидите нас, национал – социалистов. Ненавидите. И пытаетесь скрывать это. Только неумело. Я то вас раскусил. Я, конечно, не Гейдрих, который привёл вас в РСХА, но и не глупый телёнок, как вам кажется. – Кальтенбрунер наклонился через стол, и Мюллер чуть не задохнулся от перегара, – Мне нужно всего месяц, чтобы вас раскусить. Запомните, Мюллер, месяц.

Шеф службы безопасности, с трудом передвигая ноги, покинул кабинет.

Мюллер с отвращением посмотрел на то место, где только что располагался собеседник, отодвинул ящик стола, и снова достал водку.

Чёрт, – подумал он и перекрестился, – Нужно было придумать себе алиби. Взяться за какое-нибудь дело, провести утро на допросах. Спросят, чем занимался гестапо – Мюллер, что ответят? Сидел всё утро и хлестал спиртное? Хорошее алиби. Почему нет сообщений?

Мюллер с отвращением посмотрел на бутылку и кинул её назад, в стол. Дверь снова распахнулась, и на пороге опять возник Кальтенбрунер.

– Вы мне что-то не успели договорить? – съязвил Мюллер.

– Бросьте. Только что звонил Гиммлер. На фюрера совершено покушение. Прямо в ставке. Во время совещания взорвалась бомба. Убито пять человек. Фюрер в очень тяжёлом состоянии. Я вылетаю в Растенбург. Вы остаётесь вместо меня. До особого, личного распоряжения рейхсфюрера, приказано соблюдать молчание. Всё.

Дверь захлопнулась. Мюллер прикрыл глаза: началось. Он вновь достал бутылку, но на этот раз, поднёс её горлышко к губам. Задержал руку:

– За что пью, папаша Мюллер? – группенфюрер посмотрел в зеркало, – За будущее, гестапо – Мюллер. Каким бы оно не стало.

Через пять минут начальник политической полиции проверил личное оружие, поднял на ноги руководителей отделов, которым приказал объявить полную готовность. На вопрос, о причине сбора, отвечал односложно: быть готовыми ко всему, ждать особых распоряжений.

После того, как ему доложили, что все люди на месте, и готовы к выполнению задания, Мюллер закрылся в своём кабинете и набрал номер телефона рейхслейтера Бормана.

Шталь распахнул дверь тренажёрного зала, прошёл в боксёрский угол.

Курков, обнажённый по пояс, обрабатывал короткими резкими ударами боксёрскую грушу. Пот струился по его телу, отчего верхняя часть форменных брюк потемнела.

Капитан поморщился:

– Господин Курков, вы в зале один, а ощущение такое, будто вас, русских, здесь с десятков. Груша молча принимала на себя удары. Ноги пружинисто танцевали перед снарядом. Руки наносили жёсткие удары. Зубы стиснулись, лезвие не просунешь.

– Курков, оставьте мешок в покое, мне нужно с вами поговорить.

– Господин капитан, мне выделено ещё двадцать минут.

– Что ж, я подожду. А вы пока подумайте над ответом на мой вопрос: кто такая Берта?

Курков чуть не пропустил удар.

Левой! Теперь правой! – начал командовать Сергей сам себе, – Откуда он знает о Берте? Последние два дня я не выходил из казармы. А он выходил. Дважды. Значит, он мог вычислить старика. А выбивать признания они умеют.

– Вы, Курков, сейчас думаете, откуда он знает про Берту? Я прав?

– Нет. – русский взял скакалку, – Я сейчас ни о чём не думаю. И вообще стараюсь поменьше думать, в отличие от вас.

– Станный комплемент.

– А это не комплемент. Мне приказывают, я выполняю. А думать прерогатива начальства. Вот вы, капитан, уже выбились в начальники. Так что имеете право думать.

– Перестаньте махать верёвкой. В глазах рябит. – Шталь присел на скамью, – Вы редкая сволочь, Курков. Я то ведь бил вас по лицу рукой, а вы ногой. Как балерина, не по-мужски. Кстати, что вы мне тогда сказали, по-русски?

– Пожелал вам, побыстрее встать на ноги.

– Неправда. – Шталь открыл клапан кармана и принялся что-то доставать из него. – Я не знаю русского, но думаю, вы сказали совсем другую фразу. Зато я знаю немецкий. – лист бумаги развернулся в руке капитана. – И, как выяснилось, русский Курков тоже его хорошо знает.

Шталь опустил взгляд и прочитал:

– Молюсь за упокой отца моего, и его сестры Берты. Я лично для себя нашёл странным несколько моментов. Во-первых, наш русский друг, как, оказалось, великолепно владеет моим родным языком. И не только разговорным. Во-вторых, у него, опять же, как, оказалось, была тётка по имени Берта. А он о данном обстоятельстве забыл упомянуть. В третьих, как только он оставляет записку перед иконой Плачущей Магдалины, к нему подходит незнакомец, и о чём-то разговаривает с ним. Между этими событиями прошёл час. Всего шестьдесят минут. Но, за такое короткое время, как оказалось, можно многое сделать. Не правда ли, господин Курков?

– Не знаю. – русский изобразил усмешку, – Господин капитан, говоря высокопарно, вы сейчас только что оскорбили меня подозрением. Я понимаю ваше состояние: вы ненавидите меня. И потому начинаете выдумывать всякие глупости. Если у вас имеется фактаж, передайте его господину штурмбаннфюреру. Он разберётся.

– Курков, не стройте из себя идиота. Вы прекрасно знаете, Скорцени сейчас находится на пути в Вену, и, естественно, я не могу передать ему свои подозрения. Но имеются и другие люди, которых заинтересует моя информация.

– Вы имеете в виду гестапо?

– Совершенно верно.

Курков положил скакалку, принялся обтираться полотенцем:

– И что вы, господин капитан, сможете им предоставить? Записку? Да, её написал я. Кстати, вы почему-то не обратили внимание на мои занятия немецким языком. Ну, конечно, следить за мной вне казармы значительно интереснее, чем в помещении. А откуда у вас записка? А, понимаю, вы обворовали костёл. Bravo! Похвальное занятие для офицера, у которого на пряжке написано: С нами Бог! А тётка у меня действительно была. И звали её Берта. Умерла в тридцать втором. А то, что не указал этого, так ведь не спрашивали. Или вас интересовали покойники?

– Нет, Курков, меня интересуют живые. – Шталь поднялся и вплотную подошёл к русскому, – Например, тот старик, который подошёл к вам. Я решил найти его.

– И что вы узнали?

– Ничего. То есть совсем ничего. В берлинском университете никто не знает ботаника Теодора Штольца. Ни единая душа. Как вы объясните этот факт?

– Никак. Меня ботаника не интересует.

– А меня, в последнее время, она очень заинтересовала. Особенно профессора ботаники. И гестапо, думаю, тоже заинтересует.

– Бедный старик. – вот так прокол. Или он берёт «на пушку»? – Достаточно ему было один раз попросить деньги у русского, как тут же попал в немилость. А в целом забавная история. Гестапо она понравится. Только поторопитесь. Скорцени приезжает через два дня. За это время вы должны от меня избавиться. Так сказать, умыть руки.

Шталь выдержал паузу, и, заложив руки за спину, направился к двери.

– Поторопитесь, господин капитан, а то не дай Бог, штурмбаннфюрер появится раньше.

– Заткнитесь. – Шталь резко развернулся на каблуках, – Я дождусь Скорцени, но вы не вздумайте сбежать. Я буду следить за вами. И плевать мне на то, что меня собираются отправить отсюда во Францию. Я задержусь на столько, на сколько посчитаю необходимым.

– Так вот в чём причина, – Курков, хлопнув себя по колену, рассмеялся, – Вы проштрафились.

Шталь сделал шаг навстречу русскому, но в этот момент в дверь ворвался обер – лейтенант Грейфе:

– Господа, общая тревога. На фюрера совершено покушение. Всем получить оружие и собраться на плацу. Капитан, берите на себя командование. Я на вокзал за штурмбаннфюрером. Надеюсь, он не успел покинуть Берлин.

– Не понимаю, чего мы ждём? – Гельдорф, заложив руки за спину, расхаживал вдоль кабинета, искоса поглядывая на остальных участников заговора.

– Мы ждём известий из ставки. – полицейский подошёл к окну и принялся рассеянно рассматривать руины на соседней улице. – Господа, а не плохо бы было, если бы англичане изменили свой график налётов, и прилетели сейчас. Гестапо прячется в бомбоубежищах, мы, воспользовавшись паникой, захватываем город... Как вам такой вариант?

– Довольно фантазировать. – Гизевиус резко поднялся, оправил костюм, – Я полностью согласен с господином полицей-президентом. Нам следует не дожидаться результатов взрыва, а самим брать Берлин. И немедленно. Господин Гельдорф, у вас карта города имеется?

– Конечно. – глава берлинской полиции вынул из портфеля сложенную вчетверо схему Берлина. – Вот. – развернул её.

– Итак, господа, – все склонились над столом. Гельдорф начал сообщение, – Нам следует блокировать рейхсканцелярию, министерства, блок зданий гестапо. На каждый объект понадобится...

Полицейский задумался. Господи, они думали о чём угодно, но не о том, как разместить войска, поддержавшие их.

– Господин генерал – лейтенант, – видя заминку полицейского, обратился Гизевиус к коменданту Берлина Паулю Хасе, – сколько, по вашему мнению, понадобится сил, чтобы сковать действия СС в столице?

Генерал задумчиво взглянул поверх голов на схему города:

– Будет достаточно три батальона. Но при поддержке танков. Мы связались с училищем в Крампнице, но они прибудут только к вечеру. И ещё, господа, вы напрасно рассматриваете карту. Она стара. И не соответствует действительности. Здесь не отмечены разрушенные объекты, и не указаны маршруты эвакуации и передислокации. Господа, всё-таки, может, давайте ещё раз переговорим с Фроммом. – высказал мнение Хасе. – Он же наш офицер, и его опыт и знания нынешней ситуации в Берлине неопенимы.

– Пытались. – генерал Ольбрехт вошёл в кабинет с последними словами коменданта столицы. – Он наотрез отказывается с нами сотрудничать. Мало того, решил сообщить о том, что происходит в штабе всем своим сотрудникам, чтобы те вызвали гестапо. Пришлось его арестовать и закрыть в кабинете.

– А почему не спрятать генерала в камере? – Хасе посмотрел на Ольбрехта. – У вас есть камеры?

– Откуда? – с удивлением воскликнул генерал. – Мы же не тюрьма.

Гизевиус стиснул зубы: во что он ввязался? Они даже в мелочах не готовы. Дипломат резко развернулся и встрял в беседу военных чинов:

– А может пусть начнёт свои действия полиция?

Гельдорф отрицательно покачал головой:

– Ни в коем случае. Сначала вермахт должен захватить намеченные объекты. Следом, в виде зачистки, пойдут мои люди. Раньше никак нельзя.

– Так что же нам делать?

– Ждать, мой друг. Только ждать.

«Копия.

Ставка фюрера.

20.07.1944 год.

От кого: рейхслейтера М. Бормана

Кому: всем гаулейтерам.

Распоряжение № 1

Сверхсрочно!

На фюрера совершено покушение! Одновременно с попыткой покушения некоторые армейские генералы предприняли попытку устроить правительственный переворот, который должен, и будет подавлен всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

Сделайте выводы, логически вытекающие из этой ситуации!

Действуйте с предельной осмотрительностью!

Внимание: имеют силу только приказы фюрера и его личного (слово «личного» выделено) окружения. Приказы генералов, которые вызовут у вас сомнение, не имеют никакой силы. Всем гаулейтерам НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО войти в контакт со своими партийными руководителями. Помните: при любых обстоятельствах, вы несёте полную (слово «полную» выделено) ответственность за сохранение контроля в своём районе!

Хайль Гитлер!

М. Борман».

Полковник Фельгибель стоял перед телефонным аппаратом, не зная, как ему поступить. По договорённости, он после покушения, должен был сделать условный звонок в штаб резервистов Фромма, однако его остановило состояние фюрера.

Вот уже полтора часа Гитлер находился в «пограничном состоянии», то есть между жизнью и смертью. И Фельгибель не знал, что сообщать в Берлин: состоялось покушение, или нет? Если бы фюрер остался цел и невредим, то полковник просто не стал бы звонить. В случае положительного результата звонок должен был немедленно оповестить командование резервной армии о смерти Гитлера. Но третьего варианта никто не предвидел.

– Полковник, вы долго будете гипнотизировать аппарат?

Фельгибель обернулся. Он не заметил, как его окружили четыре человека из службы безопасности фюрера.

– Вам нужен телефон?

– Нет. – ответил старший из четвёрки, полковник Хассель, – Нам нужны вы. Пройдёмте, вас ждёт рейхсфюрер.

Полковник снял очки, трясущимися руками принялся протирать их платком:

– В чём заключена причина вызова?

– Не могу знать. – офицер посмотрел в близорукие глаза Фельгибеля, – Но прошу вас поспешить.

– Да, да, – начальник ставки осмотрелся по сторонам, – Куда мне идти?

– Следуйте за нами.

Надо застрелиться. – полковник трясущейся рукой потянулся к кобуре, но следующий позади охранник остановил его движение и обезоружил:

– Без глупостей, полковник. Без глупостей!

Гиммлер разговаривал по телефону, когда в кабинет ввели Фельгибеля.

– Свободны. – кивнул рейхсфюрер охране и указал полковнику на стул. – Подождите одну минуту. Кто вылетел ко мне? – тут же крикнул в телефонную трубку, – Кальтенбрунер? Экспертов с собой взял? Будьте на связи. Я сам перезвоню.

Гиммлер присел на край стола:

– Итак, полковник, кто пронёс бомбу в помещение?

– Я не понимаю, о чём идёт речь. – Фельгибель почувствовал тяжесть во всём теле. Симптом страха.

– Штауффенберг? Вы помогали Штауффенбергу? – Гиммлер сорвался на крик. – Кто ещё был с вами, мразь? Хефтен? Штиф? Кто?

Таким рейхсфюрера полковнику не приходилось видеть. Если бы он знал истинную причину нервного срыва Гиммлера, то ни за что бы в неё не поверил.

Фюрер до сих пор был жив. Несмотря на потерю крови и поражение нервной системы, в результате черепно – мозговой травмы, он до сих пор был жив. И Гиммлер, вместо того, чтобы вылететь в Берлин, как планировалось, и встать во главе ликвидации заговора, вынужден был торчать здесь, тогда, как в столице в эти минуты начинались самые главные события.

– Что вы должны были сделать, после отъезда Штауффенберга? Передать сообщение о смерти фюрера. Да? Не молчать! Говорить!

– Да. – выдохнул Фельгибель.

– Вы позвонили?

– Нет. – голова затряслась сама собой.

– Почему?

– Фюрер жив. Смысла нет звонить.

– Без вашего звонка начнутся активные действия или нет? Отвечать!

– Нет. – полковник соврал. Путч в Берлине должен был состояться при любом раскладе. Это не обсуждалось. Это подразумевалось.

Гиммлер несколько успокоился.

Что ж, его план ещё может сработать. Фюрер останется жив – он вернётся в Берлин и арестует всех, причастных к покушению. Фюрер умрёт – он вылетит в столицу и устроит террор. Беспроектная комбинация. Впрочем, полковнику тоже верить нельзя. Нужно сделать звонок Шелленбергу. И Геббельсу. Пусть сообщит по радио, что фюрер жив.

Фельгибель устало опустил голову. Теперь он прекрасно понимал, что подписал себе смертный приговор. И признанием, и ложью. Единственное, на что он мог рассчитывать, так это на время. Оно, пока, работало на него.

Гиммлер пододвинул к нему телефон:

– Звоните в Берлин, и сообщите, что фюрер жив.

Фельгибель молча смотрел на аппарат.

– Быстрее, полковник. И побольше эмоций. План сорвался, ваши друзья должны это почувствовать. Карл!

На зов рейхсфюрера стремительным шагом вошёл полковник Хассель.

– Где доктор Керстен?

– С фюрером.

– Как его состояние?

– Кого? – Хассель недоумённо уставился на Гиммлера.

– Естественно фюрера! – что за день, сплошное недоразумение.

– Тяжёлое. Пока, как сказал господин доктор, без изменений.

Тем временем, Фельгибель набрал номер штаба резервных войск. Трубку на другом конце провода поднял генерал Ольбрехт. После секундной паузы, полковник произнёс:

– Господин генерал. У нас полный провал. Фюрер жив. Только ранен.

Рука Гиммлера опустилась на рычаг. Связь прервалась.

– Скупое. И без эмоций. Вы плохой артист, Фельгибель. С кем разговаривали?

– С генералом Ольбрехтом.

– Нечто подобное, я и предполагал. Хассель, отключите связь. Включать только с моего личного разрешения. На коммутаторе выставить пост охраны. Этого, – рейхсфюрер кивнул на Фельгібеля, – запереть в бункере, в комнате стенографистов. И глаз с него не спускать.

Ольбрехт опустил трубку на рычаг. В двух шагах от него офицеры, окружив стол, обсуждали планы дальнейших действий. Одни стояли на том, чтобы начать вооружённое восстание немедленно, не дожидаясь результатов покушения. Другие настаивали убедиться в смерти Гитлера.

Ольбрехт отвернулся в сторону, принялся нервно хлопать себя по карманам, в поисках портсигара. Фельгибель должен был позвонить только в случае смерти Гитлера. Данный звонок запланирован не был. А значит, догадался генерал, полковник находится под стражей, и его заставили сделать вызов. Теперь ожидание результатов взрыва бессмысленно. Они, те, кто держит Фельгібеля, знают о том, кто организовал покушение. И расправа неминуема.

Генерал вернулся к спорщикам, и оборвал их диалог:

– Мы начинаем выступление. Фюрер мёртв. Сообщите всем, кто с нами поддерживает связь, что операция «Валькирия» началась. Время на подготовку – шестьдесят минут. Штаб остаётся здесь. Всем быть на связи. В путь, господа.

– Генрих, в штаб резервных войск прибыл полковник Штауффенберг.

– Один?

– Нет. С обер – лейтенантом Хефтенем.

– Продолжай наблюдение. Хотя нет. Мейзингер, оставь людей, а сам возвращайся в управление. Ты мне нужен здесь.

– Что передать ребятам?

– Пусть готовятся к военным действиям. Сами на рожон не лезут. Только в случае необходимости.

Мейзингер тяжело дышал в трубку:

– Генрих, что происходит?

– Кто-то захотел сменить лошадку. Дальше пояснять?

– Нет, я всё понял.

– Жду.

Скорцени стремительным шагом прошёл мимо штаба своей части, и направился к плацу.

– Общий сбор объявлен?

– Да, господин штурмбаннфюрер. – ответил дежурный офицер.

– Все в сборе?

– Так точно.

– Что слышно из ставки?

– Фюрер жив, но в тяжёлом состоянии. Сообщил Кальтенбрунер. В центре города, в правительственном районе, вроде, появились танки. Есть сообщение, к Берлину идёт бронепоезд.

– Сообщение от кого?

Офицер вытянулся в струну:

– Не могу знать, господин штурмбаннфюрер.

– Вроде... Кажется... А связь на что? Свяжитесь с Кальтенбрунером.

Все, находящиеся на плацу, при появлении Скорцени вскинулись, подтянулись.

– Вольно. – Скорцени окинул взглядом строй солдат. Все в полной боевой готовности, отметил первый диверсант рейха. – Командирам взводов. Приказываю: ждать моих распоряжений. Судя по всему, сегодня нам предстоит много работы.

Дежурный офицер подбежал к командиру:

– Кальтебрунера у себя нет. Уехал.

– Куда?

– Не могу знать. Его секретарь мне не сообщил.

– Мюллер?

– Тоже отсутствует.

Скорцени побагровел:

– Хоть кого-то из службы безопасности вы в состоянии найти?

Единственным, кто из руководства РСХА оказался на месте был Шелленберг. Скорцени стремительным шагом вошёл в его кабинет, поздоровался, бросил фуражку на кресло, сам расположился во втором, и тут принялся расспрашивать. Он даже не заметил, что бригаденфюрер находится в сильном нервном расстройстве.

– По имеющимся данным, покушение организовали штабисты резервной армии. Иначе говоря, – Шелленберг волновался и от того повторял некоторые слова по несколько раз, – штаб переворота находится на Бендлерштрассе.

– Так в чём проблема? Я со своими орлами быстро наведу там порядок.

– Но это пока только предположение. С рейхсфюрером, а он сейчас в ставке, нет связи. Кальтенбрунер выехал к нему. С группой криминалистов. К нам никаких приказов не поступало.

– К чёрту Кальтенбрунера. Время, бригаденфюрер, время уходит. Пока мы с вами делаем предположения, они могут завладеть Берлином. Ваш телефон работает?

– Да. Кажется.

Скорцени поднял трубку, услышал гудок и быстро набрал номер:

– Фриденталь? Первую роту немедленно отправить в штаб СС. Для усиления охраны. Остальные пусть ждут моих дальнейших распоряжений. Да, и ещё: мне нужен броневомобиль.

Шелленберг испуганно посмотрел на Скорцени:

– Что вы собираетесь делать?

Диверсант повесил трубку и повернулся к Шелленбергу:

– Да уж никак не ждать, чем всё это закончится. Я привык действовать.

– Но рейхсфюрер не давал приказа на ваши действия. И потом, против кого вы собираетесь воевать? Ведь я вам высказал только свои предположения.

– Если не начать активных действий сейчас, потом будет поздно. События могут развиваться непредсказуемо. Я так понимаю, охрана у вас слабая. Так что мои ребята не помешают. Если же события будут развиваться совсем плохо, мой вам совет: бегите. Хайль Гитлер!

Штурмбаннфюрер выскочил на улицу, где его подобрал поджидавший автомобиль. На предельной скорости машина проехала в район правительственных учреждений. Однако в данном квартале, вопреки словам дежурного офицера, всё было спокойно.

– К площади Фербелин. – приказал Скорцени.

Там располагался штаб бронетанковых войск.

Улицы в этом районе имели не столь мирный вид, как в зоне правительственных сооружений. Широкий проспект, ведущий к площади, перегородили два «Тигра», из люков которых виднелись головы командиров экипажей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.